

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ **5** (14)

ISSN 2255-9035

Rīga 2016

УДК 281.9 (4)(051)

П 685

Православие в Балтии, № 5(14)

Научно-аналитический журнал

Rīga, LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2016, 174 lpp.

Главный редактор:

Гаврилин Александр Валентинович

Редакционный совет:

Назарова Евгения, канд. ист. наук (Россия)

Шор Татьяна, Dg. phil. (Эстония)

Пермяков Виталий, Dg. theol. (США)

Мионович Антони, Dg. hab. hist. (Польша)

Епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (Берзиньш) (Аргентина)

Круминя-Конькова Солвейга, Dg. phil. (Латвия)

Протоиерей Александр Берташ, канд. богословия (Германия, Россия)

Богоявленская Светлана, Dg. hist. (Германия)

Корректор: Житарева Марина

Компьютерная верстка: Кулис Марис

Publicēts saskaņā ar LU Filozofijas un socioloģijas
institūta Zinātniskas Padomes 2016. gada 3. marta lēmumu.

Редакция не отвечает за точку зрения авторов статей, за опубликованные авторами материалы. Право на публикацию представленных авторами материалов принадлежит редакции. Представленные в редакцию материалы авторам не возвращаются. Переиздание материалов журнала возможно лишь с разрешения редакции.

На обложке:

церковь Богоявления Господня в Йыхви, постр. 1894-95 г.

Фотография Ростислава Андреева, 2014 г.

ISSN 2255-9035

© Latvijas Universitātes
Filozofijas un socioloģijas institūts

© Rakstu autori

© Aleksandrs Gavriļins

Содержание

Предисловие.	5
Научные статьи	
Антони Миронович (Польша) Ликвидация унии на территориях Царства Польского	9
Александр Берташ (Германия-Россия) В. И. Лунский – рижский епархиальный архитектор	19
Анатолий Кинстлер (Германия) Милосердный самарянин о. Александр Киселев: опыт работы с русской молодежью Германии.	33
Алексей Климов (США) ¹ Иконопись и мозаика в рижский период творчества Е. Е. Климова: к двадцатипятилетию со дня кончины.	57
Петров Иван (Россия) Служение православного духовенства на бывших эстонских территориях во второй половине 1940-х годов	71
Сергей Мянник (Эстония) Архиепископ Роман (Танг)	81
Мемуары	
Борис Грундульс. Воспоминания хориста	93
Публикация документов	
Последнее описание Рижской епархии: отчет о состоянии Рижской епархии за 1917 год.	133
Письмо Преосвященного Доната, Епископа Рижского и Митавского о переходе шведов острова Вормси в православие.	165
Summary	171

Предисловие

Как и все предыдущие номера журнала «Православие в Балтии», пятый номер журнала состоит из трех разделов: 1. Научные статьи; 2. Мемуары; 3. Публикация документов.

Статья польского историка, профессора Антони Мирановича «Ликвидация униии на территориях Царства Польского» прослеживает процесс уничтожения последнего оплота униатства в Российской империи – греко-католических приходов на территории бывшего Польского королевства. Автор приходит к выводу, что этот процесс опирался на тесное сотрудничество царских властей с иерархами Униатской Церкви и на репрессии органов государственной власти против униатского духовенства и мирян. Между тем, использование в обращении униатов к православию методов административного воздействия отрицательно сказалось на репутации Православной Церкви.

Статья историка архитектуры, протоиерея Александра Берташа посвящена творчеству Лифляндского губернского архитектора и рижского епархиального архитектора в конце XIX- начале XX вв. Владимира Лунского. До этого храмы,

построенные Лунским, не привлекали внимания исследователей.

Немецкий историк Анатолий Кинстер в статье «Милосердный самарянин о. Александр Киселев: опыт работы с русской молодежью» анализирует богатейший опыт миссионерской деятельности уроженца Эстонии о. Александра Киселева.

Статья сына художника Евгения Климова – профессора русской литературы Алексея Климова посвящена малоизученной странице творчества знаменитого латвийского художника: его отношению к религии, его попыткам писать иконы, заниматься мозаикой на религиозную тематику.

В материале Санкт-петербургского историка Ивана Петрова анализируется положение православного духовенства на бывших эстонских землях, включенных после Второй мировой войны в состав Российской Федерации.

Наконец, эстонский исследователь Сергей Мянник представляет читателю одного из православных епископов – эстонцев – Романа (Танга).

Во втором разделе журнала публикуются воспоминания юриста Бориса Грундальса (1889-1969) «На сцене и на клиросе.

Воспоминания хориста». Будучи сыном православного священника автор воспоминаний уже в детстве начал петь в церковных хорах. С годами Б. Грундульс накопил богатейший опыт хорового пения, научился в нем профессионально разбираться. Следует отметить, что это первая в истории попытка публикации воспоминаний хориста, певшего в латвийских православных храмах. Текст воспоминаний подготовил к публикации Дм. И. Трубецкой.

В третьем разделе публикуется последний отчет о состоянии Рижской епархии за 1917

год – единственный отчет, составленный консисторией сщмч. Платона (Кульбуша), епископа Ревельского. Этот уникальный документ подготовил к печати Александр Гаврилин. В этом же разделе публикуется также «Письмо Преосвященного Доната, Епископа Рижского и Митавского о переходе шведов острова Вормси в православие», подготовленное к печати эстонским архивистом Людмилой Дубевой.

Публикуемые в третьем разделе исторические источники впервые вводятся в научный оборот.

Научные статьи

Антони Миронович (Польша)

Ликвидация унии на территориях Царства Польского

Позитивные результаты ликвидации унии в Белоруссии в 1839 г., январское восстание, увеличение антиправославных и антирусских настроений среди польского населения западных губерний Российской империи ускорило решение царских и церковных властей о привлечении униатов в православие на территории бывшего Польского королевства. Реализация этой политики была нелёгкой, так как конфессиональная ситуация на территориях Царства Польского (или так наз. Польского королевства) и белорусских землях была различна. После ликвидации унии в Российской империи под властью Романовых оставалась только одна униатская епархия – Холмская в Царстве Польском. Латинизация униатского обряда была здесь особенно сильна и исходила из последовательного введения на территории Польского королевства (Царства Польского) постановлений Замойского синода 1720 г. Латинизация литургии и обрядности происходила при посредстве совершения тихих месс, произнесения молитвы с ружанца, использования органов и колокольчиков во время богослужений. Из униатских церквей стали исчезать иконостасы, одновременно появились боковые алтари, конфессионалы,

лавки и т. д. Латинизация преимущественно сопровождалась введением польского языка в проповедях и молитвах. Униатскими священниками становились часто выпускники латинских школ, преданные Католической Церкви. После Венского Конгресса в новых границах епархии оказались земли бывшего Польского королевства. Холмская епархия объединяла территории трёх воеводств (позднее губерний): Люблинского, Подляского и Августовского. После посвящения в Холмского епископа Филиппа Фелициана Шумборского (1828-1851) эта епархия в 1830 г. стала подчиняться непосредственно Риму.¹

Вскоре после ликвидации унии в Российской империи в Петербург был приглашён тогдашний униатский Холмский епископ Филипп Фелициан Шумборский. Во время пребывания в Петербурге униатский владыка согласился на сотрудничество с царской администрацией в вопросе ликвидации латинских влияний в восточной литургии. С возвращением в свою епархию епископ Шумборский издал послание духовенству и мирянам (1841), в котором распорядился о введении в униатских храмах иконостасов и внедрении «некоторых обрядов Восточной Церкви

во время совершения богослужений».² Послание вызвало различную реакцию среди духовенства и прихожан. Одни приходы приняли православие (Бабице, Горный Поток), другие «очищали богослужение от латинских влияний». Папа Григорий XVI потребовал отмены послания. Под давлением Рима Холмский владыка в 1841 г. отменил своё послание, что привело к конфликту с царской администрацией. В результате царь Николай I в течение многих лет препятствовал занятию пустующих кафедр – Подлясской и Варшавской.³

Преемником Шумборского стал vicарный епископ Холмской епархии Ян Терашкевич (1851-1863), человек компромиссный в отношении правительства и симпатизирующий православию. При нем впервые выпускников Холмской семинарии послали на учёбу в православные Академии в Москве или Киеве. Одновременно реорганизовали униатскую Духовную семинарию в Холме, подчинив её обер-прокурору Св. Синода. В духовных школах Холмский владыка ввёл православные катехизисы. Рим долго затягивал с признанием его в качестве епископа, опасаясь его чрезмерной уступчивости российским властям. Папа Пий IX (1846-1878) утвердил Холмского владыку только в год его смерти.

В 1863 г. Холмская епархия насчитывала 23 благочиния, 270 приходов и 223 тысячи прихожан. Епископство охватывало территории католических епархий Люблинской, Подлясской и Сейненской. Духовенство и униаты-миряне оставались под сильным влиянием польской культуры. После смерти епископа Яна Терашкевича Холмской епархией управлял епископ, номинант Холмский, Ян Калинский, горячий сторонник унии. Царские власти ограничили его юрисдикцию и ликвидировали на территории епархии четыре базилианских монастыря. В 1866 г. епископ был арестован и сослан в Вятку.⁴

Борьбу с латинским влиянием предпринял его преемник, администратор Холмской епархии Иосиф Войчицкий (1866-1868), который стремился к ликвидации унии и присоединению униатов к православию. Войчицкий знал об оппозиции духовенства к таким переменам. Поэтому он начал приглашать духовенство из Галиции, которое было негативно настроено ко всем формам латинизации и полонизации униатского обряда. Уже с середины XVIII века среди грекокатолических священников развивалось движение, называемое москалофильским. Наиболее активным среди них были представители униатского духовенства, которые объединялись вокруг собора св. Юра во Львове.⁵ В общей сложности в Холмскую епархию приехали 51 священник и 60 студентов, которые выступали за возвращение в Православную Церковь.⁶

Иосиф Войчицкий издал для духовенству и прихожанам множество приказов, запрещающих использование в униатских церквях польского языка, органов, пения часов, произнесения молитв ружанца, горьких скорбей. Ограничение епископской власти в управлении Духовной семинарией, запрещение посылки выпускников униатский семинарий в Римско-католическую Академию в Варшаве и распоряжения о принятии их в российские православные Академии не вызвали среди униатов такого сопротивления, как рутенизация обряда. Петербург стал больше интересоваться делами Униатской Церкви после 1868 г., когда униатов подчинили власти обер-прокурора Святейшего правительствующего Синода Русской Православной Церкви в Петербурге Дмитрия Толстого (1823-1889).⁷ В то же время царские власти решились на поставление лояльного к ним Холмского епископа, который обладал бы доверием униатов. После утверждения Папой Пием IX им стал официал униатской епархии в Львове ксёндз Михаил Куземский (1868-1871).

Куземский был известен своей неприязнью к полякам и являлся одним из лидеров москалофильского движения. После хиротонии во Львове в 1868 г. он приехал в Холм.

Приезд владыки Михаила повлек за собой освобождение из заключения униатских священников, укрепил сотрудничество униатского руководства с царской администрацией. Епископ утвердил все постановления Иосифа Войчицкого и запретил униатским священникам участвовать в латинских богослужениях. Нарушение его постановлений грозило служебными санкциями и денежными штрафами. Вскоре Холмский владыка запретил униатам все контакты с латинским духовенством и поручил настоятелям составить списки униатов, которые приняли римско-католический обряд. Епископ Куземский стремился вернуть в свою юрисдикцию всех потомков униатов. Постановления владыки Михаила полностью совпадали с политикой российских властей. Однако Куземский не хотел покидать унии и поэтому в 1871 году сам добровольно отказался от управления Холмской кафедрой. Позиция главы Холмской епархии была осуждена папой Пием IX.⁸

Отказ Куземского от епископского сана в Петербурге был встречен с удовлетворением. Император Александр II в 1872 г. создал Специальный Комитет по делам Холмской епархии, в состав которого вошел приехавший из Галиции священник Маркелл Попель. Он стал администратором Холмского епископства и по распоряжению комитета издал циркуляр униатскому духовенству, которым распорядился совершать с 1874 года Литургию по правилам Восточной Церкви. Циркуляр должен был привести к полной ликвидации изменений, которые были введены Замоиским синодом. Циркуляр, очищающий Литургию от латинских влияний, на практике вводился при содействии гражданских властей. Деятельность Попеля вызвала недовольство среди

Епископ Михаил (Куземский)

духовенства и верующих униатского обряда. Доходило до столкновения верующих с полицией и увольнения священников, противящихся циркуляру. Были интернированы 69 оппозиционных священников, 63 эмигрировали в Галицию. В Дрелове и Пратулине, в Подлясье более десятка униатов погибли, защищая свои традиции и церковные обряды.⁹ Реализация циркуляра в жизнь была вступительной частью присоединения униатов к православию в 1875 г.

В феврале 1875 г. собранное в Бялей Подласской униатское духовенство Холмской епархии обратилось с просьбой к Александру II о позволении присоединения их к Православной Церкви. Делегация духовенства была принята монархом, который 25 марта выразил согласие на ликвидацию унии. Одновременно весной 1875 г. в Бялей Подласской, Янове Подласским, Холме, Грубешове и Замощче были совершены торжественные богослужения, на которых была объявлена воля униатского духовенства. В церковных торжествах принял участие православный архиепископ Варшавский Иоанникий. Возвращение униатов в православие – веру отцов, архиепископ считал естественным, однако не поддерживал используемые при этом государством методы. Из-за этого ликвидация унии происходила без активного участия православного духовенства.¹⁰

Окончательное присоединение униатов Холмской епархии к православию

произошло в соответствии с постановлением Святейшего Синода от 11 мая 1875 г. В православие перешло 240 униатских священников, в том числе 40 приехавших из Галиции.¹¹ Верующих, проживавших на территории Холмской епархии, включили в юрисдикцию Варшавско-Холмской епархии. Викарий Варшавского архиепископа с титулом епископа Люблинского должен был иметь постоянную резиденцию в Холме, а греко-католическую семинарию переделали в православную семинарию. Холмским епископом, решением Святейшего Синода, был поставлен администратор Холмской епархии священник Маркелл Попель. Таким образом, Русская Православная Церковь на территории Варшавско-Холмской епархии, насчитывавшая в 1875 г. 60 приходов и 41 тысячу верующих, увеличилась до 236 приходов и 234 тысячи верующих.¹²

Новая религиозная ситуация потребовала организационных изменений в Русской Православной Церкви на территории Привисленского края. 1 мая 1875 г. решением Синода было образовано викарное епископство с кафедрой в Холме, а 7 мая епархия Варшавско-Новогеоргиевская была преобразована в Холмско-Варшавскую. Это решение было принято с учетом исторической роли Холма в истории Православной Церкви и функционирования в 1223-1596 годах Холмско-Бельской епархии. Новым архиепископом Холмско-Варшавской епархии стал Леонтий (Лебединский), возглавлявший епархию Херсонскую и Одесскую. Задачей нового архипастыря Холмско-Варшавского была реорганизация церковной структуры на территории епархии и завершение процесса принятия униатов в Православную Церковь. В реализации этой миссии архиепископу Леонтию помогал находившийся в Холме викарный епископ. Такое положение не было согласовано с каноническим правом, однако

наличие полной церковной администрации, подчиненной самостоятельному архиерею, имело большую практическую пользу.¹³

По инициативе архиепископа Леонтия в 1877 г. началось издание «Холмско-Варшавского Епархиального Вестника». В виде приложений к этому журналу издавались материалы по истории православия на территории епархии. В 1877 г. была издана первая историко-статистическая работа о Холмско-Варшавской епархии. С 1884 г. действовавшее в Холме православное братство начало издание ежегодного «Холмского Народного Календаря». Архиепископ Леонтий продолжил строительство новых церквей. Указ Александра II, принятый в 1877 г., «Правила для устройства церковных зданий в Привисленском крае» дал церковным властям правовые основания на материальную поддержку министерства Внутренних дел. Новые принципы строительства церковных объектов позволили построить православные храмы в Люблине, Хрубешове, Калише, Ломже, Янове, Млаве, Слупцах, Лодзи, Лукове, Августове, Плонске, Коле, Томашове и других населённых местах. Были также построены церкви на территории военных гарнизонов, в том числе: в Щучине, Остролейке. Чтобы усовершенствовать управление епархией, было принято решение об образовании новых благочинных округов. Число благочиний возросло с двух до восемнадцати.

В 1875 г. был принят указ, запрещающий католическому духовенству удовлетворять духовные нужды униатам.¹⁴ В семидесятых и восьмидесятых годах XIX века в православие ежегодно возвращалось несколько сотен греко-католиков. Возвращению униатов в православия не способствовала административно вводимая великорусская церковная традиция. Наоборот, методы, которыми она вводилась, вызывали протесты не только среди униатского, но и частично среди православного населения.

Архиепископ Евлогий (Георгиевский), управлявший Холмской епархией в 1905-1912 годах, признал, что в процессе объединения было допущено много ошибок. Использование в обращении униатов к православию методов административного воздействия нанесло ущерб репутации Церкви. У православных епископов и священников не было навыков миссионерской работы, они не понимали местных церковных обрядов и обычаев. В результате присоединение униатов к православию часто имело формальный характер. Фактически большинство греко-католиков оставались в своём прежнем вероисповедании.¹⁵ Согласно данным Святейшего Синода РПЦ, из 276 приходов, которые присоединились к православию, только 35 действительно сменили вероисповедание. Чтобы изменить положение в девяностых годах церковные власти развернули миссионерскую деятельность среди бывших униатов, в том числе при посредстве организации для них посещений знаменитых православных духовных центров (Киево-Печерской Лавры, Почаевской Лавры), а также при помощи материальной поддержки в ремонте старинных униатских церквей.¹⁶

В 1891 г. архиепископ Леонтий стал митрополитом Московским. Его место на Варшавской кафедре занял викарный Люблинский епископ Флавиан (Городецкий, 1891-1892), а после него епископ Гедон (Покровский, 1892-1896). Во время их управления продолжалось интенсивное строительство церквей. В этот период были построены церкви в Любартове, Венгрове, Мехове, Томашове, Рыпине, Раве Мазовецкой, Ленчице, Соколове, Серпце, Лукове, Влодаве и многих других местах. В Варшаве в 1894-1912 годах была построена гарнизонная церковь св. Александра Невского. В приходах открывались школы. Архиепископ Флавиан, так же, как и его предшественник, не принимал униатских обрядов

Митрополит Леонтий (Лебединский)

и традиции. При помощи административных мер он стремился к унифицированию церковной обрядности по великорусскому образцу. Такая политика привела к возвращению части верующих в унию и к многочисленным протестам верующих против изменений церковных обычаев и обрядов, самые шумные из которых прошли в Дрелове, Прагулине (1874) и Кодне (1894).¹⁷

В то же самое время на территории Волынской епархии с широким размахом проводилась православная миссионерская работа: открытие приходских библиотек, школ, организация богословских и историко-церковных чтений. В 1892 г. торжественно отметили 900 лет христианства на Волыни, в 1893 г. – столетие присоединения Волыни к России, а в 1889 г. – 50-летие ликвидации унии в Белоруссии. В результате миссионерской деятельности в восьмидесятих годах XIX века в православие перешли более 7 тысяч католиков восточного обряда. Миссионерская деятельность на Волыни ослабла в начале XX века, когда православной иерархии пришлось бороться с революционными и социалистическими воззрениями.¹⁸

Религиозные конфликты на территории Варшавской епархии привели к переводу в 1898 году архиепископа Флавиана на Картолинскую и Кахетинскую кафедру, на которой он стал экзархом Грузии. Новым

Архиепископ Евлогий (Георгиевский)

предстоятелем Холмско-Варшавской епархии стал архиепископ Иероним (Экземплярский, 1898-1905), ранее выполнявший обязанности архиепископа Виленского и Литовского. Во время управления епархией архиепископом Иеронимом было построено множество приходских и гарнизонных церквей. Новые приходские церкви возникли в том числе в Лапах, Велах, Пшасныше, Острове, Радоме, Люблине, Опатове, Колне, а военные – в Варшаве, Мариамполе, Холме, Щедльцах, Скерневичах, Коньске, Миньске Мазовецком, Сташове и Остролейке. Средства на строительство были выделены на основании изданной в 1899 г. «Инструкции Временного Комитета Строительства Православных Церквей в Холмско-Варшавской Епархии» и распоряжения императора Николая II от 1901 г. о строительстве за счёт Военного министерства гарнизонных церквей.

Новый предстоятель епархии сумел лучше, чем его предшественники, сориентироваться в сложной местной конфессиональной ситуации и уладить отношения с верующими. Архиепископ Иероним мирным путём разрешил конфликты с униатским населением. В налаживании ситуации ему помогло новое церковное законодательство, по которому лица, административным

путём обращенные в православие, имели право вернуться в Католическую Церковь. Подобные решения по просьбам верующих мог принять местный архиерей. Указ 1905 года о веротерпимости существенным образом повлиял на конфессиональную ситуацию на территории Холмско-Варшавской и Литовско-Виленской епархий. Только на территории Холмско-Варшавской епархии в 1905-1907 годах из православия в Католическую Церковь перешло 6 590 бывших униатов. Согласно оценке царских властей в 1905-1909 годах в западных епархиях Российской Православной Церкви около 230 000 бывших униатов в Российской империи и Царстве Польском покинули Православную Церковь и перешли в Римско-католическую.¹⁹ Святейший Синод предпринял усилия по противодействию этим тенденциям, популяризируя идею Святой Руси и придавая юбилею 300-летия царствования династии Романовых характер церковных торжеств.

Большой вклад в развитие духовной жизни на территории Холмской епархии внёс тогда ещё молодой епископ, позднее – Патриарх Московский, Тихон (Беллавин). Епископ Тихон управлял епархией в 1897-1898 годах. Его преемниками на Холмской кафедре были епископы Герман (Иванов, 1898-1902) и Евлогий (Георгиевский, 1905-1912). Эти архиереи выступали за исключение Холмщины из Царства Польского и создание самостоятельной губернии в составе Российской Империи. Это должно было предотвратить колонизацию русинов и их уход из православия. Такая губерния была создана в 1912 г.

Несмотря на все усилия, ситуация в Холмско-Люблинской епархии была по-прежнему крайне напряжённой. Архиепископ Евлогий вместе с обер-прокурором Святейшего Синода Константином Победоносцевым старались успокоить недовольство униатов, возникшее как следствие

деятельности царской администрации. По мнению Евлогия, «чиновники разрешали религиозные проблемы согласно букве закона, не считаясь с народом, чтобы только выслать в Петербург отчёт, что с Православием на Холмщине всё в порядке. После 1905 г. около 100 тысяч человек покинуло Православие».²⁰

На территории Волынской епархии Святейший Синод основал Губернско-Церковное Строительное Товарищество, которое в 1874 г. построило 44 новых церковных объекта, а 272 церкви отремонтировало. В последующие годы численность приходских церквей еще более возросла. В начале XX века Волынское епископство имело 1 999 церквей и 207 часовен. В 1914 году количество церквей увеличилось до 2 150, а число верующих достигло 2,7 миллиона человек.²¹ На один приход приходилось около 1 250 прихожан. В епархиальном центре в Житомире количество православных церквей увеличилось с 14 (в 1888 г.) до 27 (1912 г.). Материальное положение духовенства Волынской епархии было стабилизировано указом Александра II от 1872 г. о материальном обеспечении духовенства, согласно которому духовенство получало из государственной казны ежегодные денежные пособия.²²

Вышеуказанные изменения повлияли на постановление Святейшего Синода Православной Российской Церкви от 16 июня 1905 г. об образовании новой епархиальной структуры. Холмско-Варшавская епархия была поделена на две: Холмско-Люблинскую, в состав которой вошли территории Люблинской и Сщедльской губерний, и Варшавско-Привислинскую, которая включила оставшуюся территорию Привислинского края. Первым иерархом, носящим титул Варшавско-Привислинский, стал архиепископ Иероним (Экземплярский). Свои полномочия он исполнял с 16 июня 1905 г. по 2 ноября 1905 г. После него эту

кафедру занимал в 1905-1908 годах архиепископ Никанор (Каменский),²³ а после его отъезда в Казанскую епархию Варшавскую кафедру в 1908-1915 годах занимал архиепископ Николай (Зиоров). Ранее, в 1899 г., была установлена Гродненско-Брестская епархия, а в епархии Волынской основано два викарных епископства – Владимирско-Волынское (1891) и Кременецкое (1902). В 1910 г. на территории Волынской епархии было основано третье викарное епископство – Острожское. Острожское викарное епископство ранее функционировало в 1840-1902 годах.²⁴ В 1907 году на территории Гродненской епархии было образовано Белостокское викарное епископство. Следующие изменения произошли в 1912 г., когда на территории Варшавской епархии образовали викарное Новогеоргиевское епископство, а на территории Минско-Туровской епархии – Слуцкое викарное епископство.

Среди вышеперечисленных епископств наибольшее количество православных верующих находилось на территории Волынской епархии. В 1912 г. эта епархия насчитывала 2 698 377 верующих, находящихся в 1 321 приходе, входящем в состав 12 благочиний.²⁵ Волынское епископство было наиболее богатым в материальном плане. Только одна Почаевская Лавра в 1913 г. принесла епархиальным властям 25 тысяч рублей дохода.²⁶

Существенные изменения в конфессиональной ситуации на территории Варшавско-Привислинской, Холмско-Люблинской, Волынской, Литовско-Виленской и Гродненско-Брестской епархий произошли после начала Первой Мировой войны. В 1915 году территории Варшавско-Привислинской и Холмско-Люблинской епархий были заняты германскими и австро-венгерскими войсками и большинство духовенства и верующих этих епархий были эвакуированы вглубь России. Архиепископ

Николай (Зиоров) также был вынужден покинуть Варшаву. Вместе с духовенством были вывезены церковная утварь и богослужебные предметы. Смерть архиепископа Николая, наступившая 20 декабря 1915 г., и занятие территорий Варшавской и Холмско-Люблинской епархий войсками Германии и Австро-Венгрии явились причиной того, что Святейший Синод никого не назначил на кафедру в Варшаве. Временное исполнение обязанностей Варшавского архиерея было поручено владыке Иоасафу (Каллистову) только в апреле 1917 г., однако и он был вынужден отказать от кафедры в 1918 г. в связи с отсутствием реальных перспектив управления уже немногочисленными на территории Варшавской епархии православными приходами.

Иная ситуация была на территории Волынской епархии. В 1914-1919 годах этой епархией управлял архиепископ Евлогий (Георгиевский). После начала войны архиепископ Евлогий возглавил созданный в Житомире епархиальный комитет помощи нуждающимся в военное время. В результате его деятельности на территории епархии возникли санитарные пункты, больницы, лазареты. В первый период войны, после занятия Львова русскими войсками, в город вместе с духовенством приехал архиепископ Евлогий и начал склонять греко-католиков к принятию православия. Часть униатских священников выехали вглубь России, либо в Австрию. На пустующие униатские приходы прибыло более 200 православных священников. 19 сентября 1914 г. был арестован и заключён в монастыре в Суздале униатский митрополит Андрей (Щептицкий). Митрополит Щептицкий пребывал там до революции 1917 г.²⁷

Переход униатов в православие закончился в июне 1915 г. после вхождения немецких войск в Галицию и занятия ими Львова и части Волыни. В ответ на переход

в православие и благожелательность к русским властям около 300 униатских священников были арестованы австрийскими властями.²⁸ В это время архиепископ Евлогий руководил эвакуацией, в результате которой с территории Волынской епархии в Россию было вывезено православное духовенство и движимое имущество Церкви. Библиотека, архив, предметы для богослужения и мощи святых Почаевской Лавры оказались в Харькове.

После повторного занятия русскими войсками Волыни в апреле 1916 г. архиепископ Евлогий распорядился, чтобы духовенство возвратилось на свои приходы. Много храмов было разрушено (13), повреждено (41), ограблено (14) и осквернено (75).²⁹ Архиепископ Евлогий попытался возродить приходскую жизнь. Викарные епископы посещали приходы, школы и монастыри, попытались возобновить миссионерскую деятельность.³⁰ В 1916-1917 годах архиепископу Евлогию удалось возродить все епархиальное управление и приспособить его к военным условиям. Прочность этого управления не была поколеблена ни военными действиями, ни большевистским переворотом и существованием епархии в 1918 году в совершенно новых государственно-правовых условиях.

Накануне окончания Первой мировой войны на территории так называемого Привислинского и Северо-Западного края осталось только 10 священников и два епископа – владыка Виленский Тихон (Беллавин), будущий Патриарх Московский, и владыка Кременецкий Дионисий, будущий митрополит Варшавский. В 1917 г. в Гродно вернулся викарий Гродненской епархии, Белостокский епископ Владимир (Тихоницкий). Виленский епископ Тихон в 1917 г. отправился в Москву на Поместный Собор Православной Российской Церкви. По пути в Москву к нему присоединился Белостокский владыка.³¹

Возможность реэвакуации с 1918 г. и преследование Церкви в России после большевистского переворота вызвали массовое возвращение православного населения и духовенства в свои приходы. Свержение Российской монархии и возникновение второй Речи Посполитой привело к тому, что Православная Церковь оказалась в совершенно новых общественно-политических

условиях. Польские власти прилагали все усилия, чтобы задержать возвращение униатов в православие. Присоединение униатов к православию, которое начали Иосиф Семашко и Маркелл Попель, после окончания Второй Мировой войны в украинских землях было продолжено о. Гавриилом Костельником.

Примечания

- 1 Н. Dylągowa, *Unia Brzeska i unicy w Królestwie Polskim*, Warszawa 1989, s. 23.
- 2 J. Bojarski, *Czasy Nerona w XIX wieku pod rządem Moskiewskim, czyli prawdziwe neronowskie przesładowanie unii w diecezji chełmskiej*, cz. I, Lwów 1885, s. 23-24; Н. Dylągowa, *Unia w Królestwie Polskim (1815-1915)*, [w:] *Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI-XX)*, pod red. J. Bardacha i T. Chynczewskiej-Hennel, Warszawa 1997, s. 237.
- 3 А. Kossowski, *Filip Felicjan Szumborski (1771-1851. Biskup chełmski unicki)*, Lublin 1937, s. 10-12.
- 4 В. Kumor, *Historia Kościoła*, т. VII, Lublin 2002, s. 361.
- 5 J. P. Himka, *The Greek Catholic Church and Nation-Building in Galicia 1772-1918*, «Harvard Ukrainian Studies», 1984, vol. 8, nr 3-4; А. Mironowicz, *Kościół Prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, Białystok 2005, s. 51-52.
- 6 Н. Dylągowa, *Unia w Królestwie Polskim*, s. 239.
- 7 Т. Śliwa, *Kościół greckokatolicki na «ziemiach zabranych» (1815-1839) i Kościół greckokatolicki w Królestwie Polskim (1815-1875)*, [w:] *Historia Kościoła w Polsce*, т. II, cz. 1, pod red. В. Kumora i Z. Obertyńskiego, Poznań 1979, s. 504.
- 8 Там же, с. 239-240; А. Boudou, *Stolica Święta a Rosja*, т. II, Kraków 1930, s. 502; Т. Śliwa, *Kościół greckokatolicki...*, s. 509; В. Kumor, *Historia Kościoła*, т. VII, s. 362.
- 9 Н. Dylągowa, *Unia w Królestwie Polskim*, s. 240-242. Шире на эту тему: Н. Dylągowa, *Dzieje Unii Brzeskiej*, Warszawa 1996, s. 113-150, 158-174; J. Lewandowski, *Na pograniczu. Polityka władz państwowych wobec unitów Podlasia i Chełmszczyzny 1772-1875*, Lublin 1996; W. Kołbuk, *Polityka ekspansji Cerkwi Prawosławnej na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej w XIX w.*, «Czasy nowożytne», т. II, Toruń 1999, s. 70-72; В. Kumor, *Historia Kościoła*, т. VII, s. 362.
- 10 Н. Dylągowa, *Dzieje unii Brzeskiej*, s. 152-153; А. Mironowicz, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w latach 1795-1918*, [w:] *Prawosławie. Światło wiary i zdroj doświadczania*, pod red. K. Leśniewskiego i J. Leśniewskiej, Lublin 1999, s. 258-259.
- 11 Т. Śliwa, *Kościół greckokatolicki...*, s. 258-259.
- 12 И. К. Смолич, *История Русской Церкви*, т. VIII, ч. 2, Москва 1997, с. 346.
- 13 Т. В. Барсов, *Сборник действующих и руководственных церковных и церковногражданских постановлений по Ведомству православного исповедания*, т. I, Санкт-Петербург 1885, с. 112-125.
- 14 Т. Śliwa, *Kościół greckokatolicki...*, s. 510.
- 15 И. К. Смолич, *История Русской Церкви*, т. VIII, ч. 2, с. 347.
- 16 *Список церквей, часовен, приходов и священнослужителей Холмско-Варшавской епархии, с показанием местностей, составляющих приходы, числа прихожан и количества церковно-приходских земель*, Варшава 1882.
- 17 Н. Dylągowa, *Dzieje unii Brzeskiej*, s. 158-190.
- 18 С. И. Жилук, *Российская Церковь на Волыни...*, с. 117, 135-154; А. Mironowicz, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w latach 1795-1918*, s. 262-263.
- 19 В. Kumor, *Historia Kościoła*, т. VII, s. 444.
- 20 Евлогий (Георгиевский), митрополит. *Путь моей жизни...* Париж 1947, с. 95-96.
- 21 Н. И. Теодорович, *Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии*, т. I, Почаев 1888, с. 66; С. И. Жилук, *Российская Церковь на Волыни (1793-1917)*, Житомир 1996, с. 16-17.
- 22 Там же, с. 108-111, 129-135.
- 23 Архиепископ Никанор (Каменский) с 1893 г. до принятия Варшавской кафедры управлял Архангельской, Смоленской, Орловской,

- Екатеринбургской и Гродненской епархиями. Ср.: И. К. Смолич, *История Русской Церкви*, ч. 1, с. 558.
- 24 С. И. Жылуц, *Российска Церква на Волини...*, с. 14.
- 25 *Памятная книжка Волынской Губернии на 1913 год*, Житомир 1912, с. 54-65; 110-113; С. И. Жылуц, *Российска Церква на Волини...*, с. 166-168.
- 26 И. М. Покровский, *Русские епархии в XVI-XIX веках, их открытие, состав и пределы*, т. II, Казань. 1913, с. 314, 364.
- 27 Н. Полоньска-Василенко, *История Украины*, т. II, Киев 1992, с. 445; С. Жылуц, *Российска Церква на Волини*, с. 127-128.
- 28 T. Śliwa, *Kościół greckokatolicki...*, s. 649.
- 29 И. Антонович. *Страшные цифры*. «Волынские Епархиальные Ведомости», 1916, №9, с. 97.
- 30 С. Жылуц, *Российска Церква на Волини*, с. 129; А. Mironowicz, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w latach 1795-1918*, s. 267-268.
- 31 А. К. Свитич, *Православная Церковь в Польше и её автокефалия*, [в:] *Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии 1917-1950 гг.*, Москва 1997, с. 92; А. Mironowicz, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, Białystok 2005, s. 58-60.

Александр Берташ (Германия-Россия)¹

В. И. Лунский – рижский епархиальный архитектор

Русского прибалтийского архитектора (гражданского инженера) Владимира Ивановича Лунского можно считать крупнейшим храмостроителем Балтии конца XIX – нач. XX вв. Однако специально ему посвящены лишь крайне немногочисленные публикации в периодике, прежде всего, прот. Олега Пелевина². В. И. Лунский родился 31 янв. 1862 г. в г. Ломжа, Польша (менее вероятно, в Вильно) в семье потомственного дворянина польского происхождения и русской матери. В 1881-1886 гг. он учился в Санкт-Петербургском институте гражданских инженеров³. По окончании был причислен к МВД и работал в Техническо-строительной комиссии. В 1886 г. переехал в Митаву (Елгаву), где занимал должности младшего инженера (с 3 июля 1886 г.), младшего архитектора (с 20 окт. 1886 г.) Курляндского губернского правления. С 1888 г. – Ломжинский уездный инженер-архитектор, после чего работал в Риге. С 1 мая 1891 г. – исполняющий должность Лифляндского губернского архитектора, утвержден в должности 12 дек. 1892 г. 5 марта 1896 г., после кончины 2 февр. 1896 г. Рижского епархиального архитектора А. Н. Эдельсона, постановлением Рижской Духовной консистории утвержден

епархиальным архитектором с оставлением в должности губернского архитектора. Как и в ряде других епархий, он получал за составление чертежей и смет и наблюдение за постройкой 1% сметной стоимости. 3 мая 1899 г. Лунский был уволен от должности епархиального архитектора, после чего его место занял О. Бар⁴. Однако вскоре, 1 февр. 1901 г. постановлением Рижской Духовной консистории Лунский был вновь утвержден епархиальным архитектором, сохраняя должность губернского архитектора.

Как по специальности, так и в качестве благотворителя архитектор занимался работой, связанной с местами заключения. С 1893 г. Лунский – директор Лифляндского губернского комитета Общества попечительства о тюрьмах, с 1902 г. – член комитета по сооружению тюремных зданий в г. Риге, с 1904 г. – попечитель Рижского исправительного арестного отделения.

В 1904 г. он был произведен за выслугу лет в статские советники, с 20 мая 1905 г. занял должность Лифляндского губернского инженера. В период нахождения в должности губернского архитектора, до 1905 г., Лунский содействовал строительству значительного числа примечательных сооружений, изменивших архитектурную

Рига. Вознесенская церковь. 1897 г. Восточный фасад. Фото автора.

панораму Риги. Среди них лютеранская неоготическая с неороманскими элементами Новая церковь св. Гертруды (проект В. фон Стрика 1899 г., постройка 1903-1906 гг.); католическая церковь св. Альберта в Задвинье (проект 1900 г., архит. И. Кох); здание Второго городского русского театра (архит. А. Рейнберг); Рижское биржевое коммерческое училище (ныне – Академия художеств); многочисленные дома в стиле модерн (архитекторы В. Бокслаф, М. Эйзенштейн, Г. Шелл, А. Ашенкампф, К. Фельско). Лунский руководил строительством баптистской молельной апостола Матфея в Риге (1898 г., архит. Х. Мелбарт; 1902 г., архит. О. Бар), построенной в неороманском стиле с элементами модерна⁵. Ряд сооружений в центре Риги, в Задвинье, на Московском форштадте и в других районах был возведен непосредственно по проектам Лунского, среди которых – дом в Санкт-Петербургском форштадте на земле Покровской церкви на 14 квартир для вдов и сирот

духовенства епархии (заложен в 1896 г.), жилой дом на Елизаветинской (Элизабетес) улице, 11 (1897 г.). Репрезентативное 4-этажное сооружение с 2 боковыми ризалитами имеет отделку в стилистике необарокко. Лунскому принадлежит ряд проектов для г. Тарту (Дерпта)⁶: зданий съезда Мировых судей Дерпт-Верроского округа (Окружной суд, 1890-1892 гг.) с арестным домом при нем (1890-1895 гг.)⁷, почты (1899 г.) и др.

Однако наибольшую известность Лунский получил как мастер русского стиля и храмостроитель Латвии и Эстонии при архиепископах Рижских и Митавских Арсении (Брянцеве, 1887 – 4 окт. 1897 гг.) и особенно Агафангеле (Преображенском, 1897-1910 гг.)⁸.

Ранней постройкой Лунского еще в период его работы в Курляндии явилась шатровая Успенская кладбищенская церковь в Елгаве (Митаве) на 200 прихожан (1887-1889 гг.). Над главным четвериком храма и над притвором возвышаются, соответственно,

Рига. Вознесенская церковь. 1897 г. Вид с юго-востока. Фото автора.

восьмерик и ярус звона – четверик, завершенные массивными шатрами, такого типа шатровое завершение считается первым по времени в Прибалтике.

Известнейшая рижская церковь во имя Пресв. Троицы в Задвинье (1891-1895 гг.) была первоначально спроектирована Я. Ф. Бауманисом (1891 г.)⁹. После его скоропостижной кончины проект переделал инженер-строитель Б. Эппингер, роль которого архитектор В. М. Шервинский считал наиболее значимой. В. И. Лунский приступил к работам на последнем этапе (с 1895 г.). Строительство обошлось более чем в 60 т. руб. Отмечалось, что «Задвинский храм построен вместимостью на 800 чел. в старинном московском стиле, с четырехгранным куполом, увенчанным 10 головами»¹⁰, что это «первый в своем роде храм в прибалтийском крае... в московском стиле»¹¹. При изменении проекта была осуществлена его «русификация», напр., центральный яйцевидный купол заменили

традиционным декоративным луковичным пятиглавием, венчающим двухъярусный центральный четверик. Еще 4 главы завершают боковые ризалиты, 10-я главка – алтарь. Церковь трехчастная, с колокольной над притвором, малой трапезной в 1 ось и сложной по конфигурации граненой алтарной апсидой с угловыми компартаментами. Храм отличается уникальным для Риги богатством декора и вертикальной ориентацией благодаря высокой шатровой 4-ярусной колокольне и динамичной ступенчатой композиции по типу столичного храма свт. Петра Митрополита в Ульянке в Санкт-Петербурге (1887 г., архит. В. Ф. Харламов), проект которого был опубликован в журнале «Зодчий»¹² и приобрел всероссийскую популярность. Ковровый декор (килевидные кокошники, трехчетвертные колонки, ширинки, дентикулы, орнаментальные «плетенки», ползучие арочки) выдержан в формах московско-ярославского узорожья и отчасти народного зодчества. Четверик

второго яруса с сомкнутым сводом прорезан тремя окнами с каждой стороны. Несущие его опорные арки «спрятаны» в толщу стен. Интерьер воспринимается как бесстолпный, хоры и трапезная перекрыты крестовыми сводами.

Вознесенская церковь латышского прихода в Риге с приделом св. Иоанна Богослова, построенная в 1867 г.¹³, была перестроена и «русифицирована» архит. В. И. Лунским в 1902-1903 гг. по проекту¹⁴, составленному в 1897 г. Храм приобрел компактное ступенчато расположенное декоративное луковичное пятиглавие над повышенным зодчим четвериком основного объема, наподобие церкви свят. Петра Митрополита. На значительно расширенной тремя объемами алтарной части (образующими в плане трехчастный полуциркульный кокошник) появились плоскостные наличники сложной формы в русском «тоновском» стиле. Средняя часть храма была также расширена по сторонам прямоугольными в плане объемами, благодаря чему здание получило крестообразный план. Алтарную и боковые пристройки увенчали луковичные главы. Основной объем получил плоское балочное перекрытие. Трапезная часть с полуциркульными окнами и шатровая колокольня остались без изменений.

Развитую композицию, в частности, по поперечной оси, имеют также два трехчастных городских храма, спроектированных Лунским также по типу церкви свят. Петра Митрополита. Исидоровская церковь (собор) в г. Валга (1896 – 1898 гг.) стала первой, посвященной священномученику Исидору Юрьевскому, пострадавшему в 1472 г. от крестоносцев в Дерпте. Его почитание было возобновлено по инициативе архиепископа Арсения (Брянцева).

В основе планировки храма, близкого к кресту, лежит тоновская композиция с ярусной шатровой колокольней над притвором и глухим луковичным пятиглавием

над высоким массивным четвериком основного объема. Храм отличается значительными размерами за счет двух боковых приделов и наличием трех крупных алтарных апсид. Он построен из красного кирпича с белыми оштукатуренными деталями. В достаточно сдержанной отделке использованы мотивы арочек, руст.

По проекту Исидоровской церкви строился в 1898-1901 гг. Никольский храм в Вентспилсе (Виндава). Его отличия незначительны (завершения фасадов поясами мелких кокошников, килевидные навершия оконных наличников и более сложное оформление проемов, побелка фасадов).

Преображенская церковь эстонского прихода в Пярну (Пернов, Пернау; 1902-1904 гг.) из желтого кирпича с красно-кирпичным декором имеет аналогичную композицию, но с 1 полуциркульной в плане апсидой и 1 главой над массивным центральным четвериком (высота 34 м.). Ее украшают наличники в формах узорочья и лопатки, заполненные ширинками и крестами на уровне фриза. Шатровая колокольня над притвором достигает высоты 38 м.

Близки им по композиции и декору наиболее оригинальная и одна из красивейших латвийских церквей – Александро-Невская на 700 человек в Вец-Стамериена (Латвия, приход Стомерзее, 1902-1904 гг.)¹⁵ со сложной композицией алтарной части, высокой четырехъярусной колокольней и своеобразным оформлением оконных проемов; Вознесенская церковь в Вецслабаде (Латвия, Старая Слобода, 1906-1908 гг., наблюдал за строительством полоцкий епархиальный архитектор В. Ф. Коршиков, 17 тыс. руб. выделено императором Николаем II) и Преображенская церковь на 700 человек в Сунтажи (Латвия, Сунцельский приход, проект Лунского 1906 г.¹⁶, построена на средства казны в 1907-1909 гг. с более упрощенной отделкой, ныне разрушается).

Вец-Стамериена (Стомерзее). Александроневская церковь. 1902 г. Открытка из собрания Д.И. Трубецкого.

Сунтажи (Сунцель). Преображенская церковь. 1906 г. Открытка из собрания Д.И. Трубецкого.

Законченным образцом московско-ярославского стиля является спроектированная Лунским церковь во имя свят. Алексия, митрополита Московского, в Лиепаве (Новая Либава или Яунлиепая, 1905-1907 гг.). Трехчастный храм имеет завершения в виде невысокого шатра (квадратная в плане столпообразная высокая колокольня) и миниатюрного декоративного пятиглавия над главным кубическим четвериком на четырехскатной кровле. Двухцветные фасады покрыты сплошным ковром декора в виде килевидных кокошников, наборных колонок наличников, аркатурно-колончатых поясов, ширинок в угловых частях, крестов, сухариков. В храм ведет крыльцо под шатром, далее – низкая трапезная, за главным объемом, фасады которого разделены на 2 яруса и завершены поясами мелких профилированных килевидных кокошников – пятигранная апсида с угловыми компартиментом.

Лунским были построены несколько трехчастных храмов из булыжника и кирпича, в основе которых читается тоновский образцовый проект. Ему приписывается трехчастная, несложная по решению, церковь Пресв. Троицы в Алуксне (Латвия, Мариенбургский приход, 1894-1895 гг.). Еще более простую композицию при минимуме отделки, кроме оригинальных оконных наличников со щипцами, напоминающих о народном деревянном зодчестве, имеет трехчастная Михаило-Архангельская церковь из булыжника и кирпича в Кяхри (Пылва-Кяхри, Эстония, Геймадрский приход, 1900 г.).

30 апр. 1897 г. император утвердил проекты и сметы Лунского на постройку церковных зданий в Лифляндской губ. – судя по времени их возведения и сходству архитектурного решения, нижеследующие. Церковь Рождества Богородицы в Лохусуу (Эстония, Логоза, 1897 – 1898 гг.) на 400

чел. построена на пожертвования Петербургского купца II гильдии И. М. Медведева. Основной кубический объем завершен низкой четырехскатной кровлей, увенчанной малой луковичной главкой на барабанчике. Соединенная с ним трапезной в 2 оси квадратная в плане колокольня имеет шатер с главкой. С запада к ней примыкает завершенное такой же главкой на пирамидальной кровле характерное для Лунского открытое крыльцо. В декоре доминирует мотив треугольных щипцов-фронтонов (завершения угловых частей основного объема, центральных частей верхнего яруса колокольни и фасадов главного объема, навершия оконных наличников, завершения проемов крыльца). Декор, что характерно для данной группы построек, отличается тонкой прорисовкой и заостренностью форм, напоминающих о модерне.

Церковь преп. Арсения Великого на 350 человек в Тя(а)нассильма (Теннасылм, 1897-1898 гг.) построена на правительственные средства. Проект Лунского (1896 г.) был одобрен 30 января 1897 г.¹⁷ Церкви в Тянассильма, а также церкви Сретения в Кол(ь)берге (Мазсалаца, Скуалберги, ныне – Сканыкалнс, Латвия, 1897 – 1898 гг., иногда ошибочно приписывается Бауманису, подрядчик П. Штейнберг, сметная стоимость 15163 руб.)¹⁸, Вознесения в Ангернском приходе (Кохила-Ангерьа, 1899-1901 гг.) и Входа Господня в Иерусалим в Ранну (Ранденский приход, 1899-1901 гг., освящена в 1905 г.; ныне принадлежит «Новоапостольской церкви») имеют очень похожие с храмом в Лохусуу декор в виде щипцов, композицию, включая крыльцо под шатром (крыльца нет в церкви в Ранну, но ее можно атрибутировать Лунскому по стилистике отделки).

Церковь Преображения Господня в Валгунде (Волгунд, 1897-1899 гг.) в Спасо-Преображенской пустыни Рижского Троице-Сергиева монастыря спроектирована Лунским, но напоминает более ранние

постройки Эдельсона. Это последний храм, построенный в епархии по благословию архиепископа Арсения. Церковь сооружена из желтого кирпича без использования камня. Композиционно она близка вышеперечисленным церквям, отличаясь от них большим алтарным объемом, но вместо щипцов декорирована килевидными кокошниками, включая завершения фасадов и навершия наличников.

Очень близки этой группе по архитектуре и могут быть приписаны Лунскому по стилистике церкви Богоявления в Салдусе (Латвия, Фрауенбургский приход, 1898 г., с 1 главкой на оригинальном постаменте, пятигранной апсидой), свят. Николая в Айзпуде (Латвия, Газенпотский приход, не ранее 1895 г., после 1960-х гг. перестроена в адвентистский молитвенный дом); свят. Николая того же типа в Кулламаа-Силла (Эстония, Гольденбекский приход, 1907-1908 гг., ныне руины).

Трехчастная одноглавая церковь свят. Николая в Ямах (ныне Яама, 1904 г.) построена по проекту Лунского на пожертвования, в т.ч. императора Николая II (600 руб.). Она имеет разновысотные окна на боковых фасадах и усложненное завершение основного объема, основной элемент декора – заостренные щипцы-фронтоны, в чем можно видеть влияние модерна. Храм восстановлен в 1991 г. и приписан к Пюхтицкому Успенскому монастырю.

Близки к постройкам Лунского храмы, достоверное авторство которых не установлено. В 1895-1896 гг. была расширена приделами и богато декорирована Троицкая церковь в Либапе (Либава). Богоявленская церковь при суконной фабрике в Синди (1897-1899 гг., жертвователем московский купец Р. Шен) отличается богатейшим ковровым декором в стилистике узорочья XVII в. Одноглавая церковь традиционна по своей трехчастной композиции, напоминающей проекты Лунского.

Ям (Ямы). Николаевская церковь. 1904 г. Фото автора

Ям (Ямы). Николаевская церковь.
1904 г. Деталь фасада. Фото автора

Ям (Ямы). Николаевская церковь.
1904. Интерьер. Фото автора

Трехчастная красно-кирпичная, с выбеленными декоративными элементами Александровская (с 1937 г. Преображенская) церковь в Лимбажи (Лемзальский приход, Латвия, 1901-1903 гг.) имеет план, близкий к крестообразному, на основе архитектурного решения церкви свят. Петра

Митрополита, но в упрощенном виде. Венчающий четверик увенчан по углам глухими луковичным пятиглавием, высокая столпообразная колокольня завершена небольшим шатром. Разнообразный выбеленный декор составляют горизонтальный руст, арочные проемы, килевидные кокошники.

Юрмала-Кемери (Кеммерн).
Петропавловская церковь. 1892 г.
Открытка из собрания Д. И. Трубецкого.

Трехчастная из красного кирпича и булыжника церковь Рождества Христова в Хельме-Тырва (Эстония, Гельметский приход, 1903-1905 гг., в 1987-1990 гг. перестроена под зал лютеранского прихода) декорирована полуциркульными, в т.ч. венецианскими, окнами. Постройка может быть приписана Лунскому, исходя из стилистики и имеющегося указания на то, что он проектировал деревянные службы и бани при доме причта в 1902 г.¹⁹

Стилистически близки друг другу три одноглавых трехчастных храма с шатровыми колокольнями, из красного кирпича: Успенская церковь в Айзкальне (Латвия, Ясмуйжский приход, 1904 г., построена за счет средств помещиков Гр. и его сына

Никиты Кузнецова и государственной казны), Успенская церковь в Липинишках, Латвия (1906-1908 гг.), с оригинально оформленным западным фасадом и Петропавловская церковь в Сууре-Яани (Эстония, Олустферский приход, 1906-1908 гг.) с высокой колокольней, 2 глухими луковичными главками над основным четвериком и алтарем. Последнюю церковь, возможно, проектировал Лунский: он снимал план старого храма в этом приходе в 1907 г. Последние два храма отличаются богатым декором (полуциркульные кокошники, ширинки, дентикулы и др.).

В 1908-1910 гг. в «московско-ярославском» стиле была выстроена Никольская церковь в Крустпилсе (Латвия, ранее Крейцбург). Она в упрощенном виде воспроизводит тип военных храмов в Двинске и Гродно. Большая двусветная церковь во имя великомученика Георгия в Вярска (Эстония, Верхоустье, 1904-1907 гг.)²⁰ выделяется крупной луковичной главой, оригинальны «лежачие» окна второго яруса, рамочные П-образные навершия наличников которых близки к модерну. Однако приписаны Лунскому эти храмы могут быть лишь условно.

Лунский – автор проекта ряда деревянных церквей в русском стиле. Оригинальностью декора отличается Петропавловская церковь в Юрмала-Кемери (на Кеммернских серных водах)²¹. Трехчастный храм на 300 человек, основной объем которого увенчан массивным шатром, богато украшен резьбой в русском стиле. Первоначальный его проект принадлежал Эдельсону, но Лифляндское строительное управление в феврале 1892 г. одобрило чертежи пожилого зодчего, но вскоре отказалось от них, поскольку «проект, составленный гр. инж. В. Лунским, имеет все преимущества в отношении стиля и изящества» и в то же время более дешев. С этим мнением согласился и архиепископ Арсений (Брянцев).

Проект Лунского утвердили 30 июня 1892 г., а архитектор согласился выполнить план и наблюдать за работами (длинным годом) безвозмездно. Уже 9 июля курортный храм был заложен архиепископом Арсением. 2 тысячи руб. на постройку из общей суммы 5 тысяч выделил обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев²². В композиции зодчий использовал мотивы спроектированной им ранее каменной Успенской кладбищенской церкви в Митаве. Храм не закрывался, сохранился интерьер в русском стиле.

По проекту Лунского были построены в разное время еще две деревянные церкви: Рождества св. Иоанна Предтечи в Варкландском приходе (ныне Варакляны, 1893 г., разрушена) и Константино-Еленинская церковь-школа в Дондагене (Дондага, ныне Дундага, 1911 г., восстанавливается с 2010 г.). Деревянная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери в курортном Эдинбурге (Юрмала-Дзинтари), на границе с Майоренгофом (Майори), была сооружена в 1894-1896 гг. с очевидным подражанием соседней церкви в Кеммерне (проект архит. А. П. Кизельбаша).

Последним по времени строительства образцом русского стиля в Риге и крупнейшим построенным Лунским храмом стала практически совпадающая по размерам с кафедральным собором пятиглавая церковь во имя Усекновения главы св. Иоанна Предтечи на Ивановском кладбище в Московском форштадте в Риге²³, заложенная, вероятно, в 1913 г. в связи со 100-летним юбилеем Отечественной войны. Строительство прервалось в военные годы и было завершено по проекту синодального архитектора В. М. Шервинского в 1925-1929 гг. Длительность достройки здания объяснялась его плохим техническим состоянием, что Шервинский объясняет чрезмерной занятостью архитектора, который слишком доверился небросовестному подрядчику:

«Надзор был недостаточным, а может быть, и формальным»²⁴.

4 крупные боковые луковичные главы находятся на глухих цилиндрических барабанах над угловыми компартиментами, фасады которых завершены арками. Центральный барабан еще большего диаметра увенчан яйцевидным по форме куполом, над которым – еще один малый барабан с луковичной главой. Нижний световой барабан опирается на подпружные арки и 4 крестообразных пилона. Боковые фасады храма выделены ризалитами, западный – большим ризалитом, каждый из них завершен гигантской аркой и прорезан тройным венецианским окном, они оформлены декором в неороманских и неоклассицистических формах (возможно, отсылающих к архитектуре царствования императора Александра I): арочными окнами, рустом, пилястрами, сухариками, квадратными впадинами – шинками. Храм трехнефный, центральный завершен полуциркульной в плане апсидой, алтари боковых Скорбященского и Казанского приделов прямоугольные в плане. Рукава центрального пространственного креста, в том числе большие хоры над притвором, а также алтари боковых приделов и угловые компартименты, перекрыты крестовыми сводами.

Церковь во имя св. Александра Невского в районе Карлова г. Юрьева (Дерпт, Тарту) – наиболее выразительный сохранившийся образец неорусского стиля в странах Балтии и единственный пример обращения к нему Лунского. Первый проект архитектора К. Покровского оказался слишком дорогим, а смета Лунского составила 54000 руб. В стилистике модерна преломлены мотивы московской и псковской архитектуры, указывалось также, что храм построен в «стиле старинных русских (суздальских) церквей XVII в.». Сложная объемно-пространственная

Тарту (Юрьев). Церковь всех святых Александров (Александро-Невская). 1914 г. Северный фасад. Фото автора

Тарту (Юрьев). Церковь всех святых Александров (Александро-Невская). 1914 г. Восточный фасад. Фото автора

Тарту (Юрьев). Церковь всех святых Александров (Александро-Невская). 1914 г. Своды. Фото автора

композиция 9-купольного сооружения, напоминающего древнерусские белокаменные постройки, симметрична и отличается устремленностью ввысь. Это подчеркнуто расположением храма на высоком подцерковье и повышенным расположением на глади стен оконных проемов, оформленных

ступенчато расположенными валиками, и своеобразной трехступенчатой композицией, окружающей близкое к квадрату в плане центральное ядро храма. Ее образуют завершающие фасады боковых трансептов (1 ярус) и подвышенного основного четверика (2 ярус) треугольные фронтоны, причем во

2-м ярусе – криволинейных очертаний, и вторящий им по очертаниям центральный шатер. Каждый фронто́н и шатер увенчаны луковичной главкой на круглом барабане. Алтарная часть представляет собой протяженный прямоугольный объем в 7 осей (по линии север-юг), чуть более низкий, чем боковые трансепты, с выступающей полуциркульной в плане центральной частью в 3 оси. Одноярусный притвор в 2 оси продолжает с запада крыльцо на 2 восточа с сенью, завершенное луковичной

Тарту (Юрьев). Церковь всех святых Александров (Александро-Невская). 1914 г. Вид на алтарную часть. Фото автора

главкой на звоннице-постаменте, образованной 4 трехчастными полуциркульными кокошниками. Окна вытянутые, полуциркульные, заключены в рамочные наличники, карнизы оформлены своеобразными зубцами. Трехчастные окна боковых ризалитов разделены столбиками с дыньками, крыльцо украшают столбы с кубышками. Однако основную эстетическую нагрузку несут нерасчлененные плоскости стен.

Храм заложен 27 мая 1914 г. архиепископом Рижским и Митавским Иоанном (Смирновым), строился в 1914-1915 гг. инженером-архитектором Дерптского университета П. Никитиным и подрядчиком Ф. Кангро на пожертвования, которых было собрано около 130 т. руб. Дважды по 2 т. руб. внес на постройку император Николай II. Священник церкви Антоний Лаар, впоследствии – активный борец за независимый от Русской статус Эстонской Православной Церкви, придавал постройке особое идейное значение. В записке, поданной 10 апреля 1916 г. обер-прокурору Синода, он высказался о том, что «православие перестало привлекать и осталось чуждым большинству народа», немцы, в первую

очередь, через проповедь лютеранства, сделали германизм «высшим идеалом эстонцев». Он цитировал немецкий источник, согласно которому «назначение прибалтийского края – служить германской пограничной стражей евангельской веры против азиатского варварства и византийской поповщины». Лаар писал: «Потребовался ужас настоящей войны, чтобы понять, что борьба с немецким духовным засильем – лютеранством, не признак фанатизма и отсталости местных православных деятелей, а прямая государственная необходимость». Первым средством возвращения эстонцев в православие и укрепления национально – государственных интересов России автор считал храмостроительство: «Надо всюду, где открываются новые приходы, немедленно выстроить и новые церкви». Многие приходы в епархии по 20 лет не имели храмов: все они, кроме «юрьевского Александро-Невского и 2-3 монастырских», строились на казенные средства, а те выделялись нерегулярно²⁵. Нижний Покровский придел был освящен 27 мая 1914 г. Главный престол храма – единственный, освященный епископом священномучеником

Платоном (Кульбушем) (21 апр. 1918 г.). Придел нижнего храма был освящен во имя преп. Серафима Саровского (2 дек. 1914 г.), верхнего – в честь св. кн. Ольги (26 сент. 1915 г.), еще один – св. Исидора Юрьевского. Храм восстановлен в 2003 г. и получил новое посвящение в честь Всех святых Александров²⁶.

Вероятно, стремлением сохранить исторически сложившийся облик Покровской церкви в Нина (Носовский приход, 1824-1828 гг.), был продиктован крайне сдержанный классицистический (если не считать небольших луковичных главок над треугольными фронтонами) характер проекта расширения храма двумя приделами, выполненный Лунским в 1907 г.²⁷.

Ошибочно Лунскому во всех источниках приписывается Иоанно-Предтеченская церковь на станции Тапа в Эстляндской губернии, спроектированная О. Баром (1901—1904 гг.). Архитектура храма нетипична для Лунского, но самое существенное, что именно Бар короткое время занимал должность епархиального архитектора в период проектирования церкви и имеется его авторская подпись на сохранившемся в ЕАА проекте²⁸.

В большинстве своих проектов Лунский скорее, чем его предшественники из «рижской школы» (прежде всего, Я. Бауманис и Р. Пфлуг), отличался консерватизмом в отношении объемно-пространственного построения храмов. Основными композиционными типами для него являлись трехчастная тоновская схема с колокольной надпритвором в упрощенном варианте одноглавого храма в имении Синявина²⁹ или с высоким центральным двусветным четвериком, увенчанным пятиглавием (по типу церкви свят. Петра Митрополита). Это касается и использования в декоре мотивов русского узорочья XVII в. или «тоновского» варианта русского стиля. Он активно использовал характерный для Прибалтики

метод строительства из булыжного камня, часто с открытой кладкой, сочетающегося с кирпичной кладкой несущих частей, что позволяло достигнуть эффектов полихромии и «рукотворности» церковных стен. Кирпичная фасадная отделка построенных им храмов отличается изяществом рисунка и иногда остротой графики и изломанностью линий, предвосхищающей достижения модерна. Модерн и русский стиль Лунский соединил в последней своей и самой оригинальной постройке – Александро-Невской церкви.

В. И. Лунский был награжден орденами св. Анны II и III ст., св. Станислава II и III ст., орденом Белого Орла (1914 г.), многочисленными юбилейными и памятными медалями. Сведений о личной жизни архитектора имеется немного. Он был женат на Людмиле Николаевне Юревич (1867-1925), имел детей: Зинаиду (1889), Евгению (1891), Тамару (1893), Владимира (1897). В 1890-е гг. генерал-губернатор за особые заслуги пожаловал Лунскому пятикомнатную квартиру в Рижском замке с видом на Западную Двину, он владел также дачей в Цесисе, где в 1905 г. у него останавливалась семья архитектора М. Шервинского. В январе 1914 г. Лунскому был разрешен двухмесячный заграничный отпуск, и это последнее известие о нем в его личном деле³⁰. Зодчий умер в Риге в 1920 г. и был похоронен на Ивановском кладбище, у алтаря недостроенной им церкви, надгробие сохранилось.

Необходима большая работа по атрибуции храмов, сооруженных в период, когда Лунский занимал должность епархиального архитектора. При относительно малом сохранившемся количестве архивных дел помочь здесь могли бы стилистический анализ и тщательное натурное обследование. Так, требуют дополнительного изучения церкви, большинство из которых сооружены непосредственно перед принятием на себя Лунским должности епархиального

архитектора: во имя преп. Арсения Великого в г. Айнажи (Гайнаж, Латвия, 1894-1895 гг.), в Кульциемсе (Кюльцемский приход, Галациемс, Латвия, 1895-1896 гг.) и Кастна (Кастна(о)ский приход, 1904 г., постройка предполагалась еще в 1891 г.), Покрова Богородицы в Каплавe (Латвия,

Каплау, 1894-1895 гг.), Покровская в Вецлайцене (Латвия, Оппекальнский /Оппеколанский/ приход, 1893-1895 гг.), Ильинская в Краави (Эстония, Альт-Анценский приход, Антсла, 1895 г.), Богоявленская в Йыхви (Эстония, Йевве, 1894-1895 гг.) и др.

Примечания

- 1 Автор статьи – протоиерей Александр Берташ, настоятель храма во имя Святых Царственных Страстотерпцев в Бремене (Германия), научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета.
- 2 Напр., в газетах «Мир православия» (2009. № 1 (130)) и «Виноградная лоза» (№9 (123)).
- 3 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 184. Оп. 2. Д. 346.
- 4 Oskars Aleksandrs Johans Bārs, 1848 – 1914.
- 5 См.: Riga und seine Bauten. Riga, 1903; Krastinš J. Rīgas arhitektūras meistari/ The Masters of Architecture of Riga. Riga, 2002.
- 6 Siilivask M. Tartu arhitektuur 1830-1918. Historitsism ja juugend. Tartu, 2006. S. 446.
- 7 Эстонский исторический архив, г. Тарту (ЕАА). Ф. 298. Оп. 2. Д. 223; 224. Благодарю Татьяну Шор за помощь при работе в архиве.
- 8 Основными источниками датировок храмов являются: по Эстонии – Беренс Владимир, прот. Историко-статистическое описание церквей и приходов Северо-западных епархий. Ч. 2. Эстонская епархия [Текст, машинопись]. Таллин, 1974; Алексей II (Ридигер), патриарх. Очерки по истории православия в Эстонии. М., 1999 (подготовлено в 1984 г.); Плаат Я., Маасик А. (фото). Православные церкви, монастыри и часовни Эстонии. [Plaат, Jaanus; Maasik, Arne (fotod). õigeusu kirikud, kloostrid ja kabelid Eestis]. Tallinn, 2011; по Латвии – Иоаким (Левицкий), архим., Плисс Владимир, свящ. Высокопреосвященный Арсений (Брянцев), архиепископ Рижский и Митавский, и десятилетнее управление его Рижской епархией. Рига, 1897; Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Рига. Вып. 2. Ч. 2. 1895; Ч. 3. 1898; Гаврилин А. В. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига, 1999; Левина М., Зигалвис Я., Типане А., Чолдере Д., Банга В. Наследие сакрального искусства и архитектуры Риги. Рига, 2010; сведения, любезно предоставленные прот. Андреем Голиковым (Рига).
- 9 Канавин А. История Рижской Троице-Задвинской церкви и ее прихода. Рига, 1896; Левина М. и др. Наследие сакрального искусства и архитектуры Риги. Рига, 2010. С. 180-187.
- 10 Иоаким (Левицкий), архим., Плисс Владимир, свящ. Высокопреосвященный Арсений (Брянцев). Рига, 1897. С. 204.
- 11 Канавин А. История Рижской Троице-Задвинской церкви и ее прихода. Рига, 1896. С. 64.
- 12 Харламов В. Ф. Церковь Св. Петра Митрополита на Ульянке около С.-Петербурга // Зодчий. 1887. № 7-8. Л. 18, 30-31, 54; № 11-12. С. 91-93.
- 13 Левина М. и др. Наследие сакрального искусства и архитектуры Риги. Рига, 2010. С. 304-309; Прибалтийские русские: история в памятниках культуры. Под общей редакцией А. В. Гапоненко. Рига, 2010. С. 63-65.
- 14 Латвийский гос. исторический архив (LVVA). Ф. 107. Оп. 4. Д. 878.
- 15 Прибалтийские русские: история в памятниках культуры. Рига, 2010. С. 440-443.
- 16 LVVA. Ф. 10. Оп. 4. Д. 887.
- 17 ЕАА. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 951. Л. 23.
- 18 Атрибуция постройки Лунскому подтверждена на основании данных клировых ведомостей из LVVA А. М. Вишневым.
- 19 ЕАА. Ф. 297. Оп. 12. Д. 441. Л. 6.
- 20 Святыни и древности Псковского уезда. Сост. Н. Ф. Левин. Псков, 2006. С. 392-395.
- 21 См.: Агрономов А., свящ. Православная церковь в м. Кеммерне (Лифл. губ.) и ее нужды. Рига, 1892.
- 22 LVVA. Ф. 10. Оп. 2. Д. 3905; Иоаким (Левицкий), архим., Плисс Владимир, свящ. Высокопреосвященный Арсений (Брянцев). Рига, 1897. С. 222-225.
- 23 Левина М. и др. Наследие сакрального искусства и архитектуры Риги. Рига, 2010. С. 280-287; Прибалтийские русские: история в памятниках культуры. Рига, 2010. С. 323-327; Демина Н. Д. Рижская церковь во имя св. пророка Иоанна Предтечи. Рига, 2001.

- 24 Воспоминания архитектора В. М. Шервинского. Публикация Э. Упманиса // Православие в Балтии. Рига, 2013. № 10 (1). С. 124.
- 25 [Лаар Антоний, священник]. «Добрые люди...». Юрьев, 1914. С. 1; Берташ А. В. Церковное строительство в Эстонии в середине XIX – начале XX вв. // Первые Димитриевские чтения. СПб., 1997. Ч. 2. С. 116 – 125.
- 26 Об истории храма см.: Erikson T. Tartu Aleksandri(te) õigeusu kiriku ja koguduse ajalugu aastatel 1913–1940. Tartu, 2014.
- 27 ЕАА. Ф. 298. Оп. 2. Д. 273.
- 28 ЕАА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 2297, подписные чертежи Бара.
- 29 Церкви, сочиненные архитектором Его Императорского Величества, Профессором Архитектуры Императорском Академии Художеств и членом разных иностранных Академий Константином Тоном. СПб., 1838.
- 30 ЕАА. Ф. 298. Оп. 1. Д. 457.

Анатолий Кинстлер (Германия)

Милосердный самарянин о. Александр Киселев: опыт работы с русской молодежью Германии

В 1945 году в послевоенном Мюнхене священником Александром Киселевым была создана благотворительная организация для оказания помощи русской молодежи Германии. Организация была названа в честь главного героя евангельской притчи Спасителя о милосердном самарянине и стала известна под названием Дом «Милосердного Самарянина». Связь названия организации именно с этим персонажем евангельской истории не случайна. Согласно притче, самарянин встретил на своём пути израненного, едва живого человека, который по дороге из Иерусалима в Иерихон подвергся нападению разбойников. Ранее мимо этого человека прошли священник и левит, не оказав умирающему помощи. Самарянин, будучи из тех, с которыми иудеи даже не общались, оказался неравнодушен к чужой беде, перевязал пострадавшему раны и доставил его в гостиницу, в которой оплатил уход за ним вплоть до своего возвращения. Этой притчей Спаситель ответил законнику на вопрос о том, кто является человеку ближним, которого, согласно Закону, нужно возлюбить как самого себя. Законник признал, что таким ближним «впавшему в

разбойники» в притче явился чуждый иудеям милосердный самарянин. И Господь призвал законника последовать примеру самарянина: «иди, и ты поступай так же» (Лк.10:37), стань ближним для страждущих, нуждающихся в помощи.

Создавая Дом «Милосердного Самарянина», его организаторы попытались внести свою лепту в дело духовного спасения русской молодёжи Германии, помочь им выбраться на чужбине из-под обломков войны, найти опору и жизненные ориентиры в русском и православном самосознании. По воспоминаниям выпускников гимназии Дома Павла Андреевича Уртьева¹ и Ольги Петровны Раевской-Хьюз², «первоначально Дом был задуман как центр помощи бедным и обездоленным русским беженцам, не имевшим ни средств, ни удобств жизни, ни постоянного пропитания, как те, кто попал в лагеря перемещённых лиц «ДиПи»³. Оказание помощи нуждающимся и привело организаторов Дома к идее назвать его «Милосердный Самарянин»⁴.

Настоящая статья посвящена служению о. Александра русской молодёжи Германии. В приложении к статье публикуются

А. Киселев – солдат эстонской армии. 1930 г. Фотография из личного архива Дм. Трубецкого

Семинаристы Рижской Духовной семинарии. Первый ряд – Евгений Иванов, Дионисий Ильин, Александр Киселев; второй ряд – Иван Трубецкий и Владимир Антипов. 1932 г. Фотография из личного архива Дм. Трубецкого

письма о. Александра Киселева в период его обучения в Рижской Духовной семинарии и первых месяцев его священства иеромонаху Иоанну (Шаховскому)⁵. Одно из важнейших мест в письмах занимает тема молодежи в Церкви. Эта тема волновала о. Александра еще до принятия им священного сана. Кроме того, письма ярко характеризуют отношение о. Александра к священству.

О. Александр Киселев родился 07.10.1909 года в Тверской губернии в семье государственного служащего Николая Александровича Киселева. По линии матери Анастасии Владимировны он принадлежал к древнему княжескому роду Шаховских. Незадолго до октябрьских событий 1917 года семья Киселевых переехала на жительство в Сибирь, куда Временное правительство направило служить главу семьи. Захлестнувшие Российскую империю революционные события вынудили Киселевых эмигрировать в Эстонию, откуда был родом русский по происхождению Николай Александрович (он родился в Дерпте). В 1918 году, в условиях Гражданской войны, Киселевы решились на опасное путешествие через всю Россию, которое продлилось более трех месяцев.

Вскоре по прибытии Киселевых в Эстонию умерли от чахотки Анастасия Владимировна Киселева и младшая сестра Александра Наталия.

В Эстонии Александр впервые пошел в школу, где встретил замечательного педагога и наставника Михаила Алексеевича Янсона⁶, серьезно повлиявшего на выбор жизненного пути Александра Киселева. Уже в раннем детстве Александр был не просто активным, а общественно активным человеком. Ради материальной помощи своим сверстникам Александр участвовал в постановках спектаклей, даже пропуская при этом школьные занятия. В стремлении оказать помощь нуждающимся Александр готов был пожертвовать образованием, решив совсем оставить школу, так как многие «совершенно необходимые дела остаются несделанными»⁷. Вразумил Александра епископ Псковский Евсевий⁸, к которому будущий священник явился за благословением на оставление школы. Отказ Владыки в благословении очень опечалил Александра.

В школьные годы Александр увлекся скаутским движением. Около десяти лет посвятил Александр этой организации, был

командиром одним из скаутских отрядов. Скауты часто собирались в доме Киселевых. Одно из таких собраний посетили А. И. Никитин⁹ и И. А. Лаговский¹⁰, члены Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД), съезд которого проходил в то время в Ревеле. Они пришли на собрание, узнав, что у Киселева собирается молодежь. Это было первое знакомство Александра с РСХД.

На одном из съездов РСХД Александр познакомился со своей будущей женой, студенткой Медицинского факультета Тартуского университета Галиной (Каллистой) Кельдер. В 1930 году Александр поступил учиться в Рижскую Духовную семинарию. Намереваясь стать священником, он чувствовал недостаточность семинарского образования для священства и поэтому решил после окончания семинарии (в 1933 году) продолжить обучение в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже. Он сдал в институт документы и был уже принят, однако одно обстоятельство в корне изменило все его планы. На Рождественских каникулах Александр гостил у отца в Ревеле. С миссионерской целью сюда же приехал иеромонах Иоанн (Шаховской). Не зная его лично, Александр был наслышан о его деятельности, знал его книги и лекции. Александру удалось поговорить с о.Иоанном, поделиться с ним своими планами поступления в институт. О. Иоанн ответил, что поступать в институт Александру не следует, а искать священства нужно доверием Богу. Хранящиеся в Российском Государственном Военном Архиве (РГВА, Москва) письма этих лет Александра Киселева отцу Иоанну Шаховскому свидетельствуют о важном значении в его жизни личности о.Иоанна. И впоследствии, будучи священником, о. Александр часто обращался к о. Иоанну за помощью, советом и наставлением. Их дружба, зародившаяся в эти годы, окрепла в годы войны в их тесном

Священник Александр и матушка Каллиста Киселевы. 1930-е годы

сотработничестве на территории Германии и после эмиграции в Америку. После беседы с о. Иоанном Александр написал два письма: одно в Парижский институт о том, что он не будет поступать в этот вуз; второе – Гале Кельдер с просьбой стать его женой. От Гали Александр сразу получил согласие. Но сомнения относительно поступления в институт, несмотря на отправленное письмо, не оставляли Александра вплоть до окончания семинарии. Так, например, в своём письме о.Иоанну от 31.05.1933 г. он писал: «Лишь после долгого перерыва опять пишу Вам. Молчал я потому, что считал себя глубоко виноватым; я не сдержал данного Вам обещания. Теперь, когда все сомнения забыты и я готов идти путем служения, считаю возможным снова написать Вам...Итак, еще раз прошу простить, что после обещания Вам не ехать в Париж, поддавшись уговорам друзей, колебался в этом. Теперь мое решение окончательно и я очень прошу Вас наставить меня и подготовить к принятию этого великого таинства»¹¹. В Ревеле у Янсонов часто проходили собрания молодежи, в которых принимал участие Александр, в частности, он выступал на них с докладами. Решение Александра стать священником совпало с желанием группы лиц, участвующих в этих собраниях, организовать в общину, иметь своего священника и церковь.

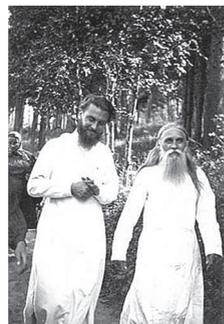
Александр подал прошение митрополиту Ревельскому и всея Эстонии Александру

Ивангородская Успенская церковь. Современный вид

(Паулусу)¹² о рукоположении во священника и назначении на приход. Митрополит назначил день выборов священника из числа двух (в данном случае) кандидатов. На выборном собрании, после ознакомления прихожан с кандидатами посредством произнесенных ими проповедей, прихожане отдали предпочтение Александру Киселеву. Выбор прихожан был утвержден митрополитом Александром. В промежутке между выборами и поставлением Александра во священника состоялось его бракосочетание с Галей Кельдер.

06.08.1933 года состоялась хиротония Александра во диаконы, а на следующий день в Александро-Невском соборе митрополитом Александром (Паулусом) было совершено рукоположение диакона Александра во иерея. После рукоположения о. Александр был назначен настоятелем Ивангородской Успенской церкви. Неоценимую помощь и поддержку оказывала о. Александра его супруга. Матушка Каллиста исполняла клиросные послушания, принимала деятельное участие в работе с детьми и молодежью прихода. Трудями о. Александра и матушки Каллисты были организованы кружки РСХД для работы со студентами, а позднее для работы с крестьянской молодежью. На приходе существовал миссионерский кружок, одной из

Отец Александр Киселев на Валааме со старцем Памвой. 1930-е годы

целей работы которого было противостояние росту сектантства, выпускался апологетический листок «Миссионерские заметки». Уже в этот период пастырского служения о. Александр особое внимание уделял работе с детьми и молодежью. На заседании церковного Совета Ивангородской Успенской церкви от 13.02.1938 года о. Александр подвёл итоги религиозно-воспитательной работы за 1937 год: «Детский сад работает весьма успешно с детьми дошкольного возраста (35 чел.) уже второй год, и плоды этого начинания ярко сказываются на детях. В этом же помещении производятся занятия с девочками школьного возраста (40 чел.), направленные к цели религиозного воспитания. Ими была летом совершена экскурсия в Печёры, на съезд Христианской молодежи в Силааме, а также старшие из них приняли участие в ряде Христианских съездов»¹³.

В 1938 году о. Александр был переведен в город Таллинн, настоятелем Коппельской Николаевской церкви. В Таллинне он регулярно организовывал для приходской молодежи и детей паломничество на Валаам. В 1940 году о. Александр являлся помощником Таллиннского благочинного. В это время в Свято-Никольском храме вместе с отцом Александром служил диаконом о. Михаил Ридигер¹⁴, а алтарником прислуживал сын

диакона Алексей, будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексей II¹⁵.

Ввод советских войск в Эстонию в октябре 1939 года и дальнейшая её советизация заставили о. Александра задуматься об эмиграции, так как в перспективе эстонскому православию угрожало преследование и гонение, которым подвергалась Православная Церковь в Советском Союзе. Отец Александр отмечал в своих воспоминаниях, что как русскими, так и эстонцами советская власть была встречена негативно: «восприятие такого события одинаково отрицательно было встречено в большинстве случаев как теми, так и другими. Эстонцы теряли свою свободу, русские попадали опять под власть, с которой сражались и от которой бежали»¹⁶. Будучи сам в детстве вывезен из Советской России, о. Александр был готов активно противостоять советской системе. Возможность такого противостояния он видел в труде на пользу родине вне пределов этой системы. В начале 1941 года Киселевы прошли Комиссию по отправке прибалтийских немцев в Германию и выехали из Эстонии. До отхода парохода, на котором уезжали Киселевы, в Таллинне органами НКВД был арестован папа о. Александра – Николай Александрович Киселев, который отказался покидать Эстонию. Многие соратники о. Александра по РСХД Эстонии оказались в тюрьмах НКВД и впоследствии были расстреляны.

В Германии о. Александр начал свое служение в Берлинском Свято-Владимирском приходе, который находился в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского)¹⁷, но по соглашению между «евлогианами» и представителями РПЦЗ от 3.11.1939 года входил в состав Берлинско-Германской епархии РПЦЗ. Настоятелем прихода был родственник и духовный наставник о. Александра – архимандрит Иоанн (Шаховской). Вскоре началось вторжение

германской армии в СССР. Спустя некоторое время в Германию хлынул поток советских военных и гражданских пленных. Перед Германской епархией РПЦЗ встала задача духовного окормления, поддержки и оказания всяческой помощи людям из СССР. В Свято-Владимирском соборе на о. Александра была возложена особая миссия – изыскивание возможности посетить лагерь военнопленных и восточных рабочих. Ввиду запрета германских властей окормление православными священниками Германии военнопленных (приказ РСХА от 16.08.1941 года) стоило огромного труда попасть в лагерь, передать заключенным вещи и продовольствие. Несмотря на то, что запрет действовал весь военный период, его удавалось в некоторых случаях, договариваясь с комендантами лагерей, обходить. Отец Александр часто испытывал действие этого запрета на себе самом. Так узнав о том, что в одном из лагерей для военнопленных находится его сокурсник по Рижской семинарии священник Дионисий Ильин¹⁸, о. Александр навестил его, передав ему продукты. При повторном посещении о. Дионисия, о. Александру дали понять, что это может грозить ему собственной свободой, в результате чего он был вынужден отказаться от дальнейших посещений этого лагеря.

Доступ в лагерь восточных рабочих был значительно проще. В случае же отказа священникам в посещении этих лагерей помощь пытались оказать через доверенных людей из среды самих восточных рабочих. Отец Александр устанавливал контакты в лагерях с теми остовцами которые казались ему наиболее активными, надежными, глубоко верующими: «Постепенно у меня образовался ряд мест, где у меня были такие, связанные со мною люди и куда мы посылали литературу, иконки и все, что возможно»¹⁹. На протяжении всех военных лет о. Александр организовывал богослужения

для остовцев, передавал им духовную литературу, продукты питания, одежду.

В 1942 году резолюцией митрополита Берлинского и Германского Серафима (Лядэ)²⁰ о. Александр был назначен товарищем председателя миссионерского Совета Германской епархии. В архиве Германской епархии эта деятельность о. Александра отображена в письмах к нему русских людей, нуждавшихся в духовной литературе, иконках, нательных крестиках.

С сентября 1942 по май 1943 года о. Александр исполнял обязанности инспектора и преподавателя Богословско-пастырских курсов, организованных в Берлине Германской епархией. На курсы принимались люди молодого и среднего возраста, желающие посвятить жизнь служению Церкви. Митрополит Серафим (Лядэ) писал настоятелям приходов Германской епархии по поводу этих курсов: «Не приходится говорить, какое огромное значение имеет для Православной Церкви это начинание, как дорог каждый человек, получивший богословское образование. Мы, священники, прекрасно понимаем, сколь нужна нам православная интеллигенция, могущая оцерковлять жизнь, молодые пастыри, горящие чистым пламенем Христова благовестия, чтобы нести его родному народу»²¹. Преподавателями курсов являлись представители РПЦЗ и евангелических приходов. Государство материально не поддерживало курсы, они финансировались только за счет епархиальных средств. На оплату труда педагогов у епархии средств не оставалось. Совмещать основную работу: священнослужение, труд в церковных и светских учреждениях – с преподаванием на богословских курсах для многих было крайне затруднительно. Возникали проблемы и с лекторами, которые иногда опаздывали на занятия или же совсем пропускали их. Случалась и банальная безответственность. Как инспектор курсов, о. Александр стремился

разрешать возникающие проблемы. Будучи обременен на своем приходе обязанностями не менее других преподавателей, он отличался от коллег на курсах аккуратностью и усердием. В письме митрополиту Серафиму о. Александр так выражал свою обеспокоенность работой курсов: «беда в том, что не только никто из лекторов не уделяет этому делу должного внимания..., но и даже не стремятся быть аккуратными в посещении своих лекций. ...Пропуски и опоздания лекторов выравнились тем, что я живу рядом и заменяю отсутствующих, но поскольку я намерен переселиться на другую квартиру, да и курсы должны же когда-либо найти себе постоянное пристанище, то что тогда получится? Кто будет заменять неаккуратных лекторов? А если будет больше пропусков, чем лекций, то мы сами разгоним слушателей»²². Однако, несмотря на проблемы, курсы продолжали функционировать, и в мае 1943 года 12 слушателей курсов сдали выпускные экзамены.

В 1944 году распоряжением митрополита Серафима (Лядэ) о. Александр был назначен военным священником в армию генерала А. А. Власова, а также в этом же году он был избран вице-председателем Общества «Народная помощь» при КОНР (Комитет Освобождения Народов России) для оказания социальной помощи семьям солдат Русской Освободительной Армии (РОА). Институт военных священников при власовской армии так и не удалось организовать должным образом, так как уже начиналась агония гитлеровской Германии. Пастырская деятельность в частях РОА зависела от инициативы каждого священника. Отец Александр увидел во Власове и РОА продолжение той борьбы русского народа против коммунизма в годы Гражданской войны, во время крестьянских восстаний по всей, тогда уже советской, России. Можно соглашаться или не соглашаться с этим выбором о. Александра, но нельзя не

Ученики после занятий перед Домом «Милосердный Самарянин». Фото из личного архива П. А. Уртьева

Священник Александр Киселев у Дома «Милосердный Самарянин» в Мюнхене. Вторая пол 1940-х гг.

признать, что это был глубоко продуманный выбор христианина, а не коллаборационизм или же просто приспособление к ситуации²³.

В апреле 1945 года о. Александр был вынужден отступить вместе с частями власовской армии на юг Германии, в Баварию. Окончание войны застало о. Александра в баварском городе Фюссене, граничащим с Австрией. Как оказалось, в этом же городе находился и глава РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский)²⁴. Первые послевоенные месяцы были пронизаны атмосферой тревоги и паники. Согласно ялтинским соглашениям от 11.02.1945 года союзники начали выдавать советским представителям граждан СССР – власовцев, военнопленных, восточных рабочих. Деятельность о. Александра в первые послевоенные месяцы была сосредоточена на духовном окормлении тех, кого ожидала репатриация на родину. При этом он сам в любой момент мог оказаться среди репатриантов. Рассказывая о посещении одного из таких сборных пунктов, о. Александр писал: «... ушел служить в лагерь, из которого мог и не выйти – лагерь был уже советский... . Что значит: из этого лагеря я мог и не выйти? Это был один из многочисленных сборных

лагерей, куда свозили «остов»-«восточных рабочих», просто сказать – русских, для отправки на родину. Он находился уже в руках советской администрации и для привезенных туда свободного выхода уже не было»²⁵. Это было жертвенное служение и диктовалось оно необходимостью предоставить бывшим соотечественникам, может быть, в последний раз, возможность помолиться и причаститься.

Спустя несколько месяцев после окончания войны о. Александр переехал в Мюнхен, где им был создан Дом «Милосердный Самарянин». В августе 1945 года о. Александр получил от квартирной комиссии Мюнхена полуразрушенный дом на улице Мауэркирхерштрассе 5 в районе Мюнхен-Богенхаузен. Помогла в этом американская оккупационная администрация, к которой обратился о. Александр: «Слушайте, что ж у вас на улицах-то делается? Толпы ходят. А сколько там молодняка, молодёжи. Ведь человеку-то каждому есть хочется-ну вот, они, не евши, день-два оглядятся, а потом... ваши же склады будут грабить. Дайте мне какое-нибудь помещение, дом – и я эту молодёжь буду собирать, окучивать»²⁶. Такой аргумент оказался весомым, и американцы оказали содействие в выделении

дома для русской молодёжи. Переданный дом был зарегистрирован как общественное имущество, находящееся в единоличном ведении и управлении о. Александра Киселёва. Здание требовало капитального ремонта, так как было значительно разрушено в результате авианалётов на Мюнхен. В отчёте о возникновении и деятельности Дома «Милосердный Самарянин» за 1947 год состояние здания характеризуется так: «Верхние этажи этого дома сгорели, нижние этажи были завалены битым кирпичом, обвалившейся извёсткой и всяким мусором. Крыша отсутствовала; потолки почти везде обвалились; во всём доме осталась одна только комната, в которой можно было укрыться от дождя... В общем, дом представлял собой полуразвалину»²⁷.

Несмотря на плачевное состояние здания и отсутствие материальных средств о. Александр с несколькими помощниками приступил к его восстановлению. В первый же день в одной из комнат были найдены завернутые в грязную размокшую бумагу образки преподобного Серафима Саровского и 200 германских марок, что было воспринято как благословение Божие и преподобного Серафима на труды по созданию Дома «Милосердный Самарянин». Находка иконы казалась более чем удивительной, если учесть тот факт, что последней организацией, владевшей домом, было молодёжное нацистское движение Гитлерюгенд (Hitler-Jugend)²⁸. Перед образом преподобного Серафима отслужили молебен. Первым делом на первом этаже дома обустроили своими руками скромную церковь. Не стояло вопроса, во имя кого освятить создаваемую церковь. Поскольку Дом начал свою деятельность под особым покровом преподобного Серафима Саровского, то и церковь была посвящена Саровскому подвижнику.

Благодаря неустанной энергии о. Александра и его соратников Дом к октябрю

1945 года частично восстановили. 10.10.1945 года в Доме открыла свои двери двухклассная гимназия, хотя и потом еще многие месяцы в здании продолжались ремонтные работы. Несмотря на трудности гимназия расширялась. В 1947 году в гимназии уже было 4 класса начальной школы, в которых обучались дети от 6 до 19 лет, 7 классов гимназии и специальный класс для детей, знания которых не соответствовали их возрасту. Всего в гимназии к 1947 году обучались 250 детей. С развитием гимназии, увеличением количества учащихся требовались дополнительные материальные средства. Необходимо было решать вопросы размещения детей, обеспечения их бесплатным питанием, одеждой. В решении этих вопросов о. Александру помогала организация ЮНРРА²⁹. Благодаря её поддержке в 1946 году удалось улучшить питание учащихся гимназии. Изредка помощь приходила из лагерей ДиПи. Так, из одного из лагерей в Дом были привезены кровати и кухонные принадлежности. Но основная нагрузка по изысканию средств лежала на о. Александре. Как он вспоминал уже будучи на покое в Москве, ему приходилось думать не только об учебном процессе, но и о «картошке и морковке», чтобы прокормить гимназистов³⁰.

На должность директора гимназии был приглашен искусствовед Павел Дмитриевич Ильинский. Совместно с о. Александром он подобрал замечательный педагогический состав (около 30 педагогов). Не все были профессиональными педагогами, но все с большой любовью и энтузиазмом относились к работе в гимназии. Из преподавателей стоит особо выделить географа Юрия Александровича Таскина (1893-1964) – участника Белого движения, бывшего преподавателя физической географии Харьковского педагогического института, позднее – профессора советской географии Фордамского университета

Занятие в гимназическом классе Дома «Милосердный Самарянин». На задней парте крайний справа гимназист П. А. Уртьев. Фото из личного архива П. А. Уртьева

(США); преподавателя высшей математики Александра Васильевича Пирожкова – выпускника Математического факультета С.-Петербургского университета, до войны – известного астронома Пулковской обсерватории; учителя русской словесности Вадима Павловича Курганского († 1975) – бывшего преподавателя кадетского корпуса в Белграде; историка Василия Ивановича Алексева (1906-2002) – выпускника МГУ, прошедшего лагеря, впоследствии преподававшего в университете штата Миннесота (США); химика Веру Александровну Ладыженскую (1919-2000) – выпускницу Харьковского химико-технологического института и др.

Закон Божий вначале преподавал сам о. Александр. Об этих уроках одна из воспитанниц гимназии написала так: «Большая заслуга отца Александра Киселева в том, что он преподавал нам Закон Божий именно верой, сердцем, а не книжкой»³¹. Продолжил преподавание Закона Божия оказавшийся в эмиграции любимый школьный учитель о. Александра по Эстонии Михаил Алексеевич Янсон. В своих воспоминаниях о. Александр писал: «Михаил Алексеевич был незаурядным человеком. Он всегда искал ту подлинную жизнь – подлинный

смысл человеческого существования, дорога к которой не избита, не затоптана, а тем паче не обращена в кодекс формальных истин, от которых может веять холодом, а не греющим теплом. Он искал эту дорогу и для себя, и для тех, с кем сводила его жизнь»³². Супруга Михаила Алексеевича, Наталья Александровна Янсон, работала в Доме «Милосердный Самарянин» воспитателем сестринских курсов. После эмиграции Янсонов в Америку и кончины супруга Натальи Александровна в Новодивеевском монастыре Нью-Йорка

приняла монашество. Позднее о. Александр пригласил на должность законоучителя в старших классах известного православного педагога, впоследствии – архиепископа Сиракузского и Троицкого, ректора Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле, архимандрита Аверкия (Таушева)³³.

Программа учебного процесса гимназии учитывала как опыт дореволюционных российских гимназий, так и советских школ, опираясь в то же время и на систему образования в Германии. Благодаря такому подходу у выпускников гимназии не было проблем с поступлением в высшие учебные заведения Германии и других стран русского рассеяния. Первый выпуск гимназии состоялся в 1948 году. На экзаменах присутствовал представитель Баварского Министерства образования. Экзамены сдавались на русском и немецком языках. После успешной сдачи гимназистами первых выпускных экзаменов гимназия была аккредитована Баварским министерством образования и приравнена в правах к баварским государственным гимназиям, что дало возможность выпускникам поступать в высшие заведения Германии. За годы своего существования гимназия выпустила более 100 воспитанников с аттестатом

зрелости и выдала около 1000 удостоверений об окончании различных классов гимназии. О успехах интеграции и высоком уровне преподавания в «Милосердном Самарянине» свидетельствуют, в частности, воспоминания выпускника гимназии Георгия Александровича: «О результатах полученных знаний говорят успехи наших бывших однокашников, начиная с Бориса Хведчука, работавшего на разработке лунной кабинки, Юлия Волкова, участвовавшего в запуске ракет с космодрома в Калифорнии, Юры Вербицкого, работавшего компьютерные установки корпорации IBM, Юры Месснера – пионера печатных систем в электронике, Кати Тевяшовой – инженера-строителя, руководившей целым отделом в небоскребе Торгового Центра в Нью-Йорке, откуда спаслась в последний момент перед их падением. Можно еще назвать Гогу Майера – ученого по изучению Вселенной, работавшего в NASA, Бориса Анисимова, руководителя инженерной группы в Калифорнии, Павла Уртьева, специалиста по лазерам, Олю Раевскую-Хьюз – заслуженного профессора-литературоведа, автора многих трудов, Вову Трельм – известного экономиста, Сергея Гончарова – кинорежиссера в Холливуде... Сам я стал инженером-специалистом по звуку, руководил лабораторией новых изысканий»³⁴.

В конце 1945-начале 1946 года в Доме организовали школу сестер-самарянок. Школа была детищем матушки Каллисты Киселевой, которая обладала незаурядным педагогическим талантом. Она приняла в организации школы самое деятельное участие. Активную помощь оказывал доктор Петр Николаевич Раевский, который и преподавал на сестринских курсах. По мысли создателей, в школе должны были воспитывать молодых девушек убежденными православными работниками милосердия. В этом проекте отчасти возрождался

Отец Александр Киселев, матушка Каллиста и Петр Николаевич Раевский с сестрами-самаринянками

институт сестер милосердия, имевший в дореволюционной России глубокие традиции. Но, по словам матушки Каллисты, в случае с Мюнхенским Домом, при сохранении традиций, имело место и новаторство: «В этом начинании было нечто новое. С одной стороны, ставилась задача привить молодым сестрам лучшие старые сестринские традиции, с другой – закладывался новый тип сестры-самаринянки. Новизна его в том, что сестра-самаринянка везде и всегда сестра. Она не только тогда сестра, когда находится у больного, но всякий случай в жизни – объект ее христианского служения»³⁵.

На курсах милосердия проходили обучение 14 девушек. В программу входил полный курс медицинских предметов, лекции по социальной работе, внешкольной педагогике, истории России, русской литературе и уроки Закона Божия. Занятия начинались с лекций по медицине, днем читались религиозно-философские лекции, а вечером о. Александр и матушка Каллиста проводили с сестрами беседы. К 1947 году сестринские курсы окончили все 14 девушек. Выпускницы получили звания медицинской, социальной сестры и детской воспитательницы. Окончив школу, сестры проходили практику в германских больницах, а затем возвращались в Дом и включались в работу его отделов.

В декабре 1945 года при Доме был открыт детский сад. В нем насчитывалось 35 детей, с которыми занимались опытные педагоги. Параллельно с детским садом открылась амбулатория. Заведующим амбулаторией был назначен Петр Николаевич Раевский. При скромном ее оборудовании, в ней трудились высококвалифицированные врачи. Медицинское обслуживание беженцев амбулатория осуществляла бесплатно, принимая лишь добровольные пожертвования, также бесплатно выдавались лекарства. Через год после открытия амбулатории в ней работали 4 профессора, 10 профессиональных врачей и 3 сестры-самарянки. Но и при такой численности персонала объем работы амбулатории был огромен. За первые два года существования амбулатория провела приём 11 191 пациентов, на дому были обслужены 3 000 больных, было совершено свыше 2 000 посещений больных по ночным вызовам.

При Доме существовало издательство, книжный склад и книжный магазин. Заведовал издательством бывший секретарь о. Иоанна (Шаховского) С. С. Любимцев. В небольшой комнате, главным образом ротаторным способом, выпускалась духовная и учебная литература. Печатались лекции преподавателей гимназии. В начале 1949 года после многолетнего перерыва в типографии вышел первый номер «Вестника РСХД». В магазине продавалась литература издательства, книги, взятые на комиссию, иконы. Неимущим книги высылались бесплатно.

Социальный отдел Дома имел попечение о нуждающихся и нищих. Их кормили, снабжали одеждой, предоставляли ночлег, располагая людей на ночь в классах гимназии. Малоимущим высылали сотни съестных и вещевых посылок. Отец Александр деятельность в Доме совмещал с посещением лагерей ДиПи, в которых проводил воскресные школы.

Отец Александр Киселев на встрече с молодежью на очередном молодежном съезде

Центром жизни Дома «Милосердный Самарянин», всех его тружеников, учащихся, была домовая церковь гимназии во имя преподобного Серафима Саровского. Учащиеся и преподаватели посещали богослужения, участвовали в церковных таинствах, говели, исполняли послушания. Со временем в помощь о. Александру на приход был назначен рукоположенный 22.02.1948 года священник Димитрий Гизетти³⁶, знакомый о. Александра по РСХД Эстонии. В Германию о. Димитрий попал в качестве военнопленного, а после войны перебрался в Мюнхен, где и встретился с о. Александром. В 1948 году о. Александр передал Дом «Милосердный Самарянин» в ведение Германской епархии. Сам он вместе с о. Димитрием из юрисдикции главы РПЦЗ митрополита Анастасия перешел в юрисдикцию митрополита Серафима (Лядэ). Епископский совет Германской епархии 21 августа 1948 года, заслушав доклад митрополита Серафима (Лядэ) о передаче о. Александром Дома «Милосердный Самарянин» в ведение Епархиального управления, постановил: принять Дом «как учреждение полезное и зарекомендовавшее себя с положительной стороны»³⁷.

Отец Александр в качестве духовника принял активное участие в становлении Христианского Союза Молодых Людей

(ХСМА) в Германии, который был тесно связан с РСХД. В 1948 году трудами о. Александра и его сподвижников в Германии возродилось РСХД. Начало ему положил большой летний молодежный съезд, прошедший в июне 1948 года в палаточном лагере на берегу озера Штайнзее, в пригороде Мюнхена. Сами организаторы в первом выпуске возобновленного «Вестника РСХД» отмечали, что возрождению РСХД предшествовала кропотливая, многолетняя работа: «три года должны были пройти, прежде чем многократные попытки дать жизни Движения организованной характер увенчались успехом. Религиозно-педагогическая встреча летом 1946-го года, многократные встречи, конференции и совещания действительных членов РСХД, налаживание связи с центром в Париже были этапами к большому летнему съезду православной молодежи в 1948 году, собравшему до сотни участников и положившему прочное начало организации отдела Движения в Германии»³⁸.

На съезды молодежи о. Александр приглашал из Франции читать лекции видных деятелей РСХД, богословов, ученых. Среди них были такие известные деятели русского зарубежья как Лев Зандер, протоиерей Василий Зеньковский, священник Александр Шмеман и др. У возрождающегося Движения возникла необходимость в собственном приходе. 03.10.1948 года под председательством о. Александра Киселева состоялось собрание инициативной группы, на котором был рассмотрен вопрос о реорганизации существующей при Доме «Милосердный Самарянин» церкви в приход РСХД. Митрополит Серафима (Лядэ) благословил это начинание. Отец Александр был утвержден настоятелем прихода и назначен духовником РСХД, параллельно с ХСМА. Таким образом, Дом «Милосердный Самарянин» стал центром РСХД в Германии. Поручая о. Александру духовное

оформление, воспитание и руководство русского юношества в РСХД и ХСМА, митрополит Серафим писал, что для выполнения этого поручения о. Александру «надлежит посещать все ДиПи-лагеря и другие места в Западной Германии, где имеются члены этих организаций, или необходимо создание новых групп ХСМА и РСХД»³⁹.

В декабре 1948 года к церкви преп. Серафима при Доме был определен еще один известный движенец, участник Псковской Духовной миссии священник Георгий Бенигсен⁴⁰, который активно включился в работу Дома. Ежедневно в Доме читались лекции, проводились конференции, на которых с докладами часто выступали о. Александр и о. Георгий Бенигсен. На общем годовом собрании прихода РСХД при храме преп. Серафима Саровского 10.04.1949 года с докладом выступил о. Александр, отметивший активное развитие жизни прихода: «За истекший год были организованы кружки молодежи для изучения Св.Писания, работы с детьми и подростками, студенческие кружки в Пасинге, Шлесхайме и Мюнхене. Помимо регулярного церковного хора организован хор любительский. Ведется апологетическая работа в Гамбурге и Фишбеке. Был организован летний съезд. По четвергам устраиваются лекции на религиозно-философские темы. Кружок для взрослых собирается по средам. Издается печатный орган «Вестник», и этим проводится в жизнь идея Движения – забота о духовных нуждах молодежи»⁴¹.

Это было одно из последних собраний прихода РСХД при храме преп. Серафима Саровского с участием о. Александра. 02.06.1949 года о. Александр с семьей покинул Германию и переселился в Америку, куда его пригласил епископ Бруклинский Иоанн (Шаховской). Рассматривая деятельность отца Александра в мюнхенский период его служения, нельзя не отметить, что идеалы студенческого Движения,

Отец Георгий Бенигсен – продолжатель дела отца Александра Киселева в Мюнхене

впитанные им в Эстонии, бережно хранились и успешно воплощались в конкретных делах и проектах, направленных прежде всего на воспитание подрастающего поколения. Именно молодежи необходимо было создать условия для ее развития, дать ей нравственные ориентиры, воспитать в православной среде, привить патриотизм. Это можно было сделать, дав молодежи традиционное образование и возможность участия в богослужбной жизни православной Церкви. Дом «Милосердный Самарянин» стал для каждого его обитателя родным домом, символом родины – России. Немало светлых, благодарных воспоминаний оставили о Доме, об его гимназии воспитанники Дома. Сам отец Александр в видеообращении к бывшим гимназистам на встрече по поводу 50-летия Дома «Милосердный Самарянин» в 1995 году так отметил роль гимназии: «Пятьдесят лет тому назад все мы были людьми неопределенного будущего, Displaced Persons, т.е. люди, лишенные войной определенного местожительства. И вот тут гимназия наша во главе с достойнейшим ее директором, Павлом Дмитриевичем Ильинским и другими доблестными сотрудниками, сыграла драгоценную роль, вырастив пару сотен девушек и молодых людей православного и русского самосознания»⁴².

С отъездом отца Александра Дом продолжил свою деятельность, но постепенно ее масштабы сужались. Это было связано с массовой эмиграцией ДиПи из Германии. Новым настоятелем церкви преп. Серафима, а также духовником ХСМЛ и РСХД в Германии был назначен о. Георгий Бенигсен. В 1950 году указом Епархиального управления Свято-Серафимовский приход был объявлен самостоятельным приходом в числе обычных приходов епархии. В том же году о. Георгий эмигрировал в Америку. Настоятелем прихода был назначен священник Анатолий Древинг⁴³. Ему перешли и обязанности духовника ХСМЛ в Германии. Гимназия ввиду эмиграции русских из Германии и перевода части детей в немецкие школы теряла свое значение. Но нельзя не отметить, что она оставалась единственной гимназией для русских детей из всех существовавших в послевоенное время русских гимназий Германии. В 1953 году на приходе было организовано преподавание Закона Божия для православных учащихся. По инициативе прихода Баварское министерство просвещения признало преподавание Закона Божия в качестве регулярного предмета с оплатой преподавателя. Оценки учащимся выставлялись на их свидетельствах в немецких школах. В 1956 году при приходе был создан интернат для учащихся из провинции. Помимо этого, о. Анатолий еженедельно объезжал четыре соседних города, где проводил занятия с проживающими там учащимися. В 1964 году приходу отказали в помещении на Мауэркирхерштрассе 5. Церковь временно ютилась в квартире настоятеля о. Анатолия Древинга. Для школьных занятий, которые в это время посещали 60 учеников, помещение предоставила Евангелическая церковь. Позднее приходу предоставило помещение Общество Содействия Образованию Русских Детей и Молодежи. В 1969 году скончался о. Анатолий Древинг. В 1975

Отец Александр
Киселев.
Франкфурт-на-
Майне, 1963 год.
Из личного архива
Е. А. Ждановой
(Франкфурт-
на-Майне)

году приход отметил свое 30-летие. В статье, посвященной этому событию, подчеркивалось, что «забота прихода о молодежи и детях, начавшаяся 30 лет тому назад, не прекращается, и двери этой скромной церкви всегда для них открыты. Из их среды вышли в течение этих 30 лет священники, жены священников, регенты, церковные певчие, воспитатели подрастающего поколения. Дело служения, начатое приходом в 1945 году, продолжается»⁴⁴.

Отец Александр Киселев продолжил служение в Америке. В 1950 году он основал в Нью-Йорке «Свято-Серафимовский фонд», основным делом которого являлось оказание духовной помощи русским людям на чужбине. Фонд явился прямым продолжением деятельности Дома «Милосердный Самарянин». Особое внимание Фонд уделял религиозно-просветительской работе среди студенческой молодежи. Фонд проводил встречи молодежи и студентов, на которых выступали лекторы из Европы. При участии Фонда были проведены съезды РСХД, организованного о. Александром по приезду в Америку. При Фонде была создана «русская школа...., курсы Закона Божьего, русского языка, литературы и истории для молодежи гимназического возраста...., оркестр струнных инструментов, театральные группы и многое другое»⁴⁵. Средоточием Фонда, центром его духовной жизни

О. Александр Киселев в
Пюхтицком монастыре. 1989 г.
Фотография Дм. Трубецкого

был, как и в Мюнхене, храм во имя преп. Серафима Саровского. Сначала это была походная церковь, а в 1955-56 годах силами молодежи построили постоянный храм. Со временем Фонд превратился в большую общественную организацию. Было восстановлено книгоиздательство «Путь жизни», в котором трудились в числе прочих М. А. Холодная и К. И. Киселева. В 1978 году о. Александр основал журнал «Русское Возрождение», существующий до настоящего времени. Журнал публикует материалы по истории Церкви, духовные, мемуарные произведения. По слову бывшего настоятеля храма св. мученицы Татианы при МГУ, протоиерея Максима Козлова, которому о. Александр передал в дар иконостас Свято-Серафимовской церкви, «этот журнал по праву входит в духовную сокровищницу

нашей новейшей российской церковной книжности; и за это также наша исключительная благодарность о. Александру»⁴⁶. В этом же году о. Александр был назначен председателем комиссии по проведению празднования 1000-летия Крещения Руси. Деятельное участие принял о. Александр в прославлении Собора новомучеников и исповедников российских в Русской Зарубежной Церкви. По благословению священноначалия он ездил с лекциями о новомучениках и о прославлении царской семьи.

В 1991 году по приглашению Патриарха Алексия II о. Александр с матушкой Каллистой переехали из Америки в Россию, где обосновались в Донском монастыре Москвы. Отец Александр служил в храмах монастыря, проповедовал. Рядом с покоями батюшки расположилось издательство журнала «Русское Возрождение», который с 1994 года по благословению Патриарха Алексия II печатался в России. Отцом Александром был основан кружок имени преп. Серафима Саровского. Это было «содружество православных христиан в деле углубления принадлежности к отеческой вере и культуре нашего народа»⁴⁷. Собрание кружковцев проходило раз в месяц и длилось 3 часа. Среди гостей кружка были митрополит Калужский Климент (Капалин), протоиерей Аркадий Шатов (ныне – епископ Орехово-Зуевский

Пантелеимон), игуменья Серафима (Чичагова) и др. Кружковцами совершались паломнические поездки. Отец Александр, предвидя наступление трудных времен, призывал кружковцев к единению, сплочению, повторяя часто на собраниях: «Не просто пообщаться собирайтесь здесь, но с пользой. Узнавайте ближе друг друга, помогайте друг другу, будьте едины»⁴⁸. Последний период жизни отца Александра, его пребывание в Донском монастыре, не стал для него периодом покоя, отдохновения от трудов, а явился периодом миссии, заключавшейся в передачи богатого жизненного опыта, опыта священнослужителя, духовника, тем, кто уже находился в ограде церковной и тем, кто еще только начинал ступать на путь веры.

26.05.1997 года, после тяжелой болезни скончалась матушка Каллиста, супруга и верный друг отца Александра. Отец Александр преставился ко Господу 02.10.2001 года. И сегодня, спустя годы после кончины о. Александра, кружковцы, его духовные чада, в дни памяти батюшки собираются в Донском монастыре, где молитвенно поминают своего наставника. Ежегодно в октябре проходит вечер памяти о. Александра в Православном Свято-Тихоновском Гуманитарном Университете (Москва), в котором создан фонд наследия протопресвитера Александра Киселева.

Приложение

Письмо семинариста Рижской Духовной семинарии Александра Киселева иеромонаху Иоанну (Шаховскому).

01.01.1933

Дорогой о. Иоанн!

Прежде всего должен напомнить Вам о себе, чтобы Вы знали, кто пишет Вам. Я тот семинарист Рижской Дух[овной] Семинарии, с которым Вы беседовали в авто,

едуци с собрания у Янсонов и которого не благословили ехать в Парижскую академию⁴⁹. Сейчас я нахожусь в Тапсале (где живет мой отец и где я пробуду числа до 12-14 сего месяца). Я только вчера приехал из Ревеля, где был несколько дней. На прошлой неделе та группа лиц, с которой Вы беседовали в квартире у Янсонов, дважды собралась. На первом собрании был мой доклад «Белое иночество как наш путь», а

Иеромонах Иоанн
(Шаховской)

на втором мы читали и обменивались мнениями о письмах еп. Николая. У некоторых из нас возникло желание изыскать необходимые средства для того, чтобы иметь возможность просить Вас приехать к нам в Эстонию. Если Вы, о. Иоанн, дадите на то Ваше принципиальное согласие, то в середине января мы устроим деловое собрание по этому вопросу. Будучи в Риге, я постараюсь навести должный контакт, чтобы Ваш приезд был и для Риги. Пожалуй, что самым удобным временем для Вашего пребывания здесь, была бы вторая половина марта. Не откажите, дорогой о.Иоанн, написать мне, смогли бы Вы приехать и удобно ли для Вас приблизительно указанное время. О своей личной жизни могу сказать лишь то, что она проходит в сплошной борьбе. То я тверд и непоколебим в своей вере и доверии Господу, о которое разбиваются все страхи и все соблазнительные слова окружающих, а то вдруг достаточно одного слова или одной собственной мысли, чтобы ты зашатался как слабая былинка.

Письмо Александра Киселева
иеромонаху Иоанну (Шаховскому)

31.05.1933

Дорогой о. Иоанн!

Лишь после долгого перерыва опять пишу Вам. Молчал я потому, что считал себя глубоко виноватым; я не сдержал

И надо опять напряжение всех сил, опять отдать несколько часов на то, чтобы вернуть себе утерянное спокойствие. Маловер я, страшный маловер и в этом все мое горе. То боюсь, что соблазном для других буду, а не отцом духовным, то боюсь, что попаду в такие тяжелые материальные условия, что не хватит сил моих и сдам. Одной рукой к Господу тянусь, а другой держусь судорожно за землю. Словом, слаба моя вера, до ужаса слаба. А кругом почти все кто так, кто иначе, а осуждают мой поступок – отказ от академии и желание сразу по окончании семинарии стать священником. Невольно вспоминаешь слова псалмопевца: «мнози глаголют души моей, несть спасения ему в Бозе его». Я слаб, и часть слов этих «добродетелей» достигает цели, т.е. нарушает мой внутренний покой. Кто понимает и кто поддерживает, так это только супруги Янсон, невеста моя, да еще один старый друг. Простите, о. Иоанн, что забывшись слишком, задержал Вас своим письмом. Как и тогда, об одном прошу Вас – молитесь о мне, чтобы дал Господь мне веры и сил, чтобы благословил Он желание мое. Буду ощущать Вашу молитву о себе и буду напрягать все силы, чтобы идти к Владыке моему. Во Христе смиренный послушник Ваш Александр Киселев.

P. S. Мой адрес: Zai tän.1 Tallin. –

РГВА, Ф. 500 к, Оп. 3, Д.453, листы 133, 133 об., 134. Автограф

данного Вам обещания. Теперь, когда все сомнения забыты, и я готов идти путем служения, считаю возможным снова написать Вам. Несколько дней назад я окончил курс Р[ижской] Дух[овной] Семинарии и теперь имею некоторые возможности для осуществления планов в жизни. Группа лиц, имеющая в центре Михаила Алексеевича и

Наталию Александровну Янсонов, задалась целью организовать в братство или общину, иметь своего священника и маленькую домовую церковь. Побуждением к созданию такой общины служит то прискорбнейшее обстоятельство, что в имеющихся приходах царит дух абсолютно противоположный истинному духу христианской любви. Благодаря печальному инциденту, произошедшему между нашими архипастырями, во всех без исключения приходах идет страшная борьба ради национальных и политических воззрений. И во времена мира приходская жизнь была не на должной высоте и больше удовлетворяла тщеславие отдельных личностей, чем создавала истинную христианскую общину, но теперь стала еще более оземленной, еще дальше отошла от возвышенного идеала – общества любви во Христе. Вот целый ряд таких явлений, которые заглушают каждый порыв христианской души, вызвал в нашей группе желание отойти возможно дальше от всех этих дрязг и, собирая в общее наше хранилище различные наши таланты, приложить все силы к созданию братства – общины во имя Христово. В головах наших роятся самые светлые идеи и намерения сделать нашу церковь церковью для молодежи, которая так часто совершенно утеривается для православной Церкви, так как Приход, как организация, совершенно игнорирует одно из основных свойств молодежи – желание принимать активное участие в своей организации, в данном случае – в Церкви. Хотелось бы развить благотворительность на основах чисто христианских, а не на основе отвлеченного гуманизма, который, помогая телу, забывает душу, и очень часто наносит ей страшные раны. А вся необъятная область сублимирования своей собственной личности, путь к величайшему идеалу – «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный». Словом, необъятная громада дел перед нашими глазами. Но это все наши добрые

Михаил Алексеевич и Наталья Александровна Янсоны с сыном Олегом. Таллинн, 1930-е годы

намерения, а как их осуществить? Я глубоко верю, что если задуманное нами дело действительно угодно Господу, то оно найдет пути к осуществлению, как бы безнадежно оно не казалось сейчас. Хочу просить Вас, дорогой о. Иоанн, дать нам указания, как повести это дело, а главное, очень прошу Вашей молитвенной помощи. Я, сколько в моих силах, молю и буду молить Господа указать нам путь, но моя молитва так страшно слаба.... молитесь Вы, святой отец! Главное наше затруднение – деньги. Надо иметь помещение для церкви и надо прокормить священника. На этих днях мы впервые соберем всю нашу инициативную группу, чтобы еще раз обсудить дело и вместе помолиться Богу. Теперь еще большая личная просьба. Даст ли Господь осуществиться нашим планам с братством или нет, все равно твердо решил искать священства. Хоть в моем сердце и звучат сказанные Вами слова, что «невозможное человеку возможно Богу», однако мысль о возможно скором принятии этого страшного таинства бросает меня в угар. Страшно подумать, ответственность за сотни человеческих душ вручается мне, молодому, неопытному, вечно колеблющемуся, страшно, о. Иоанн, ведь вера моя еще так слаба, что ее шатает каждый ветерок. Я боюсь, что смогу благодаря отсутствию собственного духовного опыта взамен помощи человеку навредить ему. Конечно,

Господь сам ведет каждую душу, но ведь должна же быть важна и дух[овная] сила духовника, иначе бы каждый мог быть отцом духовным. От всей души прошу Вашей помощи, отец Иоанн- научите, что и как я должен делать. Может быть, лишь несколько коротких месяцев отделяют меня от этого светлого, но и страшного дня; да, он мне страшен, так как я ясно сознаю все свое ужаснейшее недостойство. Научите меня Христа ради, что я должен делать, чтобы хоть немного подготовиться к принятию этого таинства. Я бы может и подождал с принятием священства, если бы не видел, что каждая рука, даже такая слабая как моя, должна быть пущена в дело. Хотя не могу

Письмо иерея Александра Киселева
иеромонаху Иоанну (Шаховскому)

21.03.1934. Нарва

Дорогой о. Иоанн,

очень благодарю Вас за Ваше письмо, на которое я хотел сразу ответить, т.е. задать ряд вопросов. Но был очень занят и не мог написать. Вот о чем первое спрошу Вас, дорогой о.Иоанн. Вы пишете, что забота о доме является священной обязанностью жены. А каково должно быть мое отношение к «дому»? Чтобы был «дом», я также должен давать туда часть своего сердца. А это есть процветание чего-то другого за счет духовной работы. Но как могу я не вносить моей лепты в «дом»; возьмем такой пример. Вы говорили мне не носить штатского платья, но я его все же ношу, правда, лишь в одном случае – когда хожу с женой гулять. Но я не нахожу возможным не допустить этой вольности, жена готовится стать матерью, ей нужен воздух и движение, неужели я могу лишиться ее этого. Нередко за счет духовной работы даешь время ей. Пускай это будет ½ часа-час, но все же это отнято от жизни духовной. Вот

скрывать, мне очень хочется быть священником. Очень часто испытываю неопиcуемый трепет, когда присутствую в алтаре во время Литургии. Итак, еще раз прошу простить, что после обещания Вам не ехать в Париж, поддавшись уговорам друзей, колебался в этом. Теперь мое решение окончательно и я очень прошу Вас наставить меня и подготовить к принятию этого великого таинства. Помяните в молитвах Ваших рабу Божию Каллисту /имя моей невесты/, остаюсь просящий святых молитв Ваших.

Любящий Вас А. Киселев.

РГВА, Ф. 500к, Оп. 3, Д. 453, листы 167, 167 об., 168, 168 об.. Автограф

становишься воином, не могущим угодить Военачальнику. А угодить так бы хотелось. Вот не могу оторваться от жизни моего «дома», хотя правильнее сказать, что не могу счесть правильным и позволить себе отрываться от того, что я посмел создавать в жизни, позвав с собою и другого человека. Это я не ставлю на первое место, на первом месте служение, на втором, и вполне законно – стоит личная жизнь, дом, та, которую я позвал идти вместе жизненным путем. А вот будет у нас ребенок, ведь это дает еще новые обязанности. Ко всему этому я не только долг, но и все сердечное влечение имею. В то же время чувствую, что все это отвлекает от сосредоточения, развлекает, закрывает тем самым для меня источник духовной мудрости и опыта, отсутствие которых я часто с болью ощущаю. Как совместить эту внешнюю суету с внутренним покоем и тишиной? Знаю, что это должно быть, но как добиться этого – не знаю. Как вот святой Иулиания Лазаревская⁵⁰ стала, или это не применимо к священнику? Вот что еще смущает меня, о. Иоанн. Правильны ли все те указания в области духовной жизни, которые я как священник

даю людям. Что если я ошибаюсь и говорю не то, что должно было бы сказать. Правда, на мне благодать священства, но сколько раз попускал Господь людям и при наличии этой благодати забредать в духовные дебри. Узнав через исповедь жизнь множества людей, меня страшно поразило, сколь поверхностно смотрят люди на половую жизнь. Так мало холостых, сохранивших себя в физ[ической] чистоте, так много девушек, которые уже не девушки, не говоря уже о том, сколь часто и просто рассматривается измена между мужем и женой. Думаю, что этот вопрос плохо освящен, люди плохо понимают, почему это грех. Очень бы просил Вас написать на эту тему хотя бы маленький листок. А также и об аборте, это тоже приуравливается к стрижке ногтей – для своего удобства. Наш приходской кружок /миссионерский/ пока работает хорошо. Очень хотят издавать листки – миссионерские заметки, в которых разъяснять то или другое учение Православной Церкви. Есть желание и деньги. Просим благословения у Владыки, да он что-то не отвечает. Может

Галя Кельдер-
будущая матушка
Каллиста в
возрасте 14 лет

быть, и не разрешит. Мои настоящие листки частенько ругают, а Владыка – человек не особенно решительный. Будет очень жаль, кругом сектанты действуют, а мы ругаемся друг с другом, да мешаем один другому. И так, буду кончать. Хотелось мне еще кое о чем спросить Вас, да сейчас нет времени, спрошу в другой раз. Все деньги, какие имею, на этих днях пошлю в Ревель. Все не могу подсчитать – весь день занят, а толку мало. Господь Бог да будет с Вами. Всей душой любящий Вас иерей Александр.

РГВА, Ф. 500к, Оп. 3, Д. 453, листы 175, 175 об., 176, 176 об.. Автограф

Письмо иерея Александра Киселева
иеромонаху Иоанну (Шаховскому)
11.05.1934г. Нарва

Дорогой о. Иоанн,

опять хочу тревожить Вас моими вопросами. Ваш ответ на мой вопрос о Православии я не понял, но чувствую, что должен его понять, он каждый день теперь меня волнует. Вы говорите, что Православие есть достоверное направление-путь, у инославных же что-то примешано земное или забыто. Но как же тогда католики, не исповедующие достоверного пути, доходят до места назначения – святости. Как св. Албаний и преп. Сергей, идя разными путями /исповедания/, дошли до одного – святости. Если спасение вне конфессий,

если оно зависит от выполнения того, чему научила тебя твоя конфессия, то зачем тогда ограждение догматами, тогда нельзя говорить о достоверном пути, ибо всякий путь достоверен, если добросовестно выполняется. Если у сектанта налицо плоды Духа /при его сектантской догматике – духовном дальтонизме/, то надо ли мне тянуть его в православную догматику. Зачем его звать признавать Св. Крест, если он и без Креста достиг плодов. «От плодов велено узнавать» пишете Вы (Сектантство в Православии и православие в сектантстве), а в последнем письме- «...желать чтобы все стали православными чадами Божиими». Не понимаю тогда, зачем? Вчитывался я в письмо Ваше и в «Правило Духа», но не могу усвоить. Иногда как бы начинало

что-то обрисовываться, но не ясно – ускользало. А понять я это должен. Всей душой предался Христу, но остался, с точки зрения Православия, духовным дальтонистом. Ведь он же все же не православный? Теперь другой вопрос, о котором я уже говорил Вам, когда Вы были в Нарве, но я его тогда плохо усвоил. Это отношения с о. диаконом. Он не переменялся после разговора с Вами. Несколько раз я говорил с ним, но это ни к чему не привело. Одно, что я у него просил – это следить за чистотой в алтаре, и это не соблюдается. Вот, например, последняя служба на Вознесение: на престол было положено праздничное Евангелие, поцеловав которое я ощутил на губах песок. Протерев его полотенцем, я убедился, что последнее серое от пыли. За Литургией во время «Тебе поем» он вынул письмо, которое должен был огласить после службы, и стал его читать, стоя у престола. Вы писали мне о стороже, если не подходящий – смените. Все в храме должно служить на пользу людям. Горько, но должен по совести иерейской свидетельствовать, что о пользе чужой он не думает, но видит лишь в этом второй источник дохода/ он работает также и на фабрике/. Но болит у меня сердце, как его выгнать. И совсем соберусь изгнать и опять раздумаю. Будет ли это действительно по-христиански. Он не поймет, за что его гонят /если и Ваши увещания не помогли/, а лишь на всю жизнь озлобится. Сын у него послан во Францию учиться, тогда он не сможет закончить. Да и сколько мирян войдет в соблазн, если начать это дело. Ведь тоже не поймут, за что его гоню. Много не только диаконов, но и священников более духовно опустились, чем он. Может быть

оставить его в покое и самому исполнить ту маленькую обязанность, которую сейчас возлагаю на него. Может быть, если делать его дело самому и совершенно не сетовать на него за это, то Господь простит ему его непонимание. Если тяжело служить в его сослужении, то не благословлять его служить и служить одному. Он у нас по штату – псаломщик. Да если и надо прогнать из алтаря такого небрежителя, то это связано с множеством неприятностей и грязи. Надо о каждом его поступке громогласно объявить на заседании приходского совета и заносить в протокол, чтобы подготовить материал для духовного следствия и суда. Это все так больно и мерзко. Да и как после этого говорить «Христос среди нас» – ведь это будет вопиющая ложь. Сверлит мне этот вопрос душу, и не знаю, как быть. Выгонишь – престол будет соблюдаться в чистоте, а душа его повернется в сплошные проклятья. Надо ли это Господу? За Ваши указания для моей прихожанки большое Вам спасибо. Уж Вы, о. Иоанн, простите, что досаждаю Вам вопросами, не к кому мне больше обратиться, а нельзя их не разрешить. Буду очень рад, если смогу побывать у Вас осенью. Однажды я Вас просил написать хотя бы краткие статейки об аборте и о половой жизни между неженатыми. В наших краях эти вопросы сильно нуждаются в освящении.

Да укрепит Вас Господь
и да поможет Вам.

Любящий Вас иерей Александр.

РГВА, Ф. 500к, Оп. 3, Д. 453, листы 173, 173 об.,
174, 174 об.. Автограф

Примечания

- 1 Уртьев П. А. (род.1931), выпускник гимназии «Милосердный Самарянин». Родился в семье русских эмигрантов в Югославии. В начале войны вывезен с семьёй на работу в Германию. С 1950 года в США. Окончил Калифорнийский университет в Беркли. Доктор философии инженерных наук (1964). Научный сотрудник Ливермонской лаборатории. С 1946 года член Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР). В настоящее время состоит при штабе ОРЮР.
- 2 Раевская-Хьюз Ольга Петровна (р.1932), выпускница гимназии «Милосердный Самарянин» в Мюнхене, дочь врача, заведующего амбулаторией и курсов сестер-самарянок при гимназии Петра Николаевича Раевского. Родилась в Харькове. В 1943 году эвакуирована с семьей в Прагу. После окончания войны проживала и училась в Мюнхене. В 1949 году эмигрировала в Америку. С 1960 года в аспирантуре Славянских языков и литературы университета в Беркли (штат Калифорния). Докторская степень в 1969 году. Профессор на Славянском отделении того же ун-та до выхода на пенсию в 1993 году.
- 3 ДиПи-русская транскрипция английского сокращения DP -Displaced Persons, в переводе -перемещенные лица.
- 4 Письмо П. А.Уртьева автору от 28.12.2015 года. Архив автора.
- 5 Иоанн (Шаховской, 1902-1986), архиепископ. Известный миссионер, духовный писатель. Родился в Москве в аристократической семье. В 1920 году эмигрировал из России. В 1926 году принял монашество на Афоне. Обучался в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. В 1932-1945 годах настоятель Свято-Владимирской церкви Берлина в юрисдикции Западно-Европейского Экзархата русских приходов КП. Неоднократно совершал миссионерские поездки в Латвию, Эстонию, Финляндию. В 1945 году выехал из Германии в Париж, а в 1946 году эмигрировал в Америку. 11.05.1947 года хиротонисан во епископа Бруклинского ПЦА. С 1950 года епископ (с 1961 года архиепископ) Сан-Францисский и Западно-Американский ПЦА. С 1978 года на покое.
- 6 Янсон М. А. (1887-1953)- биолог, педагог и писатель. Образование получил в Юрьевском реальном училище и Юрьевском университете. Преподавал ботанику в Стародубе, Глухове, Ярославле. В 1920 году избран профессором кафедры ботаники медицинского факультета Ярославского университета. В 1921 году М. А. Янсон переезжает с семьей в Эстонию, где его приемный отец А. К.Янсон получил пост советника в Министерстве просвещения Эстонской Республики. В 1930-х годах часто посещал Валаамский монастырь и устраивал лекции о Валааме в разных городах Эстонии. Во время поездок на Валаам М. А.Янсон работал в монастырской библиотеке, беседовал со старцами и старожилыми, собирая материал для своих книг о монастыре. В 1938 году в Берлине вышла его книга «Валаамские старцы», а в 1940 году книга «Большой скит на Валааме». Скончался в эмиграции в Нью-Йорке (США).
- 7 Русское Возрождение. Памяти протопресвитера Александра Киселева. №81. 2002. с.10
- 8 Евсевий, (Гроздов, 1866-1929), архиепископ. Уроженец Виленской губернии. В 1890 году окончил СПбДА. Рукоположен во священника архиепископом Литовским и Виленским Алексием (Лавровым-Платоновым) в 1890 году. Служил в Виленском кафедральном соборе. Инспектор Литовской ДС (1899). Принял монашество (1902). Архимандрит (1903). Епископ Угличский, викарий Ярославской епархии (1906), Рыбинский, викарий той же епархии (1909), Тобольский и Сибирский (1910). Епископ Псковский и Порховский (1912). В 1917-1918 годах являлся членом Поместного собора Русской Православной Церкви. В 1918 году возведён в сан архиепископа св. патриархом Тихоном (Беллавиным). В августе 1919 года покинул Псков вместе с отступавшими войсками Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича и прибыл в Эстонию. В 1924 году архиепископ Евсевий возглавил Нарвскую кафедру, получив титул архиепископ Нарвский и Изборский. С 1925 по 1929 гг. управлял автономной Нарвской (русской) епархией в Эстонии. Состоял членом синода Эстонской Апостольской Православной Церкви.
- 9 Никитин А. И.- (1889-1949). Член общества «Маяк» и Христианского союза молодых людей (УМСА) в России. В эмиграции в Болгарии, затем переехал во Францию. Секретарь Болгарского студенческого христианского движения (ок. 1922 г.). Один из организаторов и руководителей РСХД в эмиграции. Один из устроителей в 1923 году первого организационного съезда РСХД в м. Пшероу (Чехословакия).
- 10 Лаговский И. А. (1889-1941), член РСХД. Родился в Костроме в семье священника. Окончил

- Костромскую ДС (1908) и КДА (1913). Эмигрировал из Крыма в Константинополь (1919), затем во Францию. Вступил в члены РСХД. Преподавал в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Член центрального секретариата РСХД в Париже (1929-1933). В 1933 году переехал из Парижа в Тарту (Эстония). Возглавлял РСХД в Эстонии (1934-1939). И. А. Лаговский был одним из учителей Патриарха Алексия II (Протоиерей Борис Даниленко. Патриарший омофор над библейской наукой. Журнал «Встреча» №1 (24) 2007). После вступления советской армии в Прибалтику в 1940 году был арестован и приговорен к расстрелу. Расстрелян в Ленинграде 03.07.1941 года.
- 11 РГВА, Ф. 500к, Оп. 3, Д. 453, листы 167, 167 об., 168, 168 об..
 - 12 Александр (Паулус, 1872-1953), митрополит Таллинский и всея Эстонии. В 1920-1923 годах глава автономной Эстонской Православной Церкви в составе Русской Православной Церкви. С 1923 года в юрисдикции КП. В 1941 году после покаяния временно находился в юрисдикции МП. В 1944 году эвакуирован в Германию. В 1947 году эмигрировал в Швецию.
 - 13 Протокол № 17 заседания совета прихода Ивангородской Успенской церкви от 13.02.1938 года. Архив ПСТГУ. Фонд наследия протопресвитера Александра Киселева.
 - 14 Ридигер Михаил (1902-1962), протоиерей, клирик ЭАПЦ, ЭПЦ МП.
 - 15 Алексей II (Ридигер, 1929-2008), Святейший Патриарх Московский и всея Руси в 1990-2008 годах.
 - 16 Русское Возрождение. Памяти протопресвитера Александра Киселева. №81. 2002. с.96
 - 17 Евлогий (Георгиевский, 1868-1946), митрополит. 26.03.1921 года назначен Патриархом Тихоном (Беллавиным) временно управляющим православными русскими приходами в Западной Европе. 10.06.1930 года митрополитом Сергием (Страгородским) запрещен в священнослужении и уволен от занимаемой должности. В 1931 году перешел в юрисдикцию КП и назначен Экзархом Константинопольского Патриарха в Западной Европе. В 1945 году воссоединился с Русской Православной Церковью МП.
 - 18 Иакин Дионисий (1882-1954), священник. Уроженец Могилевской губернии. В 1900-1910 годах проживал в Петербурге, являясь служащим Управления железных дорог. В 1910 году переведен по службе в Ригу. После начала Первой мировой войны эвакуирован из Риги в Витебск.
- В 1915 году назначен чиновником Управления железных дорог при ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве. После революции, в марте 1918 года бежал в Ригу. В 1930-33 годах обучался в Рижской Духовной Семинарии. Исполнял обязанности псаломщика в Рижском кафедральном соборе в 1927-1930 годах, а затем, с 1930 по 1935 год в Рижской Благовещенской церкви при настоятеле протоиерее Александре Македонском. В 1938 году переехал в Берлин. 18.05.1939 года рукоположен во диакона, а 28.05.1939 года во иерея епископом Берлинским и Германским Серафимом (Лядэ). Служил в Мариенбаде, Франценсбаде, Карсбаде. В 1942 году арестован гестапо и направлен в концентрационный лагерь. Освобожден из концентрационного лагеря Дахау 03.05.1945 года. В 1945-1949 годах проживал в Мариенбаде. С 1949 года в Германии, в юрисдикции митрополита Латвийского Августина (Петерсонса). Настоятель прихода в Эслингене.
- 19 Беседа протопресвитера Александра Киселева с автором книги «Нацистский режим и Русская Православная община в Германии (1933-1945)» А. К. Никитиным с участием протоиерея Николая Артемова и М. А. Холодной. Аудиозапись. Запись произведена 07.12.1996 года в Донском монастыре Москвы. Архив секретаря Германской епархии протоиерея Николая Артемова.
 - 20 Серафим (Лядэ, 1883-1950), митрополит. С 1930 года викарный епископ Германской епархии РПЦЗ. В 1938 году в сане епископа (1939 года архиепископ) возглавил Берлинско-Германскую епархию. С 1942 года глава Средне-Европейского Митрополичьего округа в сане митрополита.
 - 21 АГЕ, Ф.7, «Епархиальная переписка 1941-1945 годов». Письмо митрополита Берлинского и Германского Серафима (Лядэ) настоятелям приходов Германской епархии. Без даты.
 - 22 РГВА, ф.500, оп.3, д.450, л.56-57
 - 23 Козлов Максим, протоиерей, Воспоминания о протопресвитере Александре Киселеве к столетию со дня рождения и восьмой годовщине смерти. 02.10.2009, <http://www.bogoslov.ru/text/476982.html>
 - 24 Анастасий (Грибановский, 1873-1965), митрополит. С 1936 по 1964 годах-Первоиерарх РПЦЗ, Председатель Архиерейского Собора и Синода. С 1964 года на покое.
 - 25 Киселев Александр протоиерей, Облик генерала Власова. Изд.: Путь жизни. Нью-Йорк. с.65-66
 - 26 Егорцев А., Странствующий иконостас. Татьяна день. 1988. № 27. С.2

- 27 Краткий отчет о возникновении и деятельности Дома «Милосердный Самарянин». Мюнхен, 1947. Цит.по: Русское Возрождение. Памяти протопресвитера Александра Киселева. №81. 2002, с.121
- 28 Гитлерюгенд (Hitler-Jugend) – национал-социалистическое молодёжное движение НСДАП. Основано в Веймаре в 1926 году. Прекратило существование в 1945 году в процессе денацификации Германии.
- 29 ЮНРРА-от англ. аббревиатуры UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration-Администрация помощи и восстановления Объединённых Наций.
- 30 Воспоминания воспитанницы Дома «Милосердный Самарянин» М.Г.Маас-Кутше. Аудиозапись. Запись произведена 24.06. 2008 года в Мюнхене. Архив автора.
- 31 Там же.
- 32 Русское Возрождение», (Нью-Йорк, Москва, Париж). 1988, № 44 , с.62.
- 33 Аверкий (Таушев, 1906-1976), архиепископ. Родился в семье дворянина Симбирской губернии. В эмиграции с 1920 года. Монашество принял в 1931 году в Прикарпатской Руси. С 1945 года в Мюнхене. Трудился законоучителем в старших классах гимназии «Милосердный самарянин» и гимназии для бесподанных. В 1950 году назначен председателем Миссионерско-просветительского комитета при Архиерейском Синоде. В 1951 году эмигрировал в Америку. С 1952 года ректор Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле. Владыка Аверкий, известный духовный писатель. В число написанных им книг входят учебники по гомилетике, литургике и толкованию Священного Писания Нового Завета.
- 34 Александрович Георгий, Воспоминания и факты. Из неопубликованной автобиографии. Цит. по: «Наставникам, хранившим юность нашу...». Составители Л. Оболенская-Флам и О. Раевская-Хьюз. Отпечатано в Санта-Роза. Калифорния. 2012, с. 21.
- 35 Раевская-Хьюз О.П., «Мы жители Дома», Цит. По: «Наставникам, хранившим юность нашу...». Редакторы-составители: Л. Оболенская-Флам и О. Раевская-Хьюз. Отпечатано в Санта-Роза. Калифорния. 2012, с. 10-11
- 36 Гизетти Димитрий (1918-1989), протоиерей. Родился в Петрограде в семье офицера царской армии. Вслед за армией генерала Юденича семья Гизетти ушла в Эстонию. Во время Второй мировой войны попал в немецкий плен. После войны жил в Мюнхене. Рукоположен в священный сан в 1948 году. В 1950 году эмигрировал в США. В 1953 году окончил Свято-Владимирскую духовную семинарию в Нью-Йорке (США). Служил в юрисдикции Северо-Американской митрополии Русской Православной Церкви (с 1970 года – Православной Церкви в Америке).
- 37 АГЕ, Ф.2, Оп.1, Коробка 1, д.1 ч.14, «Личное дело протоиерея Александра Киселева», л.7
- 38 Вестник РСХД, Изд. Дома «Милосердный Самарянин», Мюнхен, 1949. Цит.по: Полчанинов Р.В., Возрождение ХСМА в Германии в 1948-1951 гг.. Доклад на конференции «Религиозная деятельность русской эмиграции». <http://zarubezhje.narod.ru/texts/Polchaninovo1.htm>
- 39 АГЕ, Ф.2, Оп.1, Коробка 1, д.1 ч.14, «Личное дело протоиерея Александра Киселева», л.3
- 40 Бенигсен Георгий (1915-1993), митрофорный протоиерей. В 1937 году рукоположен митрополитом Августинном (Петерсонсом) в сан диакона. В 1941 году Экзарх Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский) рукоположил отца Георгия во священника. Являлся секретарем Прибалтийского Экзархата МП и участником Псковской Духовной миссии. В сентябре 1944 года эвакуирован в Германию, где вошел в клир РПЦЗ. В 1950 году эмигрировал в Америку. Служил в юрисдикции Северо-Американской митрополии (с 1970 года – Православной Церкви в Америке).
- 41 АГЕ, Ф.3, д. «Mauerkircherstrasse 5», Протокол Годового общего собрания прихода РСХД при храме преп.Серафима Саровского от 10.04.1948 года.
- 42 Русское Возрождение. Памяти протопресвитера Александра Киселева. №81. 2002. с.141
- 43 Древинг Анатолий (1910-1969), священник, известный церковный композитор. Родился в Москве. Проживал в Эстонии. В 1935 году окончил химический факультет Тартуского университета. В священный сан рукоположен в 1950 году в Мюнхене. В 1950-1969 гг. настоятель церкви преп.Серафима Саровского в Мюнхене.
- 44 АГЕ, Ф.3, д. «Mauerkircherstrasse 5», Тридцатилетие прихода преп.Серафима Саровского в Мюнхене.
- 45 Русское Возрождение. Памяти протопресвитера Александра Киселева. №81. 2002. с.163
- 46 Козлов Максим, протоиерей, Памяти протопресвитера Александра Киселева. <http://www.taday.ru/text/32734.html>
- 47 Русское Возрождение. Памяти протопресвитера Александра Киселева. №81. 2002. с.211
- 48 Там же, с.226

- 49 Имеется в виду Свято-Сергиевский Православный богословский институт в Париже, высшее учебное заведение Западноевропейского Экзархата русских приходов КП.
- 50 Иулиания Лазаревская (или Муромская, 1530-1604), святая Русской Православной Церкви. Прославилась благотворением нищим и заключенным. Во время голода при царе Борисе Годунове продала свое имущество для покупки хлеба неимущим.
- 51 Албаний Британский (Веруламский, III-нач. IV в. н.э.), первый мученик Британских островов.
- 52 Сергей Радонежский, преподобный († 1392), один из самых почитаемых святых Русской Православной Церкви.

Алексей Климов (США)¹

Иконопись и мозаика в рижский период творчества Е. Е. Климова: к двадцатипятилетию со дня кончины

Евгений Евгеньевич Климов родился 8 мая 1901 г. в прибалтийском городе Митаве (ныне Елгава) в семье юриста при Акцизном ведомстве. В связи с служебными назначениями отца семья переместилась сперва в Либаву (ныне Лиепая), затем в Варшаву, а после начала Первой Мировой войны в Петроград. Летом 1917 г. отец получил назначение в Новочеркасск, и здесь Е. Е. получил среднее образование и поступил в Донской Политехникум. Однако в связи с событиями Гражданской войны он после первого курса оставил занятия и записался вольноопределяющимся на морскую службу. В Севастополе он чудом избежал репрессий после падения белого Крыма, и в 1921 году, как уроженец независимой к тому времени Латвийской Республики, законным образом уехал в Ригу, где его вскоре приняли в Латвийскую Академию Художеств. По окончании Академии (1929) и отбытия латвийской военной службы Е. Е. выступал как свободный художник (выставки и издание альбомов литографий), работал в театре, а в 1932 г. начал также преподавать в рижской Русской гимназии, занимая должность учителя рисования и истории искусства. С конца 1920-х гг. и до начала войны он совершил многочисленные

поездки творческого и познавательного характера, особенно часто в районы Изборска и Печор (в то время находящихся на территории независимой Эстонии), а также и в более отдаленные места – в Германию (1922), в Советскую Россию (1928) во Францию (1929), в Италию (1934) и снова в Советскую Россию (1936), причем главной целью всех поездок было посещение музеев или осмотр архитектурных памятников.

Помимо работ в жанре графики и живописи в эти годы Е. Е. изучает технику иконописи, создает эскизы мозаичных образов и участвует в росписи храмов фресками. Он принимает деятельное участие в культурной жизни русской Риги, устраивает выставки, становится секретарем «Общества ревнителей искусства и старины» («Акрополь»), занимается русским отделом Рижского Художественного музея.

В 1944 году Е. Е. был приглашен в Кондаковский институт (Прага) в качестве реставратора икон, а в 1945 году, через три месяца после занятия Чехословакии советской армией, ему удалось вместе с семьей уехать в американскую зону оккупированной Германии, где в глухой баварской деревне он провел четыре удивительно богатых в

творческом отношении года, несмотря на трудные условия жизни. Осенью 1949 года семья эмигрировала в Канаду и обосновалась во франкоязычной провинции Квебек. Здесь Е. Е. занимался отчасти педагогической деятельностью (уроки рисования и живописи, преподавание русского языка, летние курсы по истории русского искусства в США), одновременно продолжая многостороннюю художественную и культурно-просветительную деятельность (выставки, издание нескольких альбомов литографий, лекции о русском искусстве во многих городах Канады и США, частые выступления в эмигрантской прессе, издание книги о русских художниках). В 1960-ые и 70-ые годы он совершил ряд путешествий в

Нам неизвестно, когда Е. Е. Климов начал интересоваться иконами как особым видом искусства. В рижской Академии Художеств он в этом отношении как будто не получил никаких знаний². Но уже первая дневниковая запись на тему иконописи (19 апреля 1923 г.) свидетельствует о глубоком понимании вопроса, одновременно отражая характерное для всей сознательной жизни художника противопоставление внутреннего духовного смысла внешней форме:

Спертал³ смотрел икону Нерукотворного Спаса. Заметил отношение цветов. Но хоть бы слово о сути, духовности! Нет, не дано материалистическому человеку возможности воспринять по-божески русскую иконопись.

Весной 1928-го года Е. Е. Климов (вместе с четырьмя другими студентами латвийской АХ) отправился в Россию с целью посещения музеев и осмотра памятников русской средневековой архитектуры. Воспоминания об этой экскурсии Е. Е. изложил в статье «Поездка в Россию», вошедшей в сборник *Встречи*⁴. Экскурсия была приурочена

Европу, в 1964 году посетил Святую Землю, до конца жизни он продолжал писать картины и иконы, выступать с лекциями, печатать статьи и рецензии. Е. Е. Климов скончался 29 декабря 1990 г. в результате автомобильной аварии.

Настоящая статья имеет целью осветить религиозную тему в художественном творчестве Е. Е. Климова в рижский период его жизни (1921-1944). Приводятся выдержки из дневника художника (в настоящее время опубликованного только частично), в котором Е. Е. отмечал как сам процесс работы над очередным иконописным или мозаичным образом, так и свои размышления о смысле и значении этого вида искусства.

к началу летних каникул, и хотя она не была формально согласована с занятиями в Академии, статус «иностранной делегации», которым группа пользовалась внутри Советского Союза, говорит об официальной поддержке этого мероприятия Академией.

Первая дневниковая запись, относящаяся к экскурсии, была сделана в Москве 4-го июня 1928 года после посещения Музея изящных искусств⁵ и Третьяковской галереи. Художественные качества икон здесь явно воспринимаются через призму западного искусства:

Живопись *иконная* только теперь начинает приоткрываться мне. Тут же вспоминаю – *Сезанн* проиграл, а *Гоген* выиграл. В «Зловещем Будде»⁶ столько связи с иконописью! Сезанн груб и мало духовен по сравнению с Гогеном. Слишком все у Сезанна понятно буквально. А у Гогена почти все – символы. Также в иконописи. В иконах заметил живость, прозрачность, исключительное композиционное чувство, чарующую лирическую успокоенность. Смотрел оригиналы

новгородской школы, московской, царской школы и строгановской. Ведь имена многих иконописцев известны. Тут личности, очень отличающиеся друг от друга. Вот некоторые имена: *Никита Павловец* и *Спиридон Тимофеев* из Царской школы (у первого «Крещение» все в свету), *Симон Ушаков*, *Максимов*, *Кирилл Уланов*. У последних прозрачные, светлые тона, преобладают светло-зеленый и бледно-розовый. (Из икон домового церкви боярина Богдана Хитрово). В иконах работы *Прокопия Чирина* зеленовато-темный, затухший тон. *Семенка Бороздин* в колорите поразительной красоты; глубокий, прозрачный и по духу в его иконах чувствуется умиленная восторженность.

На следующий день – продолжение знакомства с памятниками древнерусской иконописи:

День ото дня иконопись открывается все лучше и больше. Сегодня собрание Остроухова⁷.

Из Москвы 6-го июня группа отправилась в Сергиев Посад. Запись того дня говорит о качественно другом восприятии:

Сегодня Троице-Сергиевская лавра. Уже издали видишь пестрый ковер цветов и сказочную игру форм. В Музее видел впервые «Троицу» Рублева. Никакие репродукции не дают того, что видишь на оригинале. Радостно-благоговейно. Благодать излучается этой иконой, спокойствие и возвышенное чувство. А в красках – яркость синего тона одежд исключительна. Левый Ангел очень стерт, средний Ангел сохранился вполне и дает мощное отношение темного бакана

с ярким голубцом. Опять и опять столкновение с Востоком. Москва в своей архитектуре пышнее, наряднее, пряничнее и «добрее» новгородской. То же и в живописи.

Через два дня (8 июня) – возвращение в Москву и размышления о троице-сергиевских впечатлениях:

Вспоминаю опять Сергиевскую Лавру с «Троицей» Рублева. Все говоренное не дает истинного представления. Весь ритм, все обаяние ее совершенно непередаваемо. Синева такого тона, что прямо светится. А тут же рядом архитектура, архитектура богатая вымыслом и пышной представительности. Цветистая величавость.

И в тот же день – запись о посещении Исторического музея и о встрече с выдающимися специалистами по истории иконописи и реставрации икон:

Главные Государственные *Реставрационные Мастерские*. Тут просто чудеса. Живопись до-монгольского периода, только теперь открытая. Это целые главы из истории, ранее неведанные. Какое монументальное целое, какая свобода трактовки, богатство и насыщенность красочных отношений (Ярославская «Оранта») и вместе с тем силуэтность и слитность. Это памятники большого стиля, достойного встать рядом с Чимабуэ, Джотто и Дуччио. Какое счастье, что удалось это видеть, а также встретиться с людьми, открывающими этими, памятники (Анисимов, Юкин⁸).

В своих воспоминаниях Е. Е. Климов особо отмечает дружеское внимание, которое А. И. Анисимов проявил к посетившим

его студентам. Он не только показал им реставрационные мастерские и происходящие там работы, но долго с ними беседовал, рассказывал о себе, живо интересовался их художественным образованием и, узнав, что они намерены посетить Новгород, дал им конкретные советы насчет того, на что там следует обратить особое внимание⁹.

Из Москвы студенты направились в Ленинград (10 июня), пробыв там одиннадцать дней. Здесь главное внимание было уделено европейскому искусству (Эрмитаж), но в Русском музее Е. Е. рассматривал также «собрание икон в отличной экспозиции» из бывшего собрания Н. П. Лихачева¹⁰.

Следующая запись, сделанная уже после возвращения в Ригу в конце июня или начале июля, охватывает несколько дней:

На поезде до Чудово, а оттуда на пароходе в Новгород, где были 4 дня. Ал. Ив. <Анисимов> дал нам указания, что смотреть. На лодке ездили к Нередице, пешком ходили на Волоотово, где, по преданию, Гостомысл решил послать к варягам. Волос, Волот – по-славянски – великан. Необозримые дали воды, разлив Волхова еще не спал, и среди равнин белеют силуэты мощных церквей. По пути от Нередицы заехали в Юрьев монастырь 12-го века. А в самом Новгороде видели вновь открытые фрески Феофана Грека, такие горячие и динамичные, что рядом с ними стоять даже как-то боязно. Фрески Нередицы приглушенные, лиловато-голубые, а Феофановские золотисто-теплые, насыщенные. Одиноко среди полей стоит Нередица. Церкви Феодора Стратилата и Преображения Господня своим сохранившимся видом (8-ми скатные крыши) удивительно показывают суть новгородской представительности. Музей живописи в Новгороде сохранил

ценнейшие образцы иконописи. Из Новгорода через Старую Руссу в Псков. Остановились в экскурсионной базе в Мирожском монастыре. Осмотрели, что могли, рисовали и вечером двинулись домой.

Следующая запись (10 июля) показывает, что пристальное внимание, которое Е. Е. в этот период жизни обращает на художественные качества икон, связано с его поиском своего собственного – естественного именно ему – направления в художественном творчестве:

Вот снова дома. Отдохнув после всех впечатлений, хочу вспомнить и дать себе отчет в увиденном. Приобщение к Востоку, как я себе наметил перед путешествием, совершилось на иконах. Это главное. Раньше было разглядывание, некое равнодушное признание достоинств, теперь же было любовное проникновение и осмысливание иконы как целостного художественного памятника. Поэтическая возвышенность, зовущая от буквального понимания природы, стала мне близкой. И если я не воспринимаю еще мир (с точки зрения красок) декоративно, ибо пространство и дали меня манят, то все же икона может мне служить указанием дальнейшего движения.

Следующей вехой в процессе приближения к миру иконы стало изучение техники иконописания, как Е. Е. сообщает в записи 7 марта 1929 г.:

Работаем в кружке под руководством П. М. Софронова¹¹ У меня – «Благовещение». Не всякий дойдет до глубокой мысли «Благовещения», Многие хотят буквального истолкования, связи с Иосифом. Но плотское в Иосифе,

Рижский кружок по изучению техники иконописи под руководством П. М. Софронова. Весна 1929. Стоят (слева направо) П. М. Софронов, Ю. Г. Рыковский, Е. Е. Климов. Сидят (слева направо): проф. В. И. Синайский, В. А. Зандер, Т. В. Косинская. Встречи проходили на квартире Т. Н. Тихоницкого¹²

только плотское и породить может!
Нужно послание божественное, чтобы духовное зародилось.

Хотя Е. Е. Климов и пишет в своих воспоминаниях, что эти занятия доставляли ему «большую радость»¹³, были и моменты отчуждения. Так, запись от 12-го марта свидетельствует, что иконопись для него – не самоцель, а некий метод изображения действительности:

Вчера была минута сомнений после беседы с Вал. Алекс. Зандер¹⁴, <участницей кружка>. Она целиком отдается иконописи, любит образцы, обосновывает все внутренне, духовно, самозабвенно работает. Я больше язычник, не могу забыть жизни.

Встреча теперь вплотную с иконописью дает мне, надеюсь, новые переживания, кроме чисто духовных в живописном отношении, – более цветные, отношение окрашенных плоскостей. И если через иконопись я найду то, что меня волнует около 2-х лет, то я не погрешу. Оставаясь же на линии повторения икон, как Вал. Ал., я схожу с основной линии творчества, ибо искания нового, еще не выраженного, не будет. Если истина обретена и остается только повторять ее, то нет смысла работы.

Но степень художественной удачи в иконописи он оценивает так же, как и в других видах искусства, как видно из записи от 18-го апреля, где он отзывается об иконе,

написанной им в порядке задания и по всем правилам, указанным П. М. Софроновым:

Икону кончил («Перенесение мощей св. Николая Чуд. из Мирр Ликийских в Бар Град»), но радости не было. Старался «прилично сделать». И заданность темы, и сам мотив, и новый технический прием (яичная темпера) слишком были на первом плане. Главного в ней не было.

Основную пользу этих занятий Е. Е. все же видит в художественном плане:

Как драгоценные камни вставляются в брошь, так и в иконе подыскивается каждый новый цвет. Если бы с таким же вниманием относился я к живописи! И если бы был такой же педагог, как Пимен Максимович!

В мае того же 1929 года Е. Е. впервые занялся реставрационной работой, причем несомненно использовал понимание иконописной техники, почерпнутое на занятиях под руководством П. М. Софронова. Привожу запись 23-го мая:

Реставрация икон из собр<ания> Каульбраса. Какая изумительная простота красочных отношений. И какими грубыми кажутся мне иконы нашего письма. Сплетость тонов, их общая гармония, то скорбная в «Не рыдай Мене Мати», то царственно-торжественная в Иисусе из Деисуса, то такая русская в Богоматери с покрывалом цвета слоновой кости и узорчатой тканью. Господи, как нужно мне все это. И особенно теперь.

После этой записи – трехлетнее отсутствие обращения к теме религиозной живописи в дневнике художника. Но летом 1932

года Е. Е., вместе со своим другом Юрием Георгиевичем Рыковским, осуществляют большую работу по росписи Иоанновской церкви в Риге. Привожу запись от 22-го августа:

Работа в Иоанновской церкви в Риге над фреской «Троица». Больше двух месяцев сплошной и напряженной работы. Линейная композиция Юр. Георг., красочная наша общая. Я стоял за еще более интенсивный тон неба. Писали опять техникой яично-масляной темперы. Вхождение в мир иконы, какого еще у меня никогда не было. Ковровость и узорчатость впервые так ощутилась. Леса закрывали, к сожалению, многое, только сняв их, увидели некоторые погрешности, но исправлять уже было поздно. Плоскость огромная – 14 на 9 метров.

К сожалению, снимков этой работы в архиве художника не сохранилось. Затем снова следует довольно длительный период без упоминаний иконописи. Но по записи 12-го апреля 1935 узнаем, что Е. Е. писал иконы по заказу. В данном случае речь шла об иконе, написанной для изборского историка и педагога Александра Ивановича Макаровского¹⁵. О своей работе художник отзывается с самокритичностью, характерной для всех его суждений о собственном творчестве:

Т. Вл. Косинская¹⁶ увидела в моих иконах недостаточно внимательное отношение к ликам. В иконе для семьи Ал. Ив. Макаровского, действительно, лики меня меньше всего волновали. Человек чувствующий это сразу заметил.

В 1938 г. Е. Е. Климову предложили сделать эскиз мозаичной иконы Ионна Крестителя для часовни-усыпальницы,

Часовня-усыпальница на могиле арх. Иоанна (Поммера) на Покровском кладбище в Риге. Общий вид

Мозаичная икона Иоанна Крестителя по эскизу Е. Е. Климова на стене усыпальницы арх. Иоанна (Поммера).. Эскиз сделан в 1938, мозаика установлена в 1939

установленной на рижском Покровском кладбище на могиле убитого в 1934 архиепископа Иоанна (Поммера). 10-го августа Е. Е. Климов записывает:

Три дня писал большой эскиз мозаики «Иоанна Крестителя». Радостно и напорно. Заметил: 1) в равенских мозаиках большая жизненность, что решил применить и у себя 2) проверял детали по натуре, почему избежал схематичности и дал игру форм и линий и 3) все можно писать мозаично, т.е. находить каждое место как цвет-камышек и смотреть, подходит или не подходит.

Художник последовал древней иконописной традиции, изображающей Иоанна Крестителя с широкими ангельскими

крыльями – символом его ангельского посланничества¹⁷. Эскиз был представлен на суд митр. Августину (Петерсону), который не оценил приверженность к древней традиции, и художник 12 августа с огорчением записывает следующее:

На одобрение надо было эскиз показывать. Заставили срезать крылья. «Я красоту всюду люблю. А это разве красиво? – говорит Августин. Это для музея где-нибудь, но не для церкви. Разве Иоанн Креститель был с крыльями? Возьмите в Соборе, скопируйте и хорошо будет». Ну что ты с ним поделаешь? Не понимает символа, оторваться от земного не может.

Мозаика была заказана в Италии. Е. Е. записывает 23 января 1939 года:

Часовня-усыпальница на могиле арх. Иоанна (Поммера) на Покровском кладбище в Риге. Общий вид

Получили из Венеции мозаику. Ошибся в швах. Думал, что будут темные, а на самом деле швы светлые. Общий тон светлее, чем на эскизе. Но в общем неплохо, нарядно. Как-то будет выглядеть на стене?

В мае 1939 года Е. Е. Климов пишет для рижского собора большую икону «Рождества Христова», и он заносит в дневник следующие мысли в связи с этой работой:

Природа и икона. Чтобы ввести реальность в план иконы, нужно отрешиться от многих подробностей, дать условное освещение, оторвать <ся> от обыденности и дать возвышенную торжественность. Почувствовал все это сейчас в работе над «Рождеством». Как мозаика требует своего стиля, так и икона. (Запись 23-го мая 1939 г.)

Как и ранее надо было сделать с эскизом мозаики, предварительный эскиз иконы требовалось представить на одобрение митр. Августину. Реакцию митрополита можно было предугадать:

Опять разговор с Августином. «Реальность люблю, – говорит. Не

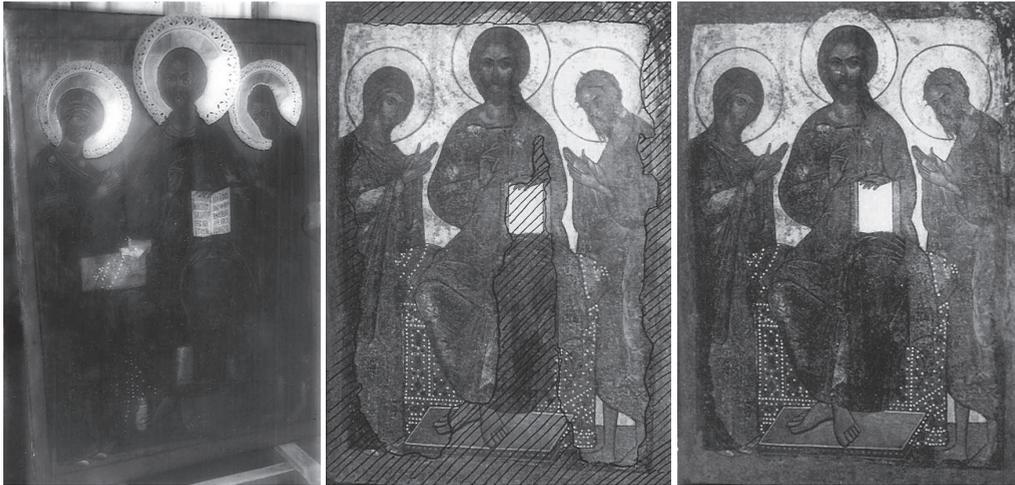
нравится мне ваше «Рождество». Возьмите книжку Закона Божия Смирнова, тут картинки как надо. Ангелов не нужно. Надо нарисовать в самой пещере, а не около. Пастухов нарисовать надо, скотинки не надо, ее там не было». Словом, повторение того же, что было с эскизом Иоанна Крестителя. Он насквозь земной и никакой символ до него не доходит, эта сторона для него закрыта. (Запись 18-го июня 1939 г.)

Как видно из дневника, художник, несмотря на неприятие своего проекта, решил продолжать работу по указанию митрополита. Привожу запись 27-го июля:

Подхожу к концу в «Рождестве». Кажется мне, что выходит лучше эскиза. Детали проверял на натуре. Использовал некоторые технические приемы перекрытий лессировками¹⁸, писал по подмалевку. Жаль, конечно, что связан был нелепым форматом. Сделал, что мог.

Окончив писание иконы «Рождества», Е. Е. включился в групповую работу по реставрации стенной живописи в рижском Христорождественском соборе.

Месяц акробатики – записывает он 11-го сентября 1939 г. – Зарабатывал больше цирковыми номерами, а не искусством. Реставрация стенной живописи в Соборе и отдельных икон дала большой опыт. Интересно было работать, потому что близко к монументальным задачам. Евангелисты на парусах написаны лихо, умело и толково; верхние большие ангелы написаны по шаблону, но умелой и уверенной рукой. Переходы «над пропастью» бывали действительно

Процесс реставрации, осуществленный Е.Е. Климовым в 1940 г. Фотографии Е.Е. Климова

Икона «Деисус»
до расчистки

Отмечены части иконы,
потребовавшие фундаментальной
реставрации

Икона после очистки
и реставрации

аховые. Новый мир открылся мне – жизнь корпорации маляров.

Поздней осенью 1940-го художник провёл около недели в церкви во имя Иоанна Крестителя на Киш-озере на окраине Риги, прописывая изображение Бога-отца на потолке (запись 6-го ноября). Но буквально через неделю (13-го ноября) церковь сгорела. «Ни одной иконы не сохранилось, – пишет в тот же день Е. Е. – Жаль иконостаса, хороших икон и моего эскиза Иоанна Крестителя. Нет даже фотографии». Как следует из этой записи, Е. Е. Климов поместил свой эскиз мозаики для усыпальницы арх. Иоанна Поммера в Озолкалнскую церковь явно с мыслью, что лучшее место для иконы Иоанна Крестителя – в церкви, посвященной именно этому святому.

Вся первая половина 1940 года у художника была занята работой с разными видами религиозной живописи. Это включает какое-то мало удачное сотрудничество с иконописцем-старообрядцем (запись 2-го марта), создание вместе с К.Я. Убаном

мозаичного образа «Нерукотворного Спаса» для надгробья¹⁹ (записи от 19-го и 28-го марта и 4-го апреля) и целый ряд реставраций, которым посвящены довольно подробные записи. Например:

Расчищал большой образ «Тихвинской Богоматери». Тихая, бестелесная, плавно-спокойная. Действительно – «Образ», а не картина. Нечто родственное Чимабуэ и Дуччио в зеленоватых тонах лика. Младенец совершенно вне плоти: в красном одеянии с золотыми прописями. (19-го марта)

Или

Расчищаю икону «Деисус». Она наиболее старая, над которой когда-либо работал. Ответственно и интересно... Снял два слоя краски. Судя по стилю живописи икона может быть 15-го века. Монументально, значительно, очень декоративно, при чудесном подборе тонов. Большая выразительность

достигается большой простотой. (Записи 9-го и 20-го мая).

В июне Е. Е. производит реставрационную работу в Свято-Никольском храме в деревне Лавры-Щемерицы (сегодня – просто «Лавры» в Печерском районе Псковской области):

Уже две недели занят я реставрацией иконы Николая Чудотворца, – записывает он 27-го июня. – В первый раз в жизни пришлось проделывать все стадии закрепления, заклейки, вставления новых мест. Сейчас начал чистку. На моих глазах происходит буквальное спасение старого памятника живописи. Что за живопись будет, сказать еще трудно.

Предстояли еще две недели расчистки, и 12-го июля он записывает:

Подхожу к концу работы. Под слоем олифы и краски оказалась старая живопись конца 17-го, или начала 18-го века, не очень высокого качества. Но икону все же спас от дальнейшего разрушения. Много здесь попустительства – пропадают из часовни старые иконы, иконостас со старыми иконами «зверски» переписан два года тому назад местным «обновителем» Денисовым. Всех здесь, конечно, более занимают новости цивилизации (электрический звонок на колокольню и пр.)

Забегая вперед, отмечу, что эти работы по реставрации стали подготовкой Е. Е. Климова к должности официального реставратора при Археологическом институте им. Н. П. Кондакова в Праге, которую он занял летом 1944, уехав из Риги навсегда. Рижским связям художника было суждено сыграть крупную роль в создании его

самого известного произведения религиозного искусства – мозаичной иконы «Троицы», исполненной по эскизу Е. Е. Климова. Икона эта ныне находится над входом в Псковский Кром (Кремль). Всю историю ее создания нет нужды повторять – она изложена с исчерпывающей полнотой Валерием Николаевичем Сергеевым²¹; здесь лишь отмечена достаточно существенная «рижская составляющая» в развитии дела. Начну с общеизвестного факта, что т.н. Псковская Православная Миссия поначалу преимущественно опиралась на деятельность прибывших из Риги священников. Среди них ведущую роль играли о. Алексей Ионов и о. Георгий Бенигсен – оба хорошие знакомые Е. Е. Климова по Риге. Можно предположить, что именно это обстоятельство сделало возможным поездку Е. Е. Климова в оккупированный Псков весной 1942 года. Цель поездки была чисто художественной – запечатать древние памятники архитектуры Пскова, что Е. Е. и осуществил за свое двухнедельное пребывание в городе в апреле того года²². Но произошло неожиданное. Как вспоминает прот. Бенигсен, он шел вместе с Е. Е. Климовым по улице Пскова. Подходя к входу в Кром, они обратили внимание на пустую нишу над воротами, – здесь раньше находилась икона, изъятая во время какой-то антирелигиозной кампании. И в этот момент зародилась идея заполнить пустующую нишу иконой Троицы – подставить «Троицким воротам», названию этого входа в Кром²³. Рижские связи помогли в дальнейшем и в самом прямом практическом смысле: О. Георгий Бенигсен был секретарем митр. Сергия (Воскресенского), духовного возглавителя Миссии, благодаря чему было получено благословение на сбор средств для оплаты работы фирмы, которая изготовляла мозаичные изображения по эскизам. А сам эскиз писался в Риге, и о своей работе над окончательной редакцией

эскиза, использованной в создании иконы, Е. Е. Климов писал в дневнике от 25-го мая 1943 года следующее:

Две недели работал над эскизом мозаичным «Троицы». Взял рублевскую композицию, изменив только сверху формат. Работа в мозаике несет в себе прекрасное декоративное качество. А вся композиция, такая музыкальная, переливчатая, замкнутая в себе, игривая. Смотришь на нее и ласковость в душе разливается. Удастся ли ее в настоящем материале сделать?

9-го мая 1944, т.е. почти через год, мозаичная икона была доставлена в Ригу. Е. Е. записывает 15-го:

Мозаику с таможни в Иоанновскую церковь перевезли и открыли. Не думал я, что судьба принесет эту икону в тот храм, где раньше уже работал. Хорошо сделали, мягко, очень воздушно. Весь тон иконы светлее, чем на эскизе, но соотношения выдержаны, рисунок очень точен. Приятно видеть законченной работу, тянувшуюся около года.

Заканчивая обзор религиозного художественного творчества Е. Е. Климова в его рижские и прибалтийские годы, следует еще отметить его размышления об этом виде искусства. 4 декабря 1943 он задумывается над замечанием В. О. Ключевского:

Читаю у Ключевского, что у русского человека есть «наклонность из формы делать содержание». Сопоставляю это со своими соображениями, что часто русский человек безразличен в вопросах формы, относится к ней пренебрежительно. У западного же человека исключительное внимание к

Эскиз мозаичной иконы для Троицких ворот Псковского кремля. Работа Е. Е. Климова. Первый вариант, 1942. Фотография Псковского музея

Мозаичная икона «Троицы» над входом в Псковский кремль. Мозаика изготовлена по второму варианту эскиза Е. Е. Климова 1944 г., установлена на Троицких воротах в 2003 г.

форме, уважение формы (от бедности ли содержания?).

Но как в русском искусстве? В иконописи, например. Нет ли тоже склонности перевести форму в содержание? Обвинить иконописца в пренебрежении формой невозможно, но, любясь только формой, мы сути иконописи не поймем. Тут дело глубже.

Более подробно художник останавливается на вопросах такого рода в своих заметках об иконной выставке в рижском музее, довольно неожиданно устроенной немецкими оккупационными властями весной 1944 года²⁴.

Иконная выставка в Музее.

Чему учит вся выставка? Как можно следовать иконописной традиции? Просто подражать иконописи не имеет никакого смысла; но как использовать тот опыт, который мы в иконописи находим?

Первое, что мы находим – иконопись не допускает каких-либо дополнений, в ней самой живет дух завершенности и полноты, это мир, живущий своей внутренней жизнью.

Второе то, что составные части не погашаются, но максимально

выявляются. Цвет, линия, силуэт, условный свет, общее пятно – все живет полной жизнью, подчиненное высшему Единству.

Третье. Если есть центральное изображение святого, а по боковым клеймам житие, то в центре будет изображение святого идеальное, его «образ», а в отдельных клеймах, не мешающих центральному, более реальные и жизненные сцены. В «иконе с житием» разворачивается постепенность событий во главе с идеальным образом. Этим надо воспользоваться как примером.

Четвертое. Отсутствие реального пространства, пренебрежение глубиной указывает на «письмо», а не на «живопись». Стремление в глубину уводит от символа. (Запись 30-го апреля 1944 г.).

Это последнее значительное теоретическое высказывание на тему иконописи в дневниковых записях Е. Е. Климova. Теоретиком он исё же не был, и свое отношение к этому виду искусства он лучше всего выразил в своем творчестве, украсив многие иконостасы в эмигрантских православных храмах своими иконами.

Примечания

- 1 Автор статьи – Алексей Евгеньевич Климов (род. 1939 г.), сын художника Е. Е. Климova, заслуженный профессор русской литературы Вассар Колледжа, Покипси, Нью-Йорк (СШК).
- 2 См. воспоминания Е. Е. Климova о рижских профессорах по истории искусства в кн.: Профессор Е. Е. Климов (Канада). *Встречи в Петербурге, Риге, русском зарубежье. Из воспоминаний художника*. Рига: Улей, 1994. С. 27-30.
- 3 Спергал Арвид Иванович, товарищ Е. Е. по Академии, впоследствии театральный художник.
- 4 *Встречи*. С. 38-45.
- 5 Современное название – Государственный музей изящных искусств им. А. С. Пушкина.
- 6 Картина Поля Гогена «Великий Будда» (1899) находится в музее имени А. С. Пушкина в Москве. («Великий Будда» – современное название. На картине изображена культовая статуэтка, характерная для полинезийских островов, но увеличенная Гогеном до размера огромной статуи Будды и имеющая холодно-враждебный вид, чем и вызвало прилагательное «зловещий».)
- 7 Илья Семенович Остроухов (1859-1929) – художник и коллекционер русского искусства.

- Его собрание отличалось особенно ценной коллекцией икон. В 1928 собрание еще хранилось в отдельном здании, а в 1929 было распределено по фондам Русского музея, Третьяковской галереи и других хранилищ.
- 8 Александр Иванович Анисимов (1877-1937) – выдающийся исследователь и реставратор древнерусской живописи. В 1920-ые годы заведовал «отделом памятников религиозного быта». Арестован за издание исследования об иконе Владимирской Б. М. за границей, погиб в лагере. П. И. Юкин (1885-1945) – иконописец и реставратор, сотрудник А. И. Анисимова.
 - 9 «Поездка в Россию», с. 38-39, 43. Следует добавить, что, по словам Е. Е., имя А. И. Анисимова было ему известно еще до московской встречи по иконоведческим статьям Анисимова. (с.39)
 - 10 Н. П. Лихачёв (1862-1936) – академик и коллекционер икон, в период до Первой мировой войны собравший около полторы тысячи икон.
 - 11 Софроньев Пимен Максимович (1898-1973) – иконописец-старообрядец, известный мастер и знаток старинной манеры иконописания. Е. Е. Климов был одним из пяти участников кружка. Другие: В. И. Синайский (профессор Рижского университета), Валентина Александровна Зандер (жена богослова и деятеля РСХД Л. А. Зандера), Юрий Георгиевич Рыковский (художник в театре и близкий друг Е. Е. Климова) и Татьяна Владимировна Косинская (впоследствии профессиональный иконописец и монахиня под именем мать Серафима).
 - 12 Е. М. Тихоницкий (1875-1942) – организатор и руководитель Рижского русского просветительского общества.
 - 13 *Встречи*, с. 14.
 - 14 В. А. Зандер (1893-1989) – вместе с мужем, активная деятельница РСХД и участница экуменического движения.
 - 15 Об А. И. Макаровском (1888-1958) Е. Е. Климов оставил теплые воспоминания, вошедшие в сборник *Встречи*, с. 45-49.
 - 16 Татьяна Владимировна Косинская (1903-1981) – вместе с Е. Е. Климовым в 1929 участвовала в кружке по изучению иконописи под руководством П. М. Софронова, а позже открыла в Риге мастерскую по изготовлению и реставрации икон.
 - 17 Иконы с таким изображением именуются «Ангел пустыни». Они восходят к евангельскому тексту, в котором Иисус указывает, что Иоанн есть тот, о ком Бог сказал, что Он посылает «Ангела своего» приготовить путь для Мессии (Еванг. от Луки 7, 17-29).
 - 18 Лессировка – техника получения переливчатых цветов при помощи нанесения полупрозрачных красок поверх основного цвета.
 - 19 По всей вероятности именно эта мозаичная работа изображена на снимке, опубликованном в статье Т. В. Вересовой, «Рижский Покровский Некрополь: Забвение отступает» // Псковский летописец. № 1 (9), 2014. С. 32.
 - 20 На обороте фотографии 4а Е. Е. Климова сделал надпись: «1,30 м х 1,00 м. – «Деисус» XV в. (?). Расчищал в апреле-мае 1940 г. – Икона из посада Черного. Прочищены пробные места. Снял слой олифы, слой охры и слой зеленой краски. При окончательной расчистке выяснилось, что на хитоне Иоанна Крест. были охристые пробелы на зеленой основе. Возможно, что под охристыми пробелами были золотые, но они всюду стерлись».
 - 21 *Сергеев В. Н.* Мозаичная икона «Троицы» по эскизу Е. Е. Климова // Псковский летописец. №1 (9), 2014. С. 13-27.
 - 22 В. Н. Сергеев великолепно связал датировку зарисовок, сделанных Е. Е. Климовым во время пребывания в городе с дневниковыми записями того же времени. См. *Сергеев В. Н.* Поездка в Псков // Московский журнал. № 6 (294). Июнь 2015. С. 89-97.
 - 23 Прот. Георгий Бенигсен. Письмо в редакцию // Русская жизнь [Сан-Франциско]. Март 1992. Помимо названия ворот, выбор иконы несомненно следует связать с тем огромным впечатлением, которое «Троица» Рублева произвела на Е. Е. Климова в 1928 г. Можно добавить, что за четыре месяца до поездки в Псков Е. Е. получил как бы напоминание об этой иконе – привожу запись от 21-го декабря 1941 г.: «Большую репродукцию (Pieper Druck) «Троицы» Рублева получил сегодня. Передача исключительна. Надо с этим образом свыкнуться, приобщиться, чтобы полностью войти в этот мир.
 - 24 См. прим. 173 к публикации дневниковых записей Е. Е. Климова военных лет в сб. *Sankirtos. Studies in Russian and Eastern European Literature, Society and Culture. In Honor of Tomas Venclova / под редакцией Robert Bird, Lazar Fleishman, and Fedor Poljakov. Frankfurt am Main, etc.: Peter Lang, 2008. С. 483.* Примечания к этой публикации составлены Борисом Равадиным.

Петров Иван (Россия)

Служение православного духовенства на бывших эстонских территориях во второй половине 1940-х годов

История пограничных территорий, до сих пор составляющих предмет спора между Россией и государствами Балтии – Эстонией и Латвией, являет собой по сей день малоизученный и неизвестный аспект истории балтийского и российского Северо-Западного региона. До сих не утихающий спор приобретает особую остроту, когда мы переходим на уровень изучения истории православных приходов данной территории, в особенности в ключе вопроса жизни православных представителей эстонского, латышского народов и других малых финно-угорских и балтийских народов этой местности. В первую очередь, необходимо понять, насколько менялась государственная политика по отношению к этому населению в первые годы после окончания Второй Мировой войны, а также, как к нему относились церковные власти как в Ленинграде, так и в Москве. Немаловажным является и понимание того, насколько менялся состав православного населения указанной территории, будь то бывший Абренский уезд, а после Второй Мировой войны – Пыталовский район, переведенный из Латвии в состав РСФСР, или же

бывший Петсерский уезд в Эстонии, переведенный в состав РСФСР в качестве Печерского района. Особая тема исследования – Псково-Печерский монастырь. В связи с изучением истории последнего необходимо понять, как менялся состав его насельников и имели ли внутри монастыря место разногласия. Свой анализ и начнем с рассмотрения процессов, характерных для Печерского монастыря.

После ареста игумена Павла (Горшкова) настоятелем монастыря стал архимандрит Агафон (Бубиц). Исходя из архивных материалов, новый настоятель был более чем лоялен к гражданской власти и даже участвовал в некоторых советских пропагандистских кампаниях. Так, местный уполномоченный по делам Русской Православной Церкви А. Лузин отмечал, что после выборов в Верховный Совет: «... ездил в город Печеры, в монастырь, по вопросу восстановления разрушенного во время военных действий здания. Настоятель монастыря архимандрит Агафон в хвастливом тоне рассказал, как он активно принимал участие в проведении агитации за выдвинутых кандидатов в Верховный Совет. Примерно

за месяц до выборов ему позвонила секретарь райкома ВКП /б/ тов. Пичугина и настоятельно просила его включиться в предвыборную агитацию»¹. Вскоре настоятель монастыря отправился по церквям района для того, чтобы в проповедях агитировать за выдвинутых в Верховный Совет кандидатов. Данный факт вызвал недовольство местного уполномоченного по делам Русской Православной Церкви Александра Лузина, однако Пичугина выразила несогласие с претензиями последнего. Выяснилось, что Пичугина уже давно сотрудничает с настоятелем монастыря. В местной газете был опубликован материал об открытии при монастыре дома для инвалидов Великой Отечественной войны, а также текст выступления о. Агафона на городском митинге в честь дня Победы.

В 1946 году, после снятия с поста настоятеля о. Агафона (Бубица), в монастыре появились национальные противоречия. Новым временным настоятелем был назначен иеромонах Никон (Майко), эстонец по национальности, вокруг которого собрались те монашествующие, которые жили в Печерах до 1940 г. Скорее всего (это подтверждают документы местного уполномоченного по делам Русской Православной Церкви), целью этой группы было поставить иеромонаха Никона постоянным настоятелем монастыря, отеснив тем самым «пришлых» монахов.² Данная часть братии отправила прошение на имя митрополита Ленинградского Григория (Чукова), в котором попросила оставить иеромонаха Никона в качестве настоятеля монастыря. Однако эта кампания не увенчалась успехом. Новый настоятель – архимандрит Нектарий не получил никакой помощи в обустройстве со стороны «группы» иеромонаха Никона, хотя тот и беспрекословно сдал дела новому настоятелю, зато бывший настоятель Агафон (Бубиц), напротив, во всем ему помогал и хотел предстать в

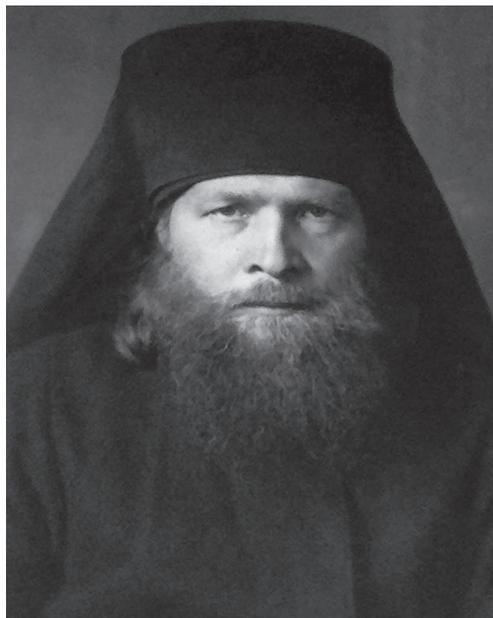
глазах нового настоятеля «в маске пострадавшего от эстонских националистических элементов».³

Интересна биография несостоявшегося настоятеля иеромонаха Никона (Майко). Николай Кузьмич Майко родился 22 ноября 1874 г. в деревне Обинница Печерской волости Псковской губернии, в 1894 г. был принят послушником в Псково-Печерский монастырь, с 1899 по 1904 гг. служил гостиником монастырской гостиницы, с 1904 по 1911 гг. – трапезником. 23 июня 1911 г. Майко был пострижен в монашество под именем Никон и рукоположен в сан иеродиакона, 30 декабря 1918 г. был рукоположен в сан иеромонаха. Продолжил свое служение монах Никон и в период первой Эстонской Республики. 15 января 1926 г. митрополитом Таллинским Александром (Паулусом) он был награжден набедренником. С 1921 г. о. Никон являлся заместителем священника Залесской церкви Печерского района, с 1925 по 1932 гг. был заведующим монастырским хозяйством на хуторе Юшкове. В 1928 г. последовала новая награда от главы Эстонской Апостольской Православной Церкви (далее – ЭАПЦ) – наперстный крест.⁴

На рубеже 1940-1950-х гг. иеромонах Никон был приходским священником в церкви Божией Матери Живоносный источник в Новгородской области. В его личном деле сохранилась характеристика на него настоятеля монастыря епископа Порховского Владимира: «Архимандрит НИКОН в прошлом мне совершенно неизвестен. По отзывам людей, знавших его, он – малообщителен, замкнут и самолюбив. С пренебрежением относится к младшей братии. За два года знакомства с ним могу только сказать, что послушания, даваемые мной ему, выполнялись аккуратно».⁵ Характеристика, таким образом, очень сдержанная, в ней соседствуют упоминания об отрицательных чертах характера иеромонаха

Илларион Кахро

Григорий Китсемяги

Никона (Майко) с констатацией факта его исполнительности и аккуратности.

Небезынтересно в качестве сравнения привести еще несколько биографий и характеристик жившего в послевоенные годы монашества Печерского монастыря неславянской национальности. В качестве примера возьмем биографию монаха Иллариона (Кахро). Этот служитель Православной Церкви родился 2 марта 1885 г. в деревне Зимний Печерской волости Псковской губернии, являлся выходцем из крестьянской среды. Послушником в монастырь он был принят в период независимой Эстонии в 1930 г., с 1934 Кахро – мастер свечной мастерской. 23 апреля 1941 г. он был пострижен в монашество под именем Илларион. Охарактеризован монах Илларион в своем послужном списке следующим образом: «Монах Илларион хорошо выполняет данное ему послушание на свечной мастерской. Принимает участие в общих послушаниях почти всегда охотно. По своему характеру смиренный, скромный, но грубый порою. Жизнь ведет воздерженную. Трезвый, не

развратный. Монастырскую дисциплину не нарушает».⁶

Еще одним примером может служить монах Григорий (Китсемяги). Родился он 27 января 1904 г. в деревне Свишки Вереvского уезда, происходил из крестьян. С 1929 по 1932 гг. и с перерывом в 1936 г. был послушником в монастыре. 14 мая 1938 г. был пострижен в монашество под именем Григорий. На монаха Григория была написана характеристика: «Монах Григорий по своему характеру очень скрытен и нелюдим. Часто оказывал непослушание, входя даже в пререкание с начальствующими. В последнее время, благодаря умелому подходу к нему, совершенно переменялся и не только хорошо выполняет данное ему послушание по пекарне, но охотно принимает участие и в общем послушании. Монастырской дисциплины не нарушает, безусловно трезвый, не распутный. Храм посещает постоянно в свободное время от послушания».⁷

Достаточно сложно судить о том, какая была реальная обстановка внутри монастыря в первый послевоенный период.

Исходя из кратких биографических справок, можно сделать вывод, что большинство «старых» монахов, в особенности эстонцев по национальности, не были довольны возвращением старых дореволюционных порядков и «привитием» новых, уже сугубо «советских».

Гражданские власти достаточно пристально следили за отношениями между монахами. Уполномоченный по делам Русской Православной Церкви по Псковской области А. Лузин так охарактеризовал обстановку внутри Печерского монастыря: «...Между основной группой монашествующих, которые безвыездно проживают в монастыре, и всеми, которые прибыли с момента освобождения области от немецких захватчиков, отношения остаются такими же обостренными. С установлением строгого монастырского режима и перевода монастыря в категорию общежительного первая группа отнеслась отрицательно...».⁸ После окончания войны в обиход входили такие термины, как «красный поп» или «большевистский поп», ранее скорее характерные для общин непоминающих. Тем не менее, с годами количество монахов, которые жили в монастыре в годы независимой Эстонии или же нацистской оккупации, неуклонно уменьшалось, что, с одной стороны, сглаживало национальные противоречия, а с другой – создавало братию монастыря заново, меняя ее этнический состав и традиции.

Похожие процессы происходили и в среде эстонских православных приходов, оказавшихся после окончания войны на территории РСФСР. Практически все приходы испытывали одни и те же проблемы: нехватку духовенства, знавшего оба языка – и эстонский, и русский; пренебрежение со стороны гражданских, а иногда и церковных властей к сложившимся обрядам и традициям, характерным именно для православных эстонцев. Так, служащий в

1940-х годах на эстонских приходах города Печеры священник Кружков сообщал местному Уполномоченному по делам РПЦ Лузину, что ему очень тяжело служить на данных приходах «...из-за фанатичности верующих... Требуют служить, как в монастыре, и не желают допускать каких-нибудь сокращений. Требы, которые они оплачивают хорошо, заставляют исполнять без торопливости...».⁹ Отслужив в Печерах четыре года, данный священник «вынужден» был покинуть приходы.

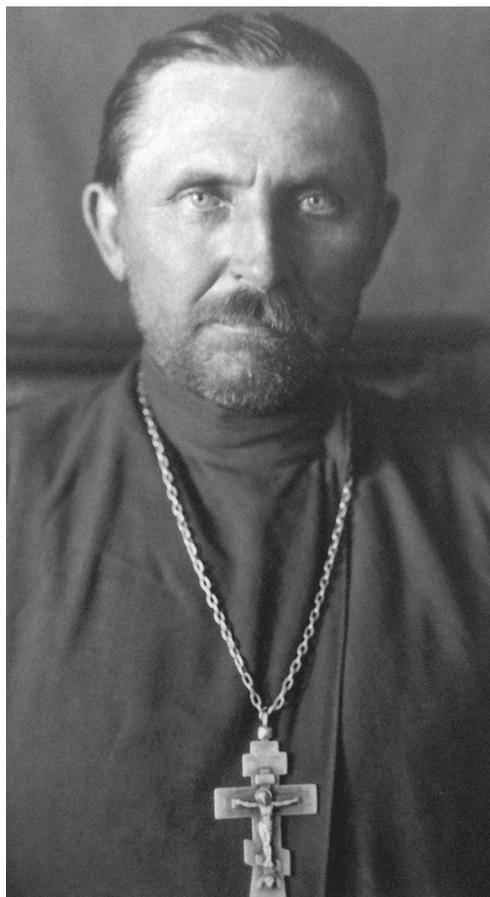
Важно отметить, что далеко не всегда национальность того или иного священника определяла его назначение на эстонский или русский приход. Те же православные эстонцы после ухода из Печер Кружкова стали искать нового настоятеля и обратились к священнику Лиллемяги, который в то время служил на приходе в соборе в Старом Изборске. Интересно отметить, что, как зафиксировано в документах местного Уполномоченного, несмотря на низкие доходы в Старом Изборске и национальную принадлежность, данный пастырь от печерского прихода отказался.¹⁰ В результате, эстонцы Печер были вынуждены искать себе настоятеля на территории Эстонской ССР.

Несколько слов хотелось бы сказать и о самом священнике Иоанне Лиллемяги. Он родился 3 ноября 1900 г. в деревне Луковка Изборской волости Псковской губернии. Будущий пастырь окончил 4-классное земское училище и долгое время не решался принять священнический сан, занимаясь в период независимой Эстонии крестьянским трудом. Лишь в 1940 г. Лиллемяги стал псаломщиком в Паниковской эстонской церкви, где прослужил до 1942 г. 15 января 1942 г. митрополитом Александром (Паулусом) Лиллемяги был посвящен в сан диакона и уже на следующий день в сан священника. Важно отметить, что подобное посвящение проходило в период

нацистской оккупации Эстонии, и, возможно, подчеркивало присутствие митрополита Александра в довольно сложном для сторонников главы ЭАПЦ регионе. Данное предположение подтверждается тем фактом, что в январе 1942 г. о. Иоанн Лиллемяги был назначен запасным священником по Печерскому району, где временно замещал настоятелей церквей в Печерах, в Старом Изборске, кроме того часто служил в Тайлове, Обиницах и Лухамаа. После окончания нацистской оккупации священник остался на своих приходах и в 1945 г. от Ленинградского Владыки Григория (Чукова) получил набедренник (в 1949 г. о. Иоанн Лиллемяги из тех же рук получил скуфью). В 1947 г. священник Лиллемяги митрополитом Григорием был назначен настоятелем Никольского собора города Изборска.

Судя по всему, это назначение было вызвано хорошим отношением к пастырю как со стороны епархиального начальства, так и со стороны мирян разных национальностей. Подтверждает это и характеристика на священника из его послужного списка за 1949 г.: «.: Священник Иоанн Гаврилович Лиллемяги – по происхождению местный эстонец сету, с раннего детства учился пению и чтению в церквях и, служа псаломщиком, 2 года самообразованием готовил себя, по окончании земского училищ, к духовному званию, и, посвященный во священника, оказался добрым и ревностным пастырем: служба в Изборском соборе показала удовлетворительное знание русского и славянского языка; по службе исполнительный и благонравный; в отношении к гражданской власти, к прихожанам и сослуживцам – корректный, вежливый, кроткий; в семейной жизни – хороший семьянин, трудолюбивый (земледелец), очень хорошего поведения».¹¹

Как видно из этой характеристики, о. Иоанн Лиллемяги достиг уже такого уровня пастырства, на котором стираются

Иоанн Лиллемяги

национальные противоречия, причем стираются благодаря самому священнику. Не зная на то, что пастырь был посвящен главой автокефалистов митрополитом Александром (Паулусом), ему удалось не только выжить в новой для себя ситуации, но и сохранить уважение своих прихожан. Следует отметить и факт признания таких пастырей руководством Московского Патриархата, которое, несмотря на давление гражданских властей, предвзятое отношение к духовенству, находившемуся в годы войны на занятой нацистами и их союзниками территории, воздавало по заслугам талантливым пастырям.

Данный пример не был единственным. Служение ранее подчиненных митрополиту

Виктор Херберг

Александру (Паулусу) иереев – эстонцев или сету по национальности продолжалось и после изменения границ Эстонской ССР. Приведем еще один пример – священника Виктора Оттовича Херберга. Этот священнослужитель родился 5 ноября 1909 г. в Печерах, был выходцем из семьи эстонских рабочих. В 1924 г. он окончил в Печерах 6-классное начальное училище, в 1930 г. – гимназию, в 1935 г. – Печерскую Духовную семинарию. 12 ноября 1939 г. был повенчан с дочерью псаломщика Колпинской церкви Печерского района Лидией Дубровиной, через несколько месяцев – в январе 1940 г. архиепископом Печерским Николаем (Лейсманом) рукоположен во священника и приписан к Варваринской церкви Печер. В марте 1940 г. Херберг был назначен временным священником в приход Вярска, а в конце июня того же года он уже штатный

священник этой же церкви. В декабре 1942 г. о. Виктор митрополитом Александром (Паулуsom) был награжден набедренником.

После отъезда главы Эстонской Митрополии в эмиграцию священническая карьера о. Виктора не окончилась. В октябре 1947 г. указом епископа Исидора (Богоявленского) он был назначен настоятелем прихода Анжела Вырусского благочиния. С мая 1948 г. указом епископа Исидора он служил настоятелем Лаузенского прихода, с 8 декабря 1950 г. резолюцией митрополита Григория (Чукова) – настоятелем Преображенской церкви в селе Колпино Печерского района Псковской области. 25 января 1952 г. о. Виктор Херберг был назначен настоятелем Ильинской церкви в селе Кулье Печерского района Псковской области.¹²

Несмотря на то, что в послужном списке о. Виктора не удалось найти его послевоенной характеристики, можно в очередной раз констатировать, что бывшие сторонники автокефалии не чувствовали на себе давления Московской Патриархии в лице Ленинградского епархиального руководства. То же самое можно сказать и применительно к их национальности. Чаще всего в Епархиальном управлении не обращали внимания на то, кем был по национальности иерей, наоборот, на эстонские приходы старались подбирать таких священников, которые могли бы служить на двух языках – церковно-славянском и эстонском, удовлетворяя тем самым интересы всех своих прихожан (как эстонцев и сету, так и русских).

Анализируя послужные списки и биографии духовенства отторгнутых от Латвии и Эстонии после войны территорий, невольно приходишь к выводу о равных правах рядового духовенства, принадлежавших в годы нацистской оккупации к разным юрисдикциям. Эта, кажется, достаточно рациональная политика, возможно, сняла межнациональные противоречия в православных приходах региона.

Тем не менее сами эстонские православные христиане были недовольны ущемлением своих прав. Так, не встречали сочувствия и понимания у местного священноначалия, и уж тем более у советских властей, некоторые укоренившиеся в народном сознании праздники православных эстонцев, часто ассоциируемые с идолопоклонством. Вот как описывался в советских официальных документах один из таких праздников: «Так, например, почитаем у них является «Никола». В Никольской церкви Псково-Печерского Успенского монастыря находится деревянная скульптура «Никола». В праздник «Николин день» верующие эстонцы приносят в виде жертвы молочные продукты и обставляют статую горшками со сметаной, творогом и маслом, берут на палец сметану и мажут губы статуи сметаной с приговоркой «На, Никола, попробуй моей сметаны».¹³ Для сохранения данной скульптуры монастырским властям пришлось закрыть ее стеклянным колпаком. В праздник Успения Божьей Матери в Никольской церкви монастыря неизменно проходили специальные богослужения на эстонском языке.

Также достаточно показательным фактом является изучение эстонского языка новым наместником Печерского монастыря архимандритом Пименом (Извекowym), будущим Патриархом Московским и всея Руси, никак не связанным прежде с Эстонией и приграничными российскими территориями (о предвоенной и военной биографии Патриарха Пимена между историками до сих пор идут жаркие споры). Впоследствии новый настоятель даже совершал богослужения на эстонском языке, что видно, к примеру, из отчета Уполномоченного за 1952 г.: «...Для обслуживания православных эстонцев наместник монастыря Пимен проводил богослужение на эстонском языке; как мне стало известно, он усиленно изучает его».¹⁴

Достаточно лояльным было отношение и к «пыталовскому» православному духовенству, которое в свое время служило при главе Латвийской Православной Церкви (далее – ЛПЦ) митрополите Августине (Петерсоне). Приведем в качестве примера служение протоиерея Дмитрия Захарова. Родился будущий пастырь 19 октября 1894 г. в Пскове, однако затем оказался на территории независимой Латвии, где в 1924 г. закончил гимназию, а в 1930 г. Рижскую Духовную семинарию. 31 мая 1931 г. архиепископом Рижским Иоанном (Поммером) Д. Захаров был рукоположен в сан священника. В 1931 г. о. Дмитрий был назначен в рижский кафедральный Христорождественский собор. 2 декабря 1931 г. он был переведен в Коровскую Свято-Ефросиниевскую церковь. 20 декабря 1940 г. о. Дмитрий Захаров был награжден Владыкой Августином (Петерсоном) скуфьей.

Судя по всему, у Захарова были достаточно натянутые отношения с митрополитом Августином. 25 сентября 1941 г. указом митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского) о. Дмитрий был перемещен в сельский Гришино-Горский приход, «как русофил». И в послевоенный период продолжают награждения о. Дмитрия: в 1946 г. к Пасхе он награждается камилавкой, в 1950 г. – набедренником, наконец, к Пасхе 1953 г. был награжден лично Патриархом Алексием I (Симанским). В 1950 г. о. Дмитрий служил в Борисо-Глебской церкви в Вышгороде (Аугшпилс). В послужном списке священника Захарова отмечалось, что он к своим обязанностям «...относится вполне честно и добросовестно».¹⁵ Скорее всего в этой оценке свою роль играла как прорусская позиция священника в прежние времена, так и честное служение в послевоенный период. Примеров служения в данном районе, в котором доминировали русские приходы, ярко настроенных «пролатышски» священников найти не удалось.

Однако не все было так радостно, как казалось на первый взгляд. Если в послевоенные годы православный пастырь из Эстонской ССР мог совершать богослужения и исполнять требы на территории отошедших к РСФСР районов, то позднее эстонским верующим приходилось искать себе священника в России, что часто создавало большие проблемы.

Местное население далеко не всегда дружелюбно принимало священнослужителей, которых присылали в «новые российские» районы. В Государственном архиве Псковской области хранится любопытное свидетельство Уполномоченного по делам РПЦ по Псковской области А. Лузина по поводу отношения местного населения к новоприбывшим священникам: «Вообще приезд служителей культа, прибывающих в Печерский, Пыталовский и Качановский районы, отошедшие от Эстонии и Латвии, встречается недружелюбно, называя их «большевистскими попами». Также неохотно и покидают приходы этих районов при переводе. Надеются, что Прибалтийские республики опять будут самостоятельными, в особенности этот слух устно распространялся в период Сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, на которую возлагали большие надежды националистические элементы Прибалтики».¹⁶ Конечно, данную характеристику нельзя принимать за непреложную истину, однако из нее явственно следует, что далеко не все православные жители были довольны новым государственным строем и уж тем более новой границей.

Сложное положение в Пыталовском и Качановском районах в послевоенный период отмечал и архиепископ Григорий (Чуков). Он замечал, что многие пастыри пренебрежительно относятся к новым епархиальным властям, а новые перемещения, принятые им в период с 21 по 28 августа 1945 г., вообще не иначе как в штыки

не воспринимались. В послевоенное время они были готовы подчиняться Рижскому Епархиальному управлению. В связи с этим у советских властей возникало восприятие подобных пастырей как активных противников изменений территориального деления республик: «Все они назначены Рижским епархиальным управлением в лице Македонского уже тогда, когда указанные районы числились в Псковской области. Надеются на возрождение самостоятельной буржуазной Латвийской республики и, по их выражению, тогда они отойдут от «Советско-Сталинского духовенства»».¹⁷ Такое представление, если и могло существовать, то только в первые месяцы после окончания войны, затем надежды на восстановление независимости Латвии и Эстонии стали таять.

Сложная обстановка была в селе Малах Печерского района. К 1950 г. в нем было только одно церковное здание (православная церковь с приделом), однако приходов было два – эстонский и русский, которые существовали обособленно друг от друга и даже враждовали друг с другом. До 1917 г. приход в Малах был один. В межвоенный период эстонские приходы находились на привилегированном положении, получали от государства денежную дотацию. Поэтому некогда единый приход разделился на эстонский и русский приходы. Эстонцы стали совершать службы в приделе местного храма. У русского прихода остался основной храм – постройка XIV века, полутемный, сырой, без отопления и с земляным полом. В 1940 г., с началом советизации стран Балтии, эстонцы, по крайней мере так отмечено в документах уполномоченного по делам РПЦ по Псковской области, по своей инициативе изъявили желание поместиться.¹⁸ До начала нацистской оккупации русские прихожане молились в приделе храма. С приходом немцев эстонский приход снова занял придел. После освобождения

района от нацистов русские православные потребовали освободить придел. Кроме того, в период независимости Эстонии эстонский приход построил хороший дом, в котором жил их священник, в то время как настоятель русского прихода жил на частной квартире. После войны этот дом был разделен между эстонским и русским священниками. Настоятелем эстонского прихода являлся священник Кульдяме, 1912 г. рождения, обучавшийся на Печерских Богословских курсах и посвященный в сан в военный 1942 г. Настоятель русского прихода Белавин был старше по возрасту, за плечами у него была учеба в Псковской Духовной семинарии. Сан он получил в межвоенное время, в 1935 г. Помимо родного русского он хорошо владел и эстонским языком.

В связи со сложившимся в данном приходе положением Уполномоченный А. Лузин считал дальнейшее существование двух приходов, враждующих между собой, нецелесообразным и даже вредным, поэтому на встрече с митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым) поставил вопрос о воссоединении этих приходов. Подобное «торжество» было вполне в «духе времени» политики светских и церковных властей РСФСР рубежа 1940-1950-х гг.

«Территориальные» проблемы возникли как у отдельных приходов, так и у Печерского монастыря. Широкою известность получила сравнительно долго тянувшаяся тяжба по поводу покоса «Куничья гора». После того, как в 1946 г. была проведена граница между союзными республиками, монастырский покос остался в составе Эстонской ССР, а Печерский монастырь отошел к РСФСР. 22 июня 1950 г. колхозники колхозов «Юуни Выйт» и «Ииыри» Вырусского уезда приступили к покосу на монастырской территории. В тот же день комиссия Псково-Печерского монастыря в

составе наместника архимандрита Пимена (Извекова) и благочинного игумена Сергия выехали в сельсовет Верска для выяснений обстоятельств данного дела. Председатель сельсовета Степан Сааремаа заявил визитерам, что данная покосная территория была передана двум колхозам, а также по причине ее нахождения на территории Эстонской ССР она теперь не принадлежит монастырю, к тому же это решение было подтверждено Вырусским исполкомом и санкционировано устным распоряжением заместителя министра сельского хозяйства ЭССР. Решение было сообщено по телефону Отделу сельского хозяйства Печерского райисполкома, который, в свою очередь, по сути решил спустить данное дело на самотек.

В результате этих действий советских органов власти Псково-Печерский монастырь лишился участка в 15 га, с которого каждый год получал для своего хозяйства около 22 тонн сена.¹⁹ Даже Уполномоченный был вынужден признать, что монастырь специально не был вовремя оповещен о передаче покоса колхозам для того, чтобы он не смог возбудить соответствующие ходатайства об его возвращении (правда, местным властям было предложено вернуть покос монастырю).

Зеркальным было и отношение к православным пастырям, даже эстонцам по национальности, перемещенным с территории РСФСР в Эстонию. В этом отношении показателен случай, произошедший с о. Романом Когером. Его, как знающего эстонский язык, назначили служить в приход, где большинство было этническими эстонцами. В ответ на это он попросил церковное начальство: «Умоляю Вас, Владыко, назначить меня на русский Екатерининский приход, а не на эстонский Преображенский собор. Я не в силах буду бороться с эстонцами, где служил на свой лад Юмарик. Я – русского духа и из Пскова, меня эстонцы не

полюбят. Надеюсь на Ваше обещание. Прошу выслать указ телеграммой, чтобы мог бы выехать на место».²⁰ Более того, Когер был даже согласен покинуть территорию Эстонской ССР.

Постепенно вышеназванные национальные разногласия сглаживались. Важно отметить, что этнический состав населения в приграничных районах менялся благодаря росту численности славянского населения. В самих же Эстонии и Латвии количество православных эстонцев и латышей не увеличивалось, поэтому часто в РСФСР было некому замещать должности настоятелей смешанных приходов. В последующие

периоды каких-либо откровенных национальных разногласий в православных приходах пограничной территории не было. Печерский монастырь уже не рассматривался в качестве центра эстонского Православия, а скорее стал восприниматься в качестве общемирового религиозного и культурного центра Русской Православной Церкви. Сложно спрогнозировать дальнейшее развитие Православия в данном регионе: религиозное возрождение очень часто выливалось в очередные юрисдикционные споры или же в рост атеизма, однако конфликтов, подобных первой половине XX столетия, видимо, уже не будет.

Примечания

ГАПО – Государственный архив Псковской области.

ERAf – Estonian State Archive

- 1 ГАПО. Ф. Р-1776. Оп.1 Д.7. Л.10-оборот.
- 2 Там же. Л.5-оборот-6.
- 3 Там же. Л.6.
- 4 Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф1.Оп13в. Д.220 (26). Л.3-4.
- 5 Там же. Л.5.
- 6 Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф1.Оп13в. Д.207 (13). Л.3.
- 7 Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф1.Оп13в. Д. 201 (7). Л.5.
- 8 ГАПО. Ф. Р-1776. Оп.1. Д.30. Л.27.
- 9 ГАПО. Ф. Р-1776. Оп.1. Д.45. Л.43.
- 10 Там же.
- 11 Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф1.Оп13в. Д.145 (39). Л.4.
- 12 Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф1.Оп13в. Д.182 (76). Л.1-4.
- 13 ГАПО. Ф. Р-1776. Оп.1. Д.45. Л.43.
- 14 ГАПО. Ф. Р-1776. Оп.1. Д.41. Л.37.
- 15 Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф1.Оп13в. Д.136 (30). Л.4.
- 16 ГАПО. Ф. Р-1776. Оп.1. Д.18. Л.5-оборот.
- 17 ГАПО. Ф. Р-1776. Оп.1. Д.2. Л.7.
- 18 ГАПО. Ф. Р-1776. Оп.1. Д.35. Л.22.
- 19 ERAf. F-1961.2.17.65.
- 20 Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф.1. Оп.13. Д.1. Л. 269.

Сергей Мянник (Эстония)

Архиепископ Роман (Танг)

Преосвященный архиепископ Роман (в миру Роман Танг) родился 21 сентября 1893 года на острове Ээзелъ (ныне Сааремаа) в Аренсбурге¹ в семье безземельных эстонских крестьян. Согласно свидетельству², выданному Рижской Духовной консисторией, младенец был крещен в Никольской церкви Аренсбурга 10 октября протоиереем Александром³ Кудрявцевым. Его отец, Иоганн Юрьевич, был убежденным лютеранином, а мать, Мелания Георгиевна, православная. «Оба они были люди простые, честные, трудолюбивые и исключительно набожные. Между родителями нередко происходили оживленные споры на религиозные темы. Эти споры всегда кончались победой матери, весьма начитанной и недурно разбиравшейся в Священном Писании»⁴, – писал о родителях Владыка Роман в своей автобиографии. Под влиянием разговоров старших дети рано стали разбираться в религиозных вопросах, и их симпатии, в основном, были на стороне матери, т. е. православия. Мелания Георгиевна старалась не пропускать богослужений, она часто брала детей с собой, независимо от того, на каком языке – эстонском или церковно-славянском, совершалась служба в храме. Желание матери будущего святителя

было определить сына в Духовное училище, а потом в семинарию, но отец был категорически против. Он и слышать не хотел, чтобы его сын стал когда-нибудь «русским попом».

В 1903 году Иоганн Танг скончался, и семья осталась практически без средств к существованию. Вся забота по воспитанию четверых детей легла на плечи матери, причем самому младшему ребенку было всего два года. Средства на жизнь пришлось добывать рукоделием, в котором Мелания Георгиевна была большая мастерица. С малолетства приучались к труду и дети, выполняя работы по дому.

Из-за отсутствия в семье материальных средств Роман окончил только городское начальное училище в Аренсбурге и поступил на службу в городскую канцелярию. Желание продолжить образование у молодого человека было велико, и он в 1910 году уехал в Москву, где устроился работать в канцелярию мирового судьи Басманного участка, а впоследствии в канцелярию Съезда Мировых судей. Одновременно он продолжил обучение на Общеобразовательных курсах, которые успешно закончил в 1913 году, получив аттестат зрелости. Зарабатывая 40 рублей в месяц, Роман, помогая оставшимся

Епископ Таллиннский и
Эстонский Роман. 1952

в Эстонии родным, ежемесячно высылаа матери 10 рублей.

Молодой человек мечтал продолжить образование и поступить в Духовную академию, но его призвали в армию и направили в 266 запасной батальон учебной команды, располагавшийся в городе Гжатске, Смоленской губернии.

С началом Первой мировой войны Роман Танг был направлен в Псковскую школу прапорщиков⁵, по окончании которой определен в действующую армию. Он принимал участие в боях против австрийцев в составе 108 Саратовского полка 3-го армейского корпуса. В начале 1917 года Р. Танг из-за болезни глаз⁶ был направлен в запасной батальон, который в то время находился в Симбирске. После демобилизации он возвратился в Москву, где продолжил работать секретарем мирового судьи Басманного участка, который вскоре был реорганизован в Народный суд.

Война, революция и последовавшие затем перемены вынудили Романа задуматься о дальнейшем жизненном пути. Пользуясь

предоставленной возможностью, он решил вернуться в Эстонию. С образованием в 1918 году независимой Эстонской Республики эстонцам, проживавшим на территории России, было дано право на оптацию, т. е. право получения эстонского гражданства и возвращения на родину. Так, по Тартускому мирному договору 1920 года между Советской Россией и Эстонией в ходе оптации 1920 – 1924 годов на историческую родину вернулось более 37 тысяч российских эстонцев. Этой возможностью воспользовался и Роман Танг, который в 1920 году вернулся в Аренсбург и поступил работать счетоводом-бухгалтером в Кооперативный банк. В 1927 году он пересел в Йыхви, где работал секретарем Уездного суда. Будучи глубоко верующим человеком, Роман часто бывал в храме, где пел в хоре, одновременно под руководством протоиерея Александра Мянника,⁷ своего первого наставника в уроках Закона Божия, изучал церковные дисциплины, знания которых были необходимы для пастырского служения.

6 марта 1931 года была собрана специальная экзаменационная комиссия во главе с митрополитом Таллинским и всея Эстонии Александром (Паулусом).⁸ Согласно составленному протоколу Роман Танг экстерном сдал экзамены по Священному Писанию, церковной истории, литургике, церковному пению и другим богословским дисциплинам, получив положительные оценки.⁹

7 марта 1931 года в Таллинском Никольском храме на улице Вене Роман Танг был рукоположен во диакона и 8 марта митрополитом Александром в Введенском храме подворья Пюхтицкого монастыря во пресвитера. Священник Роман Танг был назначен в Богоявленский храм города Йыхви. В 1933 году он был переведен в Пюхтицкий Успенский женский монастырь, где на практике в совершенстве изучил Церковный устав, познав всю красоту православного

богослужения. Одновременно отец Роман занимал должность регистратора Актов гражданского состояния в Пюхтицком приходе.

В 1940 году священник Роман Танг был вновь назначен в Йыхви в помощь больному настоятелю и благочинному округа протоиерею Александру Мяннику. Совместное служение в храме со своим наставником, труды по управлению благочинием позволили всесторонне ознакомиться с церковной жизнью и задачами пастырского служения. Немногочисленный Йыхвиский приход не мог содержать двух священников, и о. Роман работал также канцелярским служащим Йыхвиской городской управы.

Летом 1941 года с началом немецкой оккупации митрополит Александр неоднократно приглашал отца Романа переехать в Таллинн, чтобы занять должность секретаря митрополита и священника Нымменского прихода,¹⁰ но переезд в столицу, по различным причинам, так и не состоялся. Для общения с оккупационными властями требовалось знание немецкого языка, которым прекрасно владел о. Роман. Интересно отметить, что этот факт никогда не упоминался в биографии Владыки. Тем не менее Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Ленинграду и Ленинградской области А. И. Кушнарев докладывал Г. Г. Карпову¹¹ после приема в Ленинграде датской церковной делегации, что «.. во время самой встречи в аэропорту, а также во время ужина в гостинице епископ Роман (Танг) разговаривал с членами датской церковной делегации исключительно на немецком языке, который считал своим родным языком»¹².

Протоиерей Александр Мянник скончался в 1949 году, и протоиерей Роман Танг Указом епископа Таллиннского и Эстонского Исидора (Богоявленского)¹³ был назначен настоятелем Богоявленского храма в

Йыхви и благочинным Йыхвиского и Вырусского округов¹⁴.

После скоропостижной кончины Владыки Исидора в 1949 году возник вопрос о достойном кандидате на Таллиннскую кафедру, знающем эстонский язык, на котором совершались богослужения в части приходов.

В марте 1950 года митрополит Ленинградский Григорий (Чуков)¹⁵, управляющий Таллиннской епархией, направил в Эстонию Специальную комиссию для ознакомления на месте с условиями приходской жизни и состоянием православия в епархии. «В Эстонской епархии числится 132 прихода, их обслуживают всего 96 священников, имея по 2,3 и иногда по 4 прихода на пастырском попечении»¹⁶, – отмечал митрополит Григорий в своем рапорте Патриарху Алексию (Симанскому).¹⁷ Далее Владыка Григорий писал: «Из обследования выяснилась крайняя необходимость иметь на месте епископа, знающего эстонский язык, который мог бы руководить епархией не путем «бумажного» производства, но личным посещением приходов и живым и непосредственным общением с паствой»¹⁸.

Выбор священноначалия пал на протоиерея Романа Танга, пастыря, имеющего пылкий ум, острую память, постоянно и настойчиво совершенствовавшего свои богословские познания. «Вызванный в комиссию о. Роман Танг дал со смирением свое согласие. Я дал, сказал он, обет стать монахом, а монах отрицает свою волю и вручает ее Церкви. Я предупреждаю – богословского образования у меня нет, священником я 19 лет ... Но на все воля Божия ... Если Церковь не найдет лучшего, я постараюсь служить, как научит Господь...»,¹⁹ – отмечено в рапорте митрополита Григория.

Определением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского) и Священного Синода от 17 марта 1950 года протоиерей Роман Танг был назначен епископом Таллиннским, викарием

Ленинградской митрополии, с местопребыванием в Таллинне «для ближайшего и непосредственного руководства церковной жизнью православных приходов Эстонской епархии под управлением Ленинградского митрополита».²⁰ Монашеский постриг протоиерея Романа был совершен 7 апреля 1950 года в Псково-Печерском монастыре наместником игуменом Пименом²¹ с оставлением прежнего имени Роман.

14 апреля 1950 года иеромонах Роман был возведен в сан архимандрита и 16 апреля в Николо-Богоявленском кафедральном соборе Ленинграда состоялась его хиротония во епископа Таллиннского, викария Ленинградской епархии. Хиротонию совершили Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский), митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) и епископ Лужский Симеон (Бычков)²².

«Да не смущают тебя, возлюбленный брат, предстоящие трудности твоего нового служения; да утешает тебя вера в сильную небесную помощь ради воспринятых тобою ныне благодатных даров в таинстве; и эта же вера да побуждает тебя бережно хранить неповрежденным сокровище дарований, тебе врученное, никогда не забывая «возгевати дар Божий, живущий в тебе» (2 Тим. 1, 6)», – сказал в своем слове, вручая архиерейский жезл епископу Роману, Святейший Патриарх Алексий²³.

Трудностей в управлении Эстонской епархией возникало много. Уже в первом своем докладе митрополиту Григорию епископ Роман писал: «Все церковные здания без исключения нуждаются в ремонте: одни в капитальном, другие же требуют лишь текущего ремонта. Своих средств приходы или совсем не имеют, или же имеют в недостаточном количестве».²⁴ Владыка Роман постоянно уделял особое внимание реставрации и восстановлению храмов. Успешное выполнение этой задачи стало возможным

благодаря материальной поддержке Московской Патриархии. В 1950 году на эти цели было выделено 70 600 рублей. Часть средств были выделены в качестве единовременных пособий неимуществу духовенству, а также вдовам и сиротам. Выделялись также средства самым бедным приходам на уплату налогов.²⁵

В январе 1951 года по представлению епископа Романа решением митрополита Григория был упразднен Эстонский Епархиальный Совет и образовано Епархиальное управление. Протоиерей Георгий Алексеев²⁶ был назначен секретарем Епархиального управления, священник Николай Кокла²⁷ – заместителем секретаря, референтом по эстонским приходам. Это решение вызвало неоднозначную реакцию как духовенства, понимавшего значение Епархиального Совета для жизни Церкви, так и Уполномоченного по делам религии. Причем последний считал «поднятый епископом Таллинским перед митрополитом Ленинградским вопрос о роспуске Епархиального Совета правильным. Это мероприятие не будет содействовать укреплению деятельности церкви»²⁸

26 марта 1951 года Священный Синод, принимая во внимание поданное прошение православных эстонцев о том, что им «... непонятно и печально, что нам на епархию назначен викарный, а не полноправный архиерей. Был же Владыка Павел назначен Архиепископом Эстонской епархии, покойный Владыка Исидор также, Латвийской епархией управляет митрополит, а почему нам теперь назначен только викарный епископ?»,²⁹ восстановил Таллинскую и Эстонскую кафедру, как самостоятельную, и утвердил Владыку Романа в качестве правящего архиерея. Также было принято решение о выделении 75 тысяч рублей на ремонтно-восстановительные работы в храмах.

Епископ Роман планировал открыть в Таллинне Духовную семинарию. Это

Епископ Роман с духовенством. Нарвский Воскресенский собор. 1955

предложение было поддержано Святейшим Патриархом Алексием, однако реакция на это Председателя комитета по делам Русской Православной Церкви на это ходатайство была: «Воздержаться». В 1954 году по представлению Владыки Романа Патриарх Алексей обратился к органам советской власти с просьбой разрешить эстонцам-мирянам учиться в Эстонской секции заочного отделения Ленинградской Духовной семинарии. До этого учиться на заочном отделении могли лишь священно- и церковно-служители. Патриарх обосновал свою просьбу тем, что в Эстонии усиливается давление протестантов и там особенно необходимо просвещенное православное духовенство, но и эта инициатива не была поддержана.³⁰

Несмотря на то, что Владыка Роман стал правящим архиереем в Эстонии, он все больше времени проводил в Ленинграде, помогая митрополиту Григорию в управлении большой Ленинградской епархией. По словам епископа Романа, «... с июля 1952

года меня перевели в Ленинград викарием с оставлением по – прежнему и епископом Таллиннским и Эстонским. Там я чувствовал себя гораздо лучше, чем на родине. Между мною и паствой была какая-то холодность и отчужденность. Я жил там точно чужой. В Ленинграде же, несмотря на то, что я им по крови и языку был чужой, ко мне стали сразу относиться, как к родному».³¹

Владыка замещал митрополита Григория по управлению Ленинградской епархией во время его поездок за границу и отпусков. Резолюцией митрополита Григория епископу Роману было поручено «...духовно-административное наблюдение за внеленинградскими благочиниями Ленинградской области и Карело-Финской республики».³²

После кончины епископа Симеона (Бычкова) Владыка Роман возглавил Строительный комитет,³³ под руководством которого выполнялись все необходимые ремонтные работы в здании Ленинградской Духовной Академии и семинарии. Именно

Епископ Роман с духовенством и прихожанами. Преображенский собор. Таллинн. 1953

Преосвященный Владыка на заседании комитета 1 августа 1952 года утвердил смету работ по установке в храме Академии старинного иконостаса из Никольского храма села Пельгора.

Епископ Роман совершал частые поездки по Ленинградской епархии, освящая храмы после ремонтов и проводя богослужения. 23 ноября 1952 года он освятил храм святых апостолов Петра и Павла в Вырице, 14 декабря того же года – Никольский храм села Плесси Псковской области. В 1954 году были освящены храмы Рождества Иоанна Предтечи в Порхове и Никольский придел храма в селе Гористо Псковской епархии.

20 декабря 1955 года епископ Роман был освобожден от управления Эстонской епархией и назначен в помощь митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Елевферию (Воронцову) викарием Ленинградской митрополии с титулом «епископ Лужский»³⁴.

Во время управления Владыкой Романом Эстонской епархией началась постепенная ликвидация приходов. Необходимо отметить, что это происходило как под давлением советской власти, так и по объективным причинам: в результате репрессий, коллективизации, индустриализации уменьшилось количество прихожан, особенно в сельских приходах, между тем священники старались перейти в более крупные приходы, поэтому во многих сельских приходах не было

постоянных настоятелей. В 1951 году было закрыто пять приходов: Вознесения Господня в Ангерья, Святой Троицы в Арукюла, Богоявления Господня в Ристи, Воскресения Христова в Вормси, апостолов Петра и Павла в Вяндра. В 1952 году было закрыто уже семь храмов. В какой-то мере этим процессом было встревожено руководство Совета по делам РПЦ. Заместитель председателя Совета по религиозным культурам С. К. Бельшев в своем письме Уполномоченному по Эстонии Тарасову писал: «Совет предлагает Вам представить информацию – где удовлетворяют свои религиозные потребности верующие православной церкви закрытых приходов и нет ли случаев перехода их в другие вероисповедания».³⁵ Вероятнее всего, причина беспокойства объяснялась тем, что Русскую Православную Церковь было гораздо легче контролировать, чем различные мелкие христианские деноминации.

В то же время в справке «О некоторых признаках усиления в отдельных местах Эстонской ССР религиозной активности...», подготовленной Уполномоченным Совета по делам РПЦ по Эстонии П. Г. Капитоновым, отмечается активность православных верующих «в гор. Йыхви – православный приход, под влиянием деятельности молодого священника Ридигера,³⁶ несомненно, активизируется»³⁷. В отчете Уполномоченного подчеркивается, что «... в целом по городам республики за истекший 1951 г. отмечается рост доходности церквей, в сельских же местностях, наоборот, некоторое снижение доходности».³⁸ Несмотря на трудности во взаимоотношениях с властями в начале 50-х годов были построены новые храмы: во имя святителя Николая в Агусалу,³⁹ Рождества Иоанна Крестителя в Меекси,⁴⁰ Преображения Господня в Обинице.⁴¹

Указом Святейшего Патриарха Алексия и постановлением Священного Синода №8 от 23 июля 1956 года епископ Роман был назначен на Ивановскую кафедру⁴². После

прибытия Владыки Романа в Ивановскую епархию им было предпринято несколько поездок по приходским храмам, где архипастырь совершал богослужения, проходившие при большом скоплении народа. Он уволил или перевел на другие приходы скомпроментировавшее себя духовенство и попытался укрепить финансовую дисциплину. За четыре месяца управления епископом Романом Ивановской епархией в казну Патриархии была внесена такая же сумма, какую его предшественник епископ Венедикт (Поляков) внес за восемь месяцев 1956 года. По инициативе Владыки Романа с января 1957 года начали издавать и рассылать по приходам «Известия Ивановской и Кинешемской епархий». «Известия» информировали духовенство и верующих о жизни епархии, а также публиковали распоряжения архиерея и Епархиального управления.

В соответствии с указаниями ЦК КПСС и лично Н. С. Хрущева 16 октября 1958 года Совет Министров СССР принял постановление «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». Вводился налог со строений и земельная рента, отмененная с 1945 года, резко повышалась ставка налога с земельных участков. Важную роль сыграло то, что постановление, сообщенное Церкви 28 октября, вступило в силу уже с 1 октября, что повлекло за собой взыскание дополнительной платы за уже проданные свечи. Епархии и приходы оказались в катастрофическом положении, и в Патриархию стали направляться отчаянные просьбы о помощи (например, только по Московской мастерской увеличение налога на свечи составило 1033 %).

В 1958 году епископ Ивановский и Кинешемский Роман сообщил в Патриархию о трагическом состоянии руководимой им епархии и попросил предоставить денежную ссуду. Так, Ивановской епархии нужно

было заплатить налог за 4 квартал 1958 года в размере 3088 тыс. рублей, а в епархиальной кассе было лишь 100 тысяч.⁴³ Свечная мастерская Ивановской епархии реализовывала свою продукцию не только в приходах Ивановской, но и в храмах Горьковской, Арзамасской, Свердловской, Челябинской, Запорожской, Тюменской, Омской, Марийской и Ставропольской епархий⁴⁴. Органы советской власти добились того, что «по предложению органов противопожарного надзора» в июле 1959 года свечная мастерская в Ивановской епархии была закрыта.

Указом Святейшего Патриарха и Священного Синода за № 16-9 от 8 декабря 1958 года Владыка Роман был назначен епископом Курским и Белгородским, однако уже 21 апреля 1959 году он был возведен в сан архиепископа и переведен на Литовскую кафедру.

Следует отметить, что в Вильнюс Владыка прибыл уже серьёзно больным человеком, а после перенесённой тяжёлой операции стал заметно слабеть. Епархиальным делам он уделял мало внимания, полагаясь на помощь окружающих лиц. В 1960-х годах существенно изменилось положение Церкви в СССР. Хотя в Прибалтике наступление на Церковь не было столь масштабным, как в других регионах Советского Союза, тем не менее местные Уполномоченные по делам религий и другие органы советской власти старались не отставать от центра и делать все, чтобы осложнить жизнь Церкви. Летом 1962 года с подачи местных властей последовало распоряжение о запрете получения Литовской епархией материальной помощи из Патриархии. В 1960-1965 годах в епархии были закрыты более 10 храмов, снят с регистрации женский Марие-Магдалинский монастырь, остаток денег на его банковском счету (более 20 тысяч рублей) были перечислены в госбюджет. Часть насельниц монастыря были переселены в отдельный

Торнимяэ. 1953

корпус Свято-Духова мужского монастыря в Вильнюсе, а часть нашли пристанище в Пюхтицком Успенском женском монастыре. Архиепископ Роман, не имея возможности и права оказывать материальную помощь, старался поддержать духовенство хотя бы морально. Он был щедр на награды духовенству. «У духовенства, – говорил Владыка, – много невзгод, испытаний и скорбей; пусть хотя бы награды – внимание начальства – подымут их настроение».

Владыка Роман особенно благоговейно чтит святителя Николая Чудотворца и всегда старался подражать его житию и добродетелям: кротости, незлобию, смирению, нестяжательности и милосердию. Высокие душевные качества архиепископа Романа привлекали к нему сердца людей, так что повсеместно, во всех епархиях, которые ему пришлось возглавлять, он приобретал любовь и уважение. Господь посылал на долю

Владыки немало испытаний в виде тяжелых недугов, которые часто ставили его жизнь под угрозу. Владыка был темпераментным человеком. Он мог перестать принимать лекарства, выписанные врачом, а через три-четыре дня выбрасывал все лекарства в форточку окна со словами «они мне не помогают...». В период одного из тяжелых заболеваний в Ленинграде, вернувшись от врача с неутешительным прогнозом, Владыка начал готовиться к смерти и раздал окружающим на молитвенную память почти все свои вещи. Болезнь отступила, епископ Роман выздоровел, но имущество осталось у друзей на «молитвенную память». Несмотря на все трудности, Владыка Роман оставался достойным примером для подражания: терпеливым к людям, спокойным человеком, всецело отдававшимся воле Божией.

Архиепископ Роман скончался 18 июля 1963 года в Вильнюсе после второго инсульта. Божественная литургия и чин монашеского отпевания, согласно воле почившего архипастыря, были совершены архиепископом Горьковским и Арзамаским Иоанном (Алексеевым) и архиепископом Можайским Леонидом (Поляковым)⁴⁵ в сослужении двадцати священников и четырех диаконов при большом стечении верующих из Вильнюса и приехавших проститься с почившим архипастырем из других мест. Во время запричастного стиха слово, посвященное памяти Владыки, произнес протоиерей Иосиф Дзиичковский, перед чином отпевания – архиепископ Иоанн, а после пения «Со святыми упокой» – архиепископ Леонид.

Похоронен был архиепископ Роман в архиерейской усыпальнице Свято-Духовского монастыря Вильнюса, где покоятся останки других виленских святителей.

Да упокоит всемилостивый Господь душу блаженно почившего архипастыря в Своих Небесных Селениях!

Примечания

- 1 В настоящее время – Курессааре на острове Сааремаа, до 1917 года город назывался Аренбург, а с 1952 по 1988 – Кингисепп.
- 2 Свидетельство о крещении. Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата (Арх. ЭПЦ МП)
- 3 Кудрявцев Александр Григорьевич (?-1898), протоиерей. Настоятель храма св. Николая в Аренсбурге (1871-1898). Член совета (делопроизводитель – 1873-1889; председатель – 1889-1895), соучредитель «Эзельского Свято-Николаевского эсто-русского Православного Братства».
- 4 Автобиография Преосвященнейшего Романа, епископа Таллиннского и Эстонского (Танг). Арх. СПб епархии, Ф.1. Оп. 3(1). Д. 21. С. 16
- 5 Там же. С. 17
- 6 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф..6991. Оп.7. Д.102. Л.3.
- 7 Мянник Александр Мартинович (1868-1949), протоиерей. Окончил Балтийскую учительскую семинарию. Рукоположен во диакона в 1893 г., во пресвитера в 1908 г. Настоятель Богоявленского храма в Йыхви 1920-1949 гг.
- 8 Александр (Паулус 1872-1953), митрополит. Рукоположен во пресвитера в 1901 г., в сентябре 1920 г. избран архиепископом Таллинским и всея Эстонии. Хиротония была совершена 5 декабря 1920 г., в 1923 году перешел под омофор Константинопольского Патриарха. В 1940-1941 гг. после покаяния в Московском Патриархате. С началом оккупации Эстонии немцами войсками вышел из Московского Патриархата. В 1944 г. эмигрировал в Швецию.
- 9 Протокол экзаменационной комиссии от 6.03.1931. Арх. ЭПЦ МП.
- 10 Письмо митрополита Александра священнику Роману Тангу от 3.12.1941. Арх. ЭПЦ МП.
- 11 Карпов Георгий Григорьевич (1898-1967), в 1943-1960 гг. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР.
- 12 ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 179. Л. 17.
- 13 Исидор (Богоявленский Иоанн Яковлевич, 1879-1949), епископ. В 1904 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, кандидат богословия. В 1905 г. рукоположен во священника, с 1912 г. настоятель Павловского собора Гатчины. С 1915 г. магистр богословия. С 1919 года в Эстонии, служил в Таллинне в Александро-Невском соборе и в храме во имя Симеона и Анны. В 1946-1947 гг. ректор Ленинградской Духовной Академии и семинарии. В 1947 году рукоположен во епископа Таллиннского и Эстонского.
- 14 Указ епископа Таллиннского и Эстонского Исидора протоиерею Роману Тангу. Арх. ЭПЦ МП.
- 15 Григорий (Николай Кириллович Чуков, 1870-1955), митрополит. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию в 1895 г. со степенью кандидата богословия. В 1924-1935 гг. настоятель Николо-Богоявленского собора в Ленинграде. С 1927 г. магистр богословия. 14.10.1942 хиротонисан во епископа Саратовского, в 1944-1945 гг. архиепископ Псковский и Порховский. С 7.09.1945 и до кончины – митрополит Ленинградский и Новгородский. В 1946-1947 гг. и в 1949-1950 гг. управлял Эстонской епархией.
- 16 Рапорт Григория, митрополита Ленинградского и Новгородского. Арх. СПб епархии. Ф.1. Оп. 13. Д. Д1. С 191
- 17 Алексей (Симанский Сергей Владимирович, 1877-1970), в 1945-1970 – Патриарх Московский и всея Руси. 28.04.1913. хиротонисан во епископа Тихвинского. В 1933-1945 – митрополит Ленинградский и Новгородский
- 18 Рапорт Григория, митрополита Ленинградского и Новгородского. Арх. СПб епархии, Ф.1. Оп. 13. Д. Д1. С. 191 об.
- 19 Там же. С. 192.
- 20 Резолюция Выокопреосвященнейшего Григория, митрополита Ленинградского и Новгородского. Арх. СПб епархии, Ф. 1. Оп. 13. Д. Д 1. С. 198.
- 21 Пимен (Извекоев Сергей Михайлович, 1910-1990), в 1971-1990 – Патриарх Московский и всея Руси В 1945-1954 – наместник Псково-Печерского монастыря, в 1954-1957 – Троице-Сергиевой Лавры. В 1957 г. хиротонисан во епископа Балтского, викария Одесской епархии. В 1961-1963 – митрополит Ленинградский и Ладожский, в 1963-1971 – Крутицкий и Коломенский.
- 22 Симеон (Бычков Сергей Иванович, 1882-1952), епископ. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию в 1908 г. Рукоположен во пресвитера в 1912 г. Неоднократно в заключении. 30.03.1947 хиротонисан во епископа Лужского, викария Ленинградской епархии. С 1948 г. ректор Ленинградской Духовной Академии и семинарии.
- 23 Журнал Московской Патриархии №5, май 1950. С. 12-13.
- 24 Доклад по Эстонской епархии епископа Таллиннского Романа от 12 июня 1950 года. Арх. СПб епархии Ф1. Оп. 13. Д. Д 2. С. 10.

- 25 Докладная записка епископа Таллиннского Романа. Арх. СПб епархии Ф1. Оп. 13. Д. Д. 2. С. 12-13.
- 26 Иоанн (Алексеев Георгий Михайлович, 1892-1966), архиепископ. В 1918 г. окончил Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. С 1919 г. в Эстонии. Рукоположен во пресвитера в 1931 г. В 1937 г. возведен в сан протоиерея. В 1955 г. пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Таллиннского и Эстонского. В 1961 г. назначен архиепископом Горьковским и Арзамаским.
- 27 Кокла Николай Константинович (1912-1983), митрофорный протоиерей. Учился на Теологическом факультете Тартуского университета (1933-1940), рукоположен во иерея в 1936 г. Настоятель таллинского Преображенского собора (1940-1983), секретарь Таллиннского Епархиального управления (1946-1983).
- 28 Eesti Riigiarhiiv ERA. R.-1961.2.S.11.L8.
- 29 ГА РФ. Ф.6991. Оп.7. Д.102. Л.16.
- 30 *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М. 1995. С. 271.
- 31 Письмо епископа Ивановского и Кинешемского Романа А. Г. Богомоловой от 12 февраля 1957 г. Арх. СПб епархии, Ф. 3. Оп. 4. Д. 14. С. 1-2.
- 32 Циркуляр благочинным церквей Ленинградской епархии и церквей КФСР. Арх. СПб епархии, Ф. 1. Оп. 3(1). Д. 21. С. 51
- 33 Строительный комитет был создан митрополитом Григорием 20.04.1947 «для наблюдения и руководства ремонтными и строительными работами по зданию Духовной академии и семинарии» под председательством епископа Лужского Симеона (Бычков). *Берташ А., свящ. Галкин А.* «Семинарский храм Санкт-Петербургской Духовной Академии». СПб. 2012. С. 58, 69.
- 34 Указ Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Арх. СПб епархии Ф. 1. Оп. 3(1). Д. 21. С. 78.
- 35 ERA. R.-1961.1.35.L51
- 36 Алексей (Ридигер Алексей Михайлович, 1929-2008), Патриарх Московский и всея Руси. Рукоположен во священника в 1950 г. Хиротонисан во епископа Таллиннского и Эстонского 3.09.1961. В 1964 г. возведен в сан архиепископа, в 1968 в сан митрополита. В 1986-1990 митрополит Ленинградский и Новгородский, управляющий Эстонской епархией. 7.06.1990 избран на Московский Патриарший Престол.
- 37 Справка «О некоторых признаках усиления в отдельных местах Эстонской ССР религиозной активности, как результат ослабления научно-просветительской (атеистической) и политической деятельности среди масс, а также о некоторых фактах администрирования и извращений по отношению к церкви и священнослужителям» ERA. R.-1961.2.S.25.L7-15
- 38 «Отчетно-информационный доклад за I квартал 1952 г. ERA. R.-1961.2.S.25.L32-43
- 39 Разрешение на строительство новой часовни на месте разрушенной во время войны дал Уполномоченный по делам РПЦ. Часовня была построена в 1951 г., однако приход несмотря на многочисленные просьбы, не получил разрешения на использование часовни в качестве приходской церкви. Часовня была демонтирована в 1953 г. по приказу властей. *Плаат Я., сост.* «Православные церкви, монастыри и часовни в Эстонии». Таллинн. 2011. С. 46.
- 40 Новая деревянная церковь была построена в 1951-1953 гг. на месте старинных часовен. Храм был освящен в 1956 г. *Плаат Я., сост.* «Православные церкви, монастыри и часовни в Эстонии». Таллинн. 2011. С. 987-989.
- 41 Строительство школы-церкви начали в 1897 г. и освятили в 1904 г. В 1950 г. здание церкви прихода Обиница было закрыто, а звонница, иконостас и алтарь были разрушены. По инициативе местного священника Филимона Таломееса был начат сбор пожертвований на строительство новой церкви. Храм был построен в 1951-1952 гг. Церковь освятил епископ Роман в 1952 году. *Плаат Я., сост.* «Православные церкви, монастыри и часовни в Эстонии». Таллинн. 2011. С. 978-981.
- 42 Указ Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Арх. СПб епархии, Ф. 1. Оп. 3(1). Д. 21. С. 94.
- 43 Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М. 2000. С. 364-365.
- 44 Рапорт заведующего свечной мастерской Ивановской епархии № 947 от 17.09.1956. Государственный архив Ивановской области (ГАИО), Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 404. Л. 227.
- 45 Леонид (Поляков Лев Львович, 1913-1990), митрополит. Окончил в 1939 г. Ленинградский медицинский институт. В 1949 г. рукоположен во диакона. В 1952 г. окончил Ленинградскую Духовную Академию. 1.09.1952 пострижен в монашество, доцент Академии (1953), магистр богословия (1959). 11.06.1959 хиротонисан во епископа Курского. С 5.08.1963 архиепископ Ярославский и Ростовский. 8.10.1966 переведен на Рижскую кафедру. В 1979 г. возведен в сан митрополита.

Мемуары

Борис Грундульс На сцене и на клиросе

Воспоминания хориста

Борис Карпович Грундульс (Грундуль, Грундулис) родился в 1889 году в семье протоиерея Карпа Грундулиса, скончался в 1969 г.

80 лет жизни... Три войны, из них две – на его глазах. Царская Россия, независимая Латвия, оккупированная Латвия, Советская Латвия... Почти всю жизнь Борис Карпович прослужил по судебному ведомству – судебным следователем, мировым судьей. Но все это – и ход времени, и служебное поприще – для него вещи второстепенные, обочина жизни. Главное – это присущий ему дар петь, способность чувствовать и понимать пение. А в пении выше всего ценить хоровое пение, где голоса то сливаются в один голос, то переговариваются друг с другом, не заслоняя один другого, то сопереживают друг другу. И его

голос, голос октависта – бас-профундо (глубокий бас) не теряется в этом многоголосии.

Публикуемые ниже воспоминания представляют собою вторую часть воспоминаний Б. Грундулиса; первая – утрачена, о чем, конечно, можно сожалеть, но сохранившаяся часть – абсолютно цельное повествование.

Можно порадоваться за автора воспоминаний – в работе над ними он вновь и вновь переживал то чувство восторга, которое охватывало его, когда он сам пел в достойном хоре на клиросе ли, на сцене ли, или когда он слышал, как великие певцы и великие хоры под управлением талантливых дирижеров, регентов поют великую музыку.

Написаны воспоминания в середине 1950-х годов.

Борис Равдин, Рига

Записи Бориса Грундульса будут интересны в первую очередь знатокам и поклонникам хорового пения, музыкальной культуры и исполнительского мастерства. Это даже

не мемуары в точном смысле этого слова, а своеобразная летопись, сосредоточенная на главной любви автора – музыке, вокальном и хоровом искусстве. Грундульс перечисляет

Борис Грундульс

множество имен, хоров и вокальных ансамблей, концертов и выступлений. В круг его общения входили известные музыканты, регенты, композиторы, православные архиереи и клирики. Подчас автор дает нелицеприятные оценки некоторым личностям своего повествования. Может показаться, что в этом отражаются особенности характера самого

Грундульса, однако, вчитываясь в строчки воспоминаний, видно, что движущим началом критики является любовь и трепетное отношение автора к тому делу, что стало центром его жизни. Борис Грундульс, являясь талантливым исполнителем и знатоком хорового искусства, умел по достоинству оценить качества того или иного хора, регента или солиста.

В конце своих записей Грундульс сетует на то, что хоровое искусство, по его мнению, теряет свои позиции и уходит в прошлое. Это связано не только с вполне понятными переживаниями пожилого человека, завершающего дни жизни в глухой провинции, постепенно теряющего физические силы и возможности так же, как прежде, самозабвенно отдаваться служению музыке, но и бесспорным общим понижением планки культуры, высотам которой Грундульс был свидетелем в начале XX века. Этот необратимый процесс снижения уровня образованности и культурности продолжается и нарастает, именно поэтому так необходимы подобные воспоминания о подлинной красоте, имеющей укорененность в истине, спасающей общество от зла и тления.

Константин Обозный,
Псков, апрель 2016 года.

Б. К. Грундулис в памяти родных и близких Несколько слов

Дядя Боря – Борис Карпович Грундулис очень любил пение, в особенности – церковное. Он сам имел уникальный голос – октаву. Студентом Московского университета он пел в разных храмах Москвы, бывал на пасхальных службах в храме Христа Спасителя, где служил знаменитый протодиакон Константин Розов. Дядя Боря рассказывал, что Розов этот был махина, рыжеволосый. Он шел на Пасхальную заутреню как ледакол, и,

прорубая массу молящихся, проходил в алтарь. За его спиной могли пройти несколько человек, проходил и дядя Боря, пробираясь на клирос.

У меня есть подаренные дядей Борей пластинки с записью голоса архидиакона Розова и хора Донских казаков.

Гурий Антипов (1935-1997), племянник.
Записал Д. Трубецкой. 1992 г.

* * *

Я отдаю дань уважения Борису Карповичу, а женат он был на тете Шура, старшей из сестер Трубецких – она была моим идеалом еще с младенческих лет. Тетя Шура и дядя Боря приезжали к нам из Кулдиги. Появление тети Шуры всегда вызывало во мне необыкновенную радость. Тетя Шура была веселая, красивая, интересная и довольно полная дама,

всегда носила бусы. Я в детском возрасте, когда смотрела на нее, всегда говорила, что буду такой, как тетя Шура. И теперь я тоже довольно полная и тоже люблю носить бусы.

Ирина Николаевна Трубецкая (1938-1996),
племянница
Записал Д. Трубецкой. 1992 г.

* * *

Несколько лет тому назад родные дали мне прочесть воспоминания моего дяди Бориса Карповича Грундуля. Из этих воспоминаний я узнал об его учебе в Московском университете, о пении в разных московских храмах, о том, что он вернулся из Москвы в Ригу в 1921 году, о том, что он служил мировым судьей в Елгаве и Даугавпилсе. И о том, что все эти годы он пел в разных хорах, как церковных, так и светских.

Бориса Карповича я видел неоднократно. Мое детство совпало с возвращением в 1956 г. из сталинских лагерей четырех братьев Трубецких, среди которых был и мой отец. Все они были вне семей от 5 до 11 лет. После многих лет разлуки дяди, тети и мы, племянники, часто собирались в Риге, Огре, Зилупе, Лудзе, чтобы отметить дни ангела или юбилеи наших близких и родных. Обычно собиралось до 30 человек. Застолье начиналось молитвой. Потом шли разговоры о детстве, о довоенной жизни, о годах войны, об учебе в гимназии, об учителях, о Рижской Духовной семинарии, о свадьбах, о рождении первых детей. Все это сопровождалось шутками, смехом и обязательным общим пением. Ведь все

сбравшиеся обладали хорошими голосами. Каждый исполнял и свою любимую народную песню или романс. Тогда я впервые услышал «Замело тебя снегом, Россия», «Молись, кунак», «Жило 12 разбойников»... Думаю, оттуда моя любовь к хорошему пению. Среди этих замечательных голосов звучал и редкий низкий голос Бориса Карповича или, как мы его называли, дяди Бори. Жаль, что культура хорового пения уходит из русской среды.

Прошло много лет. Дядей и тетушек уже нет рядом, но эти встречи оставили неизгладимый след в жизни младшего поколения нашей большой семьи.

Как-то я познакомил с воспоминаниями Бориса Карповича редактора журнала «Православие в Балтии» А. В. Гаврилина, и он предложил мне подготовить эти воспоминания для публикации в одном из журналов. Работа эта была для меня новой. Спасибо всем, кто помогал мне в этом нелегком труде. Особая благодарность Вере Барташевской, Людмиле Никитенко и Борису Равдину.

Димитрий Трубецкой
Огре, апрель 2016 г.

Мне пришлось однажды побывать на концерте всемирно известного руководителя мужского вокального квартета «братьев

Кедровых»¹, как его называли. То художественное наслаждение, какое я испытал, слушая этот незабываемый квартет, словами

передать почти невозможно. Это был идеальный образец вокального искусства. Четыре человека, без сопровождения, без дирижерства, прекрасными голосами так тонко и увлекательно передают исполняемые произведения, что прямо не верится, чего можно достичь человеческим голосом. Это были виртуозы вокального пения, каких нигде в мире не услышишь. Между прочим, несколько вещей они исполняли с закрытым ртом, и получилось полное впечатление, что это не вокальный квартет на эстраде, а инструментальный, в составе: 1-я скрипка, 2-я скрипка, альт и виолончель – играют «под сурдинку» сложнейшие вещи. А как прекрасно они исполнили «Серенаду четырех кавалеров», а также «Жук и роза» и многое другое. Программа концерта была из двух отделений, но как не хотелось уходить домой, так бы слушал и слушал их бесконечно. Они изъездили весь мир, и всюду концерты их производили фурор

Квартет Кедрова. Слева направо:
Н. Н. Сафонов, К. Н. Кедров,
Н. Н. Кедров, М. М. Чупринников.
Петроград? Начало 1920-х гг.

На эстраде я слышал их только один раз, и навсегда мне запомнилось это прекрасное, незабываемое пение. Приходилось мне иногда слышать их по радио из различных стран, последний раз слышал их из Италии незадолго до 2-ой войны. Насколько я помню, состав квартета, когда я слышал в г. Юрьеве, был следующий: два брата Кедровых, Сафонов и, кажется, Юдин. Да, это было чудо вокального искусства, и я был

счастливым, что удалось их слышать. Я окончательно пришел к заключению, что наилучший музыкальный инструмент в природе – это человеческий голос.

Осенью 1916 года я был призван на военную службу и отправлен в Петроград на нестроевую должность как ратник ополчения 2-го разряда. В Петрограде я в хорах не участвовал, но кое-что все же слышал и изредка бывал в Мариинской опере и других театрах. Между прочим, слышал я на каком-то концерте и хор композитора Ал. Анд. Архангельского², под его личным управлением, но в сравнительно небольшом составе, человек 40-50. Тут пришлось лишний раз убедиться в том, как много зависит от дирижера хора, вполне овладевшего хорошим искусством. Замечательная гибкость хора в темпах, ритме, динамике и музыкальность в нюансировке. Прекрасное дополнение, но, к сожалению, это был не весь хор, а только часть его.

Слышал также в Казанском соборе хор духовного композитора Фатеева³, под его личным управлением, но скажу, что от Фатеева я ожидал все же большего, чем в действительности пришлось услышать. Если можно так выразиться, это было какое-то «казенное» пение, правда, очень стройное, чистое в своих аккордах, но все же не увлекательное. Сам Фатеев стоял среди хора так, что часть певцов находилась у него за спиной и его лица совершенно не видели, и он почти незаметным движением руки управлял хором. Такое положение хора, когда часть певцов видит только затылок и спину своего дирижера, по-моему, совершенно неправильно, так как оно несомненно отвлекается на исполнительности хора. Был ли это весь хор, не знаю, часть его мне была не видна, так как некоторые певцы стояли за выступом стены. Думаю, что всего было не больше 40-50 человек.

Несколько раз слышал я и хор Преображенского собора (в Петрограде), это был

военный хор Преображенского полка, но с мальчишками, как и Фатеевский хор, всего человек 50-60. Пели тоже хорошо, но без особого увлечения. Из этого хора вышел впоследствии известный оперы Зимина артист – тенор Матвеев⁴.

В 1917 году, как известно, произошли революции, сперва февральская, а затем и октябрьская, и не приходилось думать о концертах, а в июле 1918 г. я демобилизовался и переехал в Москву к жене, которая тогда проживала у своих родителей под Москвой, в Мытищах. Первое время я жил у них и поступил на работу в Артиллерийское управление. Каждый день приходилось поездом ездить в Москву на работу, а вечером возвращаться обратно. Тут тоже не приходилось думать о пении, тем более, что то время было очень голодное и холодное.

Не помню точно, но, кажется, в 1919 году, когда семья сестры моей жены уехала из голодной Москвы в Борисоглебск Тамбовской губернии, я с женой перебрался в Москву и занял их квартиру. Первое время я нигде не пел, а потом, ввиду того, что до хора А. П. Архангельского было очень далеко ходить, а трамвайное сообщение в то время безобразное, я поступил в один небольшой хор, поблизости от моего местожительства. Хор был очень посредственный, человек 20-25, управлял им некто Кудрявцев или Кудряшов, человек без особых дарований.

Но вот как-то пригласил поуправлять хором Сергея Александровича Богословского⁵ (кажется, готовились к службе Патриарха), и за две недели хор стал совершенно неузнаваем. Многие потом спрашивали, не новый ли это хор поет так хорошо, на что приходилось отвечать, что хор поет все тот же, но другой регент управляет им. Это тоже лишний раз доказывает, как много зависит в хоре от того, кто стоит во главе его.

Приходилось все же мне иногда участвовать в хоре А. П. Архангельского. Так,

помню, как раз пели мы в составе 40-45 человек, а в качестве солистки была приглашена артистка Большого театра – Степанова⁶. Спела она с хором всего две вещи – Завадского «Отче наш» и запричастный «Хвалите», но своим замечательным исполнением и великолепным голосом (колорат<урное> сопрано) она буквально всех очаровала. У нее был идеально чистый и очень высокий приятный голос, похожий на голос великой артистки Большого театра Неждановой⁷. Помню, пришлось мне раз пять какую-то очень торжественную службу в церкви Троицы на Маросейке. Служил Патриарх Тихон⁸, 3 митрополита, 8 архиереев, а прочего духовенства было без счета. Служил также знаменитый протоиерей Румянцев. Пел хор человек 40-45 под управлением С. А. Богословского. Был ли это хор Архангельского или какой другой, сейчас уже хорошо не помню, но в памяти все же сохранилось, что в хоре был тенор Вьюнов, певший раньше в хоре Архангельского. Среди публики был виден и композитор Чесноков⁹, который часто бывал, когда хором управлял его друг С. А. Богословский. На этот раз Сергей Александрович потребовал такого внимания и энергии от певцов, что после запричастного концерта «Внуши Боже» – муз. Архангельского, мы стояли, как выжатые тряпки, если можно так выразиться. В особенности он развил динамику, начиная со слов: «сердце мое смятется», а затем – «страх и трепет прииде на мя»... и выжал, буквально выжал из хора все, что можно было, а потом дал мне возможность очень красиво сделать в октаву «и покры мя тьма». Голос у меня тогда был в самом соку, и все говорили, что у меня это небольшое соло вышло очень солидно и даже красиво.

Не то в 1919 году, не то в 1920 пришлось мне по службе быть в командировке в Киеве. В воскресенье отправился в Софийский собор, где слушал исполнение

«Литургии», написанной великим композитором П. И. Чайковским.

Самого хора я не видел, так как он находился наверху, на хорах, но по звучности я определил его в 50-60 человек. Управлял хором духовный композитор Качановский. «Литургию» П. И. Чайковского я хорошо знал, так как в репертуаре хора Архангельского она была, кроме запричастного концерта, и довольно часто приходилось петь то или иное произведение из нее, и поэтому мне было интересно сравнить исполнение хоров Архангельского и Качановского. Пел хор Качановского очень хорошо, но все же должен был признать, не все мне понравилось в исполнении хора Качановского. У нас хор пел как-то более художественно, с большой нюансировкой. В особенности эта разница была заметна в исполнении «Верую». Хор Качановского пел хотя и очень хорошо, но, по-моему, толковал это произведение Чайковского довольно однообразно. Так, например, слова «и возшедшаго на небеса» написаны как бы ступенями кверху и в басовой партии последний слог слова «небеса» оканчивается верхним «до»; пели мы всегда эту фразу, постепенно переходя на «пиано», а слог «са» уже кончали чуть слышно, так что получалось впечатление действительного восхождения на небеса, которые находятся очень и очень высоко. Слова «и страданна и погребенна» в партитуре написаны одинаково, но мы всегда отделяли страдание от погребения, более подчеркивая «страдание», придавая ему соответствующий оттенок. Далее, в словах: «и паки грядущего со славою судити...» делалось постепенное нарастание звука, в особенности на словах «грядущего со...», и получалось впечатление приближения этого грядущего. Одним словом, разница была довольно ощутимая, но все же было интересно и приятно послушать «Литургию» П. И. Чайковского в исполнении другого хора. В Киеве я пробыл всего 3 дня и мало

успел повидать из достопримечательностей города.

В Москве я продолжал петь в хоре одной из ближайших церквей от своей квартиры. Получал я не месячный оклад, а за каждую службу отдельно. Деньги в то время очень упали в цене и были очень дешевы. На работе, в том учреждении, где я работал, мне платили 600 000 руб. в месяц, и кроме того, получал я небольшой паек, но этого, конечно, на семью из трех лиц (у меня в 1920 году родился сын и жена свою работу бросила) хватало ненадолго, ибо цены на продукты были невероятно высоки. Например, фунт соли стоил 2 500 руб., а за свою работу костюма, который я давал шить из полученного на работе материала, уплатил 370 000 рублей. Поэтому я принужден был подрабатывать пением в хоре, где получал за каждую службу по 75 000 руб. Таким образом, в месяц выходило не меньше 900 000 рублей, т.е. больше, чем в учреждении на работе.

В это время, в той же сравнительно небольшой церкви, мне пришлось раз услышать знаменитого баса – В. Р. Петрова¹⁰ – артиста Большого театра в трио «Разбойника», муз. Воротникова. Пели: Петров, артист Стрельцов, а кто был третий – сейчас не помню. Удивительно прекрасно спел Петров, в особенности красиво у него вышло то место, где бас начинает соло «и мене». Петров начал довольно тихо, а потом так расширил звук, что наполнил своим прекрасным бархатным голосом всю церковь, все купола, но одновременно с этим не задавил своим мощным басом остальных певцов. Получилось очень красиво. Бесподобно! Неудивительно, что в храме Спасителя, вмещавшем в себя до 10 000 человек и где Петров раньше ежегодно пел «Разбойника», всегда бывало столько народу, что все не могли вместиться. Каждому, конечно, хотелось послушать «Разбойника» в исполнении такого мастера как Петров. После запрещения петь в

храме Спасителя Петров все же продолжал петь в других церквях. Так, когда я его слышал у нас, ему за один вечер удалось спеть в трех церквях. Чтобы успеть на «Разбойника», у них был взят извозчик, который его ожидал, и после исполнения «Разбойника» в одной из церквей сейчас же отвозил его в другую, где Петрова уже ожидали, заранее сговорившись соответственным образом начать службу так, чтобы он успел приехать.

В последние годы моего пребывания в Москве слышал я несколько раз нового знаменитого в Москве протодиакона Остроумова, он же участвовал и в Музыкальной драме. Служил он очень своеобразно, не так как обыкновенно служат диаконы, а по-иному. Так, ектении и даже Евангелие он читал не протяжно или нараспев, как это делается обыкновенно, а «читком», как читают. Обладал огромным красивым голосом – басом с прекрасной дикцией, у него получалось довольно оригинально и очень своеобразно. Так, например, на ектении «Оглашении, изыдите» – он как бы обращался к народу в повелительном тоне, убеждал оглашенных выйти из церкви. Вообще, служил он очень оригинально, и некоторым это сильно нравилось. Сам он длинных волос не носил, был бритый, и сразу было видно, что это не диакон, а настоящий артист.

Так я прожил в Москве до ноября 1921 года, а в ноябре как беженец из Латвии был эвакуирован в Ригу.

Вернувшись из Москвы, больше месяца я прожил с семьей в деревне, у отца, а затем переселился в Ригу и поступил на работу по судебному ведомству. Одновременно стал я петь в Кафедральном соборе, где тогда существовало два хора – русский под управлением Алексея Федоровича Попова¹¹ и латышский – под управлением Ивана Андреевича Микельсона¹². Попов был регент слабый и ничего хору передать не мог. Я

всегда его называл «метрономом», а хор был небольшой, все больше из родственников Попова, пела его жена, сестра жены, три племянницы и т.д. Но у Попова была колоссальная хорошая библиотека, как ни у кого в Риге, и знал он и понимал немало, но передать хору ничего не умел. Сам он был совершенно безголосый, хотя и старался петь хриплым голосом – тенором, чем очень портил дело.

И. А. Микельсон был регент более сильный и опытный, но все же довольно вялый. Хор у него тоже был побольше, человек 30, но певцы больше все молодые, малоопытные. Много он с ними работал, но все же не так они пели, как бы хотелось. После Москвы пение мне казалось вялым и скучным. Немало я как одному регенту, так и другому, а также певцам рассказывал о том, какие были регенты, как увлекали за собой певцов, какая была в хорах дисциплина и т.д. Но недолго я пел в этих хорах – получил назначение по службе и после Пасхи, в начале мая, уехал в Якобпилс [Екабпилс]. На Пасху в Соборе пели оба хора, и так как они оба стояли наверху, на хорах рядом, то мне приходилось все время переходить из одного хора в другой.

Помню, что незадолго до моего отъезда из Риги, как будто это было еще в апреле месяце, на хорах появился директор еврейской консерватории некто Розовский¹³ и спросил у наших певцов, не найдется ли в хоре у нас такой бас, который может взять нижнее «ми» в октаву. Он собирался ставить какую-то ораторию, и ему необходим для этого в его хоре бас с нижним «ми». Певцы наши даже расхохотались и, указывая на меня, сказали ему: «Вот наш октавист, он свободно берет не только нижнее «ми», а дальше «ре», «до», «си» и «ля».

Розовский был поражен этим обстоятельством и, буквально ухватившись за меня, стал упрашивать принять участие в

Хор Даугавпилсского собора св. Александра Невского. Слева направо сидят: диакон Капитон Гербачевский, неизвестная, неизвестная, настоятель собора протоиерей Евгений Свинцов, архиепископ Иоанн (Поммер), регент Владимир Глаголев. На полу вторая слева: Александра Трубецкая. Даугавпилс. 12.09.1925 г.

постановке его оратории и просил прийти к нему в консерваторию на репетицию. Я, было, согласился принять участие, тем более, что он обещал мне хорошо уплатить за это, но тут же я получил назначение по службе и поэтому, придя на репетицию, отказался принять участие в его концерте, где он нашел другого исполнителя, не знаю, т.к. я через несколько дней уже уехал из Риги.

Но новом месте в Якобпилсе я продолжал петь в духовном хоре, хотя тут уже совсем чувствовал неважно: хор был очень маленький, состоял из любителей, часто к тому же со слабыми голосами, плохим слухом, малопонимающим хоровое пение. Но меня не забывали в Риге, в архиерейском хоре. Микельсон, когда устраивал какой-либо концерт и поездку куда-либо с хором, всегда телеграммой вызывал меня в Ригу для участия в концерте, а также и я устраивал концерт хора Микельсона в Якобпилсе, где хор спел и духовный, и вечером светский концерт, прошедшие с большим успехом.

Кажется, весной 1924 года пригласил меня и Даугавпилсский регент Глаголев¹⁴ для участия в духовном концерте в

Даугавпилсе. Хор у Глаголева оказался небольшим, человек 20, но видно было, что поработал он с ним много, т.к. пели хорошо. С Глаголевым я познакомился еще раньше, в Риге, на репетиции хора Попова, когда мы готовились петь «Литургию» П. И. Чайковского. Глаголев тогда был еще молодой регент и очень увлекался хоровым пением, часто приезжал в Ригу, заходил к Попову поучиться и за нотами, которых у него, очевидно, было мало. Но концерт в Даугавпилсе он провел хорошо, даже пели «Верую», муз<ыка> Гречанинова; соли-

ровала одна из Вернер – приличный альт. При выходе из церкви после концерта на крыльце встретил учителя М. К. Луговского¹⁵, который меня все же сразу узнал, обратившись ко мне со словами: «Слушаю концерт и думаю, откуда у нас в Двинске [Даугавпилс] такая октава, а это оказывается Вы».

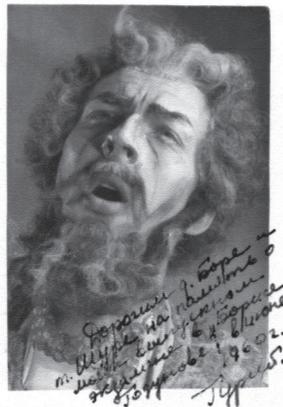
С Луговским я познакомился еще в 1909 году, когда, кончив гимназию, я впервые стал петь в мужском квартете в Кеммери [Кемери], а он часто приходил в числе других любителей к нам на хоры попеть.

Приблизительно в это же время я принял участие в концерте хора А. Ф. Попова, когда он проводил «Литургию» комп<озитора> П. И. Чайковского. Концерт этот пели в Рижской Александро-Невской церкви, где акустика очень неважная, хор был очень небольшой и, хотя разучили все хорошо, но концерт прошел довольно тускло, вяло, без всякого художественного исполнения. Как много зависит от дирижера хора!

В мае 1925 года меня перевели на работу в Елгаву (Митаву), где я тоже продолжал петь в качестве любителя пения, без всякого

вознаграждения. Хор был любительский, побольше, чем в Якобпилсе, были в хоре даже отдельные приличные голоса. Управлял хором некто [Д.] Стеценко – регент довольно слабый, и поэтому ничего интересного для меня не получилось. Часто ездил в Ригу, где продолжал петь в хоре Микельсона и выезжал с хором в Смилатене, Салацгриву и другие места. Как будто в это же время был в Риге юбилейный концерт хора Микельсона, или вернее – 40 лет его хорового дирижирования. В концерте принимал участие и «Перконский» мужской хор, из бывших семинаристов. Я, хотя и никогда не был семинаристом, но как октависта и меня просили участвовать в обоих хорах. Участвовал в концерте как солист артист оперы лирический тенор Паул Сакс¹⁶. Концерт был очень многолюдный и прошел хорошо. После концерта на квартире у Микельсона было его чествование, на котором был и Паул Сакс, и директор Латвийской консерватории профессор Язеп Витолс¹⁷. Между прочим, за столом профессор Витолс и Пауль Сакс, а также архиепископ Иоанн¹⁸ и другие уговаривали меня поступить в консерваторию, но я опять отговорился тем, что теперь это уже поздно для меня, года уже не те, да и обеспечен другой работой по своей специальности. Таким образом, я второй раз отказался от возможности стать певцом-артистом. Хорошо ли это было или нет – сказать, конечно, трудно, но, во всяком случае, если бы послушал советов, то дальнейшая жизнь у меня была бы совершенно иная, чем теперь. Правда, много я слышал и видел за свою жизнь, и теперь утешаю себя тем, что если мне не было суждено стать артистом-певцом, то хоть мой племянник – сын моего младшего брата¹⁹ – Виктор²⁰ пошел по артистическому пути – в прошлом, 1955 г., закончил консерваторию и стал артистом-певцом. У него лирический баритон камерного стиля. Правда, голос небольшой, довольно приятного тембра и

с хорошей дикцией. Ездил он в Москву на декаду латышского искусства, а затем поехал с бригадой филармонии в концертное турне по Кавказу и Средней Азии. Много он увидел и услышал, а это очень и очень хорошо для каждого человека, а для артиста особенно. В прошлом году поступил в консерваторию и другой племянник со стороны моей жены – Гурий Антипов²¹ – бас.

Гурий Антипов в роли Бориса Годунова на выпускном экзамене Латвийской консерватории, 1960 г.

Посмотрим, что выйдет из него. Пусть учится и развивает свой голос, может быть, тоже получится артист-певец! Если мне в свое время не удалось использовать имеющиеся у меня богатые возможности, то хоть племянники пусть развивают свои таланты.

Мне же остались только мои воспоминания о былых возможностях и обо всем том, что я сам видел, слышал и переживал. Если бы не было у меня этих воспоминаний, может быть, я и сожалел о том, что не воспользовался былыми возможностями, а теперь я все же доволен и тем, что в жизни своей видел, слышал и переживал.

В конце 1926 году я был переведен на работу в г. Даугавпилс (Двинск). Город этот побольше тех городов, где я последнее время жил и потому там было больше возможностей приобщиться к хоровому пению и принимать более деятельное участие как в

концертах, так и других начинаниях, связанных с хоровым искусством. Конечно, там уже не было того художественного удовлетворения, какое я переживал в Москве, но все же я был сильно занят пением и предлагал много усилий и энергии, чтобы поднять хоровое пение. Петь я прежде всего стал в духовном хоре Александро-Невского собора, где регентом был Иван Кононович Котовский²². Это был украинец лет 45-50, человек довольно музыкальный, пение, видимо, любил и понимал в нем толк, но очень ленивый и сильно преданный пьянству. В трезвые моменты много приходи-

Александро-Невская церковь
в Риге. Конец 1920-х гг.

лось с ним беседовать о хоровом пении, о своих личных переживаниях и впечатлениях, пережитых в свое время в Москве. Из разговоров с Котовским я понял, что он человек талантливый, прекрасно понимает хоровое пение, любит его, но его странная слабость к водке сильно его губит. Как ни убеждал я его, а затем и другие певцы бросить это постоянное пьянство или, по возможности, воздерживаться от него, ничего не помогало.

И сам он много раз давал слово, даже каялся и божился, что бросит свое пьянство, но, спустя некоторое время, его опять «прорывало», и тогда продолжалось то же самое, что было, и тогда никакие уговоры и

убеждения на него не действовали. Много раз из-за пьянства Котовского приходилось с ним ссориться и даже ругать его, но он все же иногда допивался чуть ли не до белой горячки. Только последние годы моего пребывания в Двинске, после того, как он женился в третий раз и, видимо, жена его забрала как следует в руки, он стал значительно реже пить. Но в общем все же он был довольно талантливым человеком и неплохим регентом.

Хор состоял из певцов – любителей пения, все больше молодежи и малоопытных певцов, среди которых были и некоторые с небольшими голосами.

Вознаграждения никакого певцы не получали, за исключением так называемых наградных к большим праздникам. Численность хора колебалась от 25-35 человек.

Конечно, если бы И. К. Котовский всегда бывал трезвый и больше бы работал с хором, много можно было бы достигнуть, но тут приходилось мириться в известной степени и с этой его слабостью, так как лучших регентов в городе не было, а из Риги в провинцию никто ехать не хотел, ибо вознаграждение регента было очень небольшое. Я старался воздействовать на И. Котовского всякими способами, и мне это иногда удавалось, так как он все же считался со мной и часто советовался по поводу того или иного произведения и его исполнения. Часто я указывал ему на ошибки в исполнении и вносил свои предложения, которые он охотно принимал. Если же предполагался какой-либо концерт, то программа его обязательно составлялась при моем ближайшем участии и содействии. Хотя я иногда участвовал в выступлении других хоров, но всегда меня тянуло к этому хору, и я считал его своим. Одной из приманок, очевидно, несмотря на то, что я был давно женат, и у меня был

сын, оказалась певица хора, молодая учительница Шура Трубецкая.

Хотя раньше в Москве в хоре, да и в других хорах были молодые и даже очень интересные певицы, которые, как я замечал, интересовались мной, а некоторые даже, если можно так выразиться, «бежали» за мной, но безрезультатно, а вот Шура Трубецкая сразу привлекла мое внимание своей жизнерадостностью, здоровьем, веселостью и простотой, иногда доходившей до наивности, а также интересом к хорошему пению. Ввели ее в хор «дискантовой мамой», потому что она в партии сопрано всегда была ведущей партией, простое пение она знала наизусть и пела вообще с видимым увлечением. Оба мы оказались одного происхождения, и потому у нас нашлось много общих интересов, главным образом, по вопросам хорового пения. Она жила в Двинске одна, в небольшой снимаемой у одной вдовы комнатке, и я часто к ней заходил посидеть, поговорить о пении, об артистах, много ей рассказывал о Москве, других городах, где мне приходилось бывать, обо всем виденном и слышанном в своей жизни, а также делился всеми своими впечатлениями. Часто ходили мы, в особенности летом, гулять куда-нибудь за город. Все это нас очень объединяло, и я ее крепко полюбил. Она была еще молодая, моложе меня на 15 лет, мало что видела в искусстве, и поэтому я старался познакомиться с ней поближе с ним, содействуя и часто помогая посещению концертов и приезжих знаменитостей и прочих гастролеров, иногда посещавших наш город Двинск.

Так, ей удалось увидеть игру артистов Московского Художественного театра – Качалова, О. Гаевской, Михаила Чехова, Греч, Павлова, видеть на сцене балерину Большого театра Карсавину²³, слышать знаменитых певцов: Мариинского театра – Большакова (бас), Леонида Собинова²⁴ (хотя уже на закате своего таланта),

Александра Трубецкая,
г. Даугавпилс. 1925 г.

певицу Большого театра Барсову²⁵, певицу Плевицкую²⁶, знаменитую певицу Нину Кошиц²⁷, знаменитого скрипача Кубелика²⁸, известный инструментальный квартет имени Глазунова и других. Все это не могло не оказать известного влияния на ее развитие. Раз даже ездили вместе в Ригу, где тогда гастролировал чехословацкий государственный хор под управлением профессора Кржижковского. Это был прекрасный мужской хор в 45 человек. В техническом отношении нельзя ничего лучшего ожидать от хора как в смысле интонаций, так и вообще художественного исполнения. Хор был очень эластичный и весьма дисциплинированный, но как хотелось бы услышать в нем и низкую октаву, придающую хору известную красоту и полноту, что так свойственно известным русским хорам. А между тем, 2-е басы были слабоваты, а октавист ниже ноты «ре» нигде не спускался. Затем вся программа была из произведений западной вокальной музыки, да еще на чужом языке, к чему наше ухо не привыкло и поэтому до души не доходило. Очень интересно, конечно, было послушать этот хор, но особого удовлетворения у нас все же не было.

Б. Грундулис (во втором ряду в очках) среди коллег по судейскому цеху. В первом ряду – отец Савва Трубицын. Даугавпилс. 1938 г.

Приезжал в Двинск с концертом и Польский государственный мужской хор под управлением тоже какого-то польского профессора, фамилию которого я сейчас не помню. Этот хор был как-то ближе и понятнее нам: здесь, возможно, влияние славянских мелодий и мотивов. Хор тоже очень эластичный и сильно дисциплинированный. В нем уже больше чувствовалось присутствие хороших и низких басов. Был также в Двинске с концертом Рижский еврейский хор под управлением дирижера Абрамиса²⁹. Хор хороший, большой, смешанный, с прекрасными голосами, в особенности, в теноровой партии, но зато басы слабые, а низких (2-х) и совсем нет, что, по-моему, объясняется тем, что у евреев вообще почти не бывает низких голосов (басов), зато тенора великолепные, в особенности, первые. В программе концерта были все больше различные оратории, сравнительно малопонятные нашему слуху. Но сам дирижер был великолепен, и мне кажется, под его управлением довольно легко петь. В общем, концерт был очень интересный.

Я все продолжал петь в хоре И. К. Котовского, который тоже иногда давал духовные концерты. Иногда же участвовал я

и в латышском хоре. Между прочим, хочется отметить, что с постановкой пения в латышских хорах того времени я во многом не согласен. Так, во всех латышских хорах, будь то местные или рижские, как хор Рейтера³⁰ и другие, наблюдалось, как общее явление, присущие всем хорам без исключения – неправильное распределение голосов, преобладание женских голосов и в особенности доминирующая роль сопран, в то же время

как мужских голосов всегда мало и их почти не слышно. Такое преобладание женских голосов делает хор неполноценным как хорового коллектива, где все партии голосов должны звучать равномерно, ибо иначе он получается как бы кривобоким. Затем, в латышских хорах очень заметно, что басы и тенора имеют почти одинаковые тембры, и трудно бывало различить, где поют басы, а где тенора. Очень большим недостатком певцов я считаю, что мужчины при пении часто допускают так называемые «белые звуки», т.е. поют иногда слишком раскрывая рты, благодаря чему получают плоские, неприятные, режущие ухо звуки, что называется «поют козлом». Сильно мне также не нравилась манера регентов задавать тон слишком громко и «принятие» этого тона хором тоже громко, причем каждая партия голосов повторяет свою ноту. Такой способ задачи тона является слишком примитивным и всегда кажется, что певцы настолько малограмотны в хоровом пении, что без такой задачи тона они и не смогут начать петь, что на меня всегда производило неприятное впечатление. Но в последнее время и в латышских хорах многие недостатки постепенно начали исчезать

и петь стали лучше. Но все же чувствуется большой недостаток в хороших басах и в первых тенорах. Объясняется это, может быть, отчасти и тем, что у латышей, как народа более северного, вообще сравнительно редко бывают у мужчин низкие и высокие голоса, т.е. вторые басы и первые тенора. Видимо, и природа оказывает свое влияние, в противоположность югу, где часто можно встретить эти разнородности в голосах мужчин.

Из любви к хоровому пению я всеми силами старался поднять хор Котовского, оказывая всяческое влияние и на певцов, и на регента самого. Чтобы пробудить в певцах больший интерес к пению, в 1928 году мы с Котовским решили совместно отпраздновать наши юбилеи в пении – мои – 25 лет, а его – 30 лет.

Для этого, прежде всего, решили устроить в декабре большой юбилейный концерт, к которому усиленно готовились долгое время, а в качестве солиста, между прочим, пригласили артиста радиодинамо тенора Александра Федоровича Янковского³¹, с которым я был давно знаком по совместному пению еще в архиерейском хоре до первой войны и который согласился спеть с хором «Отче наш» и еще что-то, но сейчас уже не

помню. Когда хор был достаточно подготовлен, объявили концерт на 9-е декабря. Концерт прошел хорошо, в программе пели даже П. И. Чайковского «Херувимскую» и «Верую». Хорошо также спел Янковский. Народу на концерте было много. И, несмотря на то, что вход был по добровольным пожертвованиям, сбор был очень хорошим.

Вечером происходило, если можно так выразиться, чествование юбиляров, а мне даже был преподнесен блокнот со следующей надписью: «Глубокоуважаемому Борису Карповичу Грундельсу от признательных любителей церковного пения Александр-Невского собора в ознаменование 25-летнего юбилея духовно-хоровой деятельности». Затем мы все решили группой сняться у хорошего двинского фотографа, что и исполнили в следующее воскресенье, хотя и не все певцы могли явиться, и потому не все попали в группу. Фотография эта у меня хранится до сих пор.

Чтобы еще больше воодушевить певцов хора и заинтересовать их в пении, я предложил поехать с концертом в Ригу в Кафедральный собор, что было хором принято с восторгом, тем более, что я обещал хлопотать поездку туда и обратно в отдельном вагоне. Несмотря на то, что в соборе ни один другой хор, кроме соборного, никогда концертов не устраивал, мне все же было дано разрешение на концерт нашего хора, а через одного знакомого рижского певца-железнодорожника Ваяржинского удалось получить и отдельный вагон для поездки хора в Ригу и обратно. В конце января был объявлен наш концерт в Риге с той же программой, с какой мы выступали на юбилейном концерте в Двинске. Все было бы хорошо, певцы только и говорили о предстоящей поездке в Ригу, но так как тогда стояла очень морозная погода, то я предложил отложить поездку с концертом на более теплое время, так как такая морозная погода может отразиться

Хор Даугавпилсского Успенского храма: в центре (в пенсне) Б. Грундулис, за ним (галстук-бабочка) – Геннадий Чапля (с 1933 года – диакон); во втором ряду вторая слева – Александра Трубецкая. Даугавпилс. Конец 1920-х гг.

неблагоприятно на посещение концерта в Риге, но так как моих доводов и слушать никто не хотел, пришлось все-таки ехать. В Риге тогда было 29 градусов мороза.

Конечно, народу собралось на концерт не так уж много, но все же все расходы по поездке мы полностью покрыли. Сам концерт также прошел хорошо, и все были удовлетворены. Меня даже вызвал к себе архиерей, благодарил за концерт и сказал: «Хорошо, что вы приехали. Ваш концерт заставил подтянуться и нашего регента (Микельсона) и певцов хора, а то последнее время они стали хуже петь».

Воспользовавшись пребыванием нашим в Риге, я предложил некоторым певцам нашего хора побывать в опере, и сам с Шурой тоже отправился в оперу. Шла опера Бизе «Кармен», которую я уже видел несколько раз и в Риге, и в Москве. Но

мне хотелось показать оперное исполнение Шуры Т<рубецкой>, которая еще ни одной оперы не видела и не слышала на сцене. В общем, поездкой этой все были очень довольны. Летом 1929 г. мне по делам службы пришлось быть в Корсовке [Карсва], а оттуда я заехал в Михалово – в 9-ти километрах от Корсовки, где познакомился с семьей Трубецких³², состоящей из отца, матери и 9-ти детей.

Старшей дочерью Трубецких была Шура. Вся семья оказалась с голосами, хотя и небольшими, но петь могли все. Лучшие голоса были у Шуры и ее младшей сестры Кати, причем обе – сопрано, в особенности приятного тембра сопрано было у Кати. Впоследствии я слышал ее в Режице [Резекне], когда Катя училась в гимназии, на одном ученическом вечере. Она пела соло, и должен сознаться, что тогда подумал, что если

бы ей дать музыкальное образование, из нее вышла бы хорошая певица-артистка. Да, музыкальное образование, но где на это взять средства, ведь это все очень дорого тогда стоило. Шура тоже иногда выступала соло и в дуэтах как в своей гимназии, где она тогда учительствовала, так и на некоторых благотворительных концертах и вечерах.

Приблизительно в это же время или немного раньше основалось в Двинске певческое общество. В числе его организаторов был и я, вместе с Петром Ивановичем Берзиным³³, которого я знал еще с гимназических лет, хотя он тогда учился в Духовной семинарии и пел в архиерейском хоре в качестве октависта. Оба мы были общим собранием организаторов певческого общества избраны в правление общества, состоявшее из 5-ти членов. Берзине часто принимал участие также в хоре Котовского. При обществе организовался смешанный хор в числе 55-60 человек. Регентом хора был приглашен учитель пения одной из местных латышских школ, некто Скудра. Но как регент был довольно слаб и ничем не отличился. Я приглашал дирижером этого хора, а также церковного Борисоглебского собора и преподавателем Двинской народной консерватории своего старого знакомого певца-тенора А. Ф. Янковского, для чего специально ездил в Ригу. Но из этого ничего не получилось, т.к. Янковского, который в то время состоял преподавателем пения в нескольких рижских школах и участвовал в выступлениях в радиофоне, мое предложение, конечно, не устраивало.

Хоровое общество в большинстве своем состояло из малоопытных любителей-певцов, и с таким хором надо было очень много

Семья Трубецких (слева направо): первый ряд – Михаил, Павел; второй ряд – Александра, Николай, отец Никанор Трубецкой, матушка Александра, Домника; третий ряд – Ефросиния, Екатерина, Иван, Мария. Михалово. 1925 г.

работать. Пришлось нам все же остаться с регентом Скудра, который и готовил всю программу нашего первого открытого концерта, на каковой мы все же пригласили в качестве дирижера из Риги Теодора Калныня³⁴. Он заранее приехал и провел до концерта 2-3 репетиции, чем сильно поднял хор. Дирижер прекрасный, с большим темпераментом, управлял хором очень четко, ясно и понятно, с ним приятно было петь.

Концерт, в общем, прошел хорошо, насколько это было возможно при наличии такого состава хора, какой был в тот раз у нас. Калнынь тоже остался доволен успехом и, между прочим, высказал, что он был бы очень рад, если бы у него в Риге были бы такие низкие басы, как я и Берзине.

Приехал в Ригу на гастроли знаменитый хор Ленинградской Академической капеллы под управлением профессора Климова.³⁵ Эта бывшая придворная певческая капелла, просуществовавшая более 250 лет. Во главе ее когда-то стояли знаменитые композиторы и дирижеры, как, например, Бортнянский, Львов, Бахметьев, великий русский композитор И. И. Глинка, Балакирев, Римский-Корсаков, Смоленский,

Похороны протоиерея Карпа Грундулиса. Впереди процессии архиепископ Иоанн (Поммер), за ним – неизвестный (в скуфье), далее – протоиерей Николай Шалфеев, последний в ряду священнослужителей – протоиерей Иоанн Янсон (в скуфье). Рига, Покровское кладбище. Октябрь 1932 г.

Аренский и другие. Приезжал хор в Ригу в составе около 100 человек, но в хоре уже были наравне с мальчиками (дисканты и альты) и женщины. Первая часть программы состояла из духовных произведений, а вторая – из светских. Между прочим, хор исполнял полностью знаменитую «Всенощную» композитора С. Рахманинова. Я очень и очень сожалел, что не мог поехать в Ригу на этот концерт, тем более, что «Всенощную» Рахманинова я никогда не слышал, и мне было бы в особенности интересно послушать такой редкий концерт.

Судя по отзывам газет и тех лиц, кто побывал на этом концерте, это был, действительно, редкий художественный концерт чистого хорового искусства без всякого сопровождения.

Не могу забыть концерт другого хорового коллектива – чистого хорового искусства – концерт мужского хора Донских казаков под управлением Сергея Жарова³⁶, который тоже приезжал в Ригу и на который мне, хотя и с большими трудностями, все же удалось попасть. Хор дал 8

конcertов в театре Латвийской оперы, и все они были переполнены до последней возможности. Я попал на последний, 8-ой концерт, но попасть было очень, очень трудно. Когда я приехал в Ригу, то все только и говорили об этих концертах, а все газеты были переполнены статьями и отзывами о них. С утра пошел я в театральную кассу, где очередь в несколько сот человек, и сразу понял, что терять время на стояние в очереди бесполезно, так как никакой надежды на получение билета в кассе нет, а попасть на этот концерт мне [нужно] во что бы то ни стало. Встретил несколько знакомых рижских певцов и регентов и просил их каким-нибудь способом раздобыть мне билет на концерт. Весь день был потрачен на изыскание средств и способа, чтобы попасть на этот концерт. Прежде всего я обратился в дирекцию оперы и предъявил свое удостоверение о том, что я член правления Двинского Латышского певческого общества и просил как приезжего устроить меня в помещение оркестра или куда-нибудь за кулисы, чтобы дать возможность

прослушать этот концерт. Но все же мне было заявлено, что все занято, и устроить меня куда-либо нет никакой возможности. Видел еще много регентов, певцов и просто знакомых в надежде где-нибудь достать какой-нибудь билет, но все было напрасно. Наконец, обратился к архиерею, который дал мне письмо к артисту оперы – тенору Васильеву³⁷, и я отправился к нему. Самого Васильева не застал дома, но во мне приняла горячее участие его жена, тоже артистка – Телегина-Васильева³⁸, которая обещала дело это обязательно устроить и просила зайти к ней через 2-3 часа, чтобы узнать о результатах ее хлопот. Но когда я к ней явился, то оказалось, что и она ничего не смогла сделать и, таким образом, у меня пропала последняя надежда попасть в театр на концерт хора.

Бродя по городу и обдумывая, что еще предпринять, чтобы все же попасть на концерт, уже под вечер вторично повстречал регента Алексея Федоровича Попова. Оказалось, что он все же через какого-то спекулянта, по дорогой цене, достал входной билет на концерт и, таким образом, я все же попал в помещение театра.

Когда я пришел в театр, то зал оказался уже переполнен, и я со своим входным билетом еле-еле втиснулся в самом конце зала. Все первое отделение простоял, сильно стиснутым между другими посетителями, так что и пошевелиться было трудно. Никогда я еще не видел такого переполнения театра: все решительно было занято публикой, все помещения для оркестра, перед сценой, а галерея прямо ломилась от публики.

Первое отделение все пришлось простоять, а в антракте встретил двух певцов архиерейского хора, которые предложили мне сесть с ними в партере. Так как никто из нас не был особенно толстым, то мы втроем кое-как поместились на двух сидячих местах.

Первое отделение концерта состояло из духовных произведений, а второе было светского характера. Должен сознаться, что более спешегося, сильного по составу голосов и более тонкого по художественному исполнению мужского хора я до сих пор не слышал и, наверное, не услышу никогда. Это был хороший и очень тонко и хорошо настроенный инструмент-орган. Великолепные, круглые и полные могучие басы и беспредельно высокие нежные тенора, в особенности, 1-е, а солисты хора – настоящие артисты. Замечательно красиво в первом отделении и очень убедительно провели они «Верую» композитора Гречанинова – соло тенор <ов> с хором. Соло пел очень хороший тенор. Во втором отделении незабываемо звучали «Серенада» Абта и «Эй, ухнем». Певцов всего 36 человек, но какую звучность, какую силу развивает хор, не делая при этом никаких выкриков и не форсируя звуков.

«Эй, ухнем» начинали они с пиано-пианиссимо, казалось, слышен был бы даже полет мухи. А затем постепенно, почти незаметно переходили на форте-фортиссимо. Вот уже казалось – все: больше не дадут звучности. А глядишь и поражаешься – звучность все нарастает и нарастает. Весь зал гремит. А они все еще дают. Кажется, стены развалятся, и все это без крика, а потом постепенно, чуть заметно, переходят на пиано-пианиссимо и заканчивают чуть слышно, так что кажется, это не 36 человек хора поют на сцене, а где-то далеко-далеко в большом отделении слышится только эхо. Замечательная певучесть хора, никаких лишних пауз и передыханий хора нельзя заметить. Публика прямо неистовствовала: после каждого номера следовал оглушительный гром аплодисментов. Если посмотреть по сторонам или оглянуться назад, то увидишь, что у всех глаза горят, кто плачет, кто радостно смеется, лица у всех восторженные, красные, и все кричат «Бис-бис...».

Хор Донских казаков в Риге. По завершении утренней литургии с участием хора в Христорожественском соборе архиепископ Иоанн благословляет хор иконой Божией Матери. В центре – архиепископ Иоанн (Поммер), с иконой в руках – руководитель хора С. Жаров. Слева от архиепископа Иоанна – неизвестный церковнослужитель, далее – настоятель Христорожественского собора митрофорный протоиерей Кирилл Зайц; справа от архиепископа - неизвестный церковнослужитель, далее – настоятель Печерского монастыря епископ Иоанн (Булин; в митре), правее – протоиерей Иоанн Янсон (в очках), следом за тремя неизвестными – диакон Христорожественского собора Константин Дорин (с бородой и усами); перед К.Зайцем – иподиакон Александр Клявиньш (1914 г.р.). 5 февраля 1928. Фото из собрания О. Н. Клявини

Дирижер хора Сергей Жаров – очень маленького роста и весьма щедрый человек, но сколько в нем энергии и сил. Приходится удивляться. Видно, что он, дирижируя хором, весь живет, и каждый мускул в нем играет. Очень точны и энергичны все его движения. Одеты все певцы и сам Сергей Жаров были одинаково: черные суконные рубахи с кушаком, черные брюки-галифе, высокие сапоги, но конечно, без погон. В антракте я направился за кулисы, где познакомился с Жаровым и многими певцами. Там же оказались многие знакомые рижане, даже кое-кто из духовенства и, между прочим, приехавший из Печер (Эстония) епископ Иоанн³⁹. Между прочим, в разговоре с Жаровым, я его спросил, не собираются ли они посетить

с концертом также наш город Двинск, но оказалось, что после концерта они ночным поездом уезжают в Германию, так как на другой день вечером у них уже объявлен концерт в городе Кенигсберге.

После второго отделения публика долго не отпускала хор, все заставляли его петь на «бис», пока наконец в зале не стали тушить огни. Очень долго публика ждала выхода из театра Жарова, но, как потом говорили очевидцы, когда Жаров вышел с черного хода и хотел удрать, вскочив в такси, то публика заметила его бегство, бросилась к такси и со всем автомобилем качала его на «ура». Да, это был редкий хор, прекрасный хор, и слушать его доставляло истинное художественное наслаждение. Недаром, объездив всю Европу, Азию, Америку, Австралию и

Африку – весь мир, везде, во всех странах он пользовался неизменным успехом. Очень я сожалел, что почему-то тогда не поехала со мной в Ригу Шура Т<рубцакая>, а словами всего не перескажешь. Это нужно самому пережить. Позднее, в Двинской городской библиотеке мне попала книжка самого Жарова, в которой он замечательно описал всю историю своего хора, о том, как хор организовался, как они готовились к концертам, сколько труда и энергии вложили в свое любимое дело и как достигали колоссальных успехов. Очень занимательная книга, и, несмотря на то, что довольно объемистая она была, мы с увлечением прочитали ее за одну ночь. Не знаю дальнейшую судьбу этого славного хора, но как-то в одной газете прочел я заметку о том, что они где-то в Германии ехали автобусом и по дороге потерпели катастрофу, причем 18 человек было тяжело ранены.

Еще раньше, но точно не помню, в каком году, находясь в Риге, попал я случайно на духовный концерт, который устраивал певец Александр Федорович Янковский в Троице-Задвинской церкви и которым он сам управлял. Своего постоянного хора у него не было, но он собрал любителей пения из разных хоров Риги, подготовил их и дал свой концерт. Это был один из лучших местных духовных концертов, какие тогда бывали в Риге.

Хор был смешанный в 40 человек лучших голосов. Мне этот концерт очень понравился, и я был доволен посещением концерта. После этого, помню, Александр Федорович некоторое время управлял хором, составленным Лишиной-Бочаговой⁴⁰ в Александро-Невской церкви. Мне тоже раз пришлось петь панихиду с этим хором в Рижской Покровской церкви и, хотя хором управлял тогда Александр Федорович, мне пение панихиды очень не понравилось – слишком непривычно было исполнение панихиды на полной и даже чересчур

полной звучности хора, а я привык петь в хоре Архангельского на пианиссимо, что, по моему, более соответствует панихиде. Встретившись после панихиды с Александром Федоровичем и беседа с ним, я, между прочим, спросил его, чем объясняется такое исполнение, в каком проводилась панихида, на что он мне ответил, что это было требование «самой» Лишиной-Бочаговой, которая всегда вмешивается в управление хора, и что ему страшно трудно, почти невозможно работать с этим хором. Тут же Янковский спросил меня, и я дал свое согласие на участие в панихиде в день памяти композитора П. И. Чайковского. В этот день он собирался полностью петь панихиду композиции А. А. Архангельского. Но из этого ничего не вышло, т.к., очевидно, из-за неладов с этой, с позволения сказать, «дамой», Янковскому пришлось бросить работу в хоре, а вскоре и весь хор развалился. Не поняла Лишина-Бочагова Янковского, который неизмеримо больше понимал в хоровом пении, и много видел и слышал, сам много лет пел и в Риге, и в Москве в Синодальном хоре, под управлением такого знаменитого хорового дирижера как Данилин⁴¹. Наконец, и по музыкальному образованию (окончил консерваторию) стоял намного выше ее.

После этого А. Ф. Янковский занимался преподаванием пения в школах, а также пел в радиophone. Янковский – тенор лирического тембра, по консерватории – ученик, в свое время, очень хорошего, тоже лирического тенора, профессора Паула Сакса. Между прочим, он сам учился 7 лет в Италии.

Но судьба не сулила Янковскому долго петь. Не помню, в каком году, летом, он пел концерт в Дзинтари. Исполнив свою программу, пошел в артистическую уборную, внезапно упал и умер от разрыва сердца всего в 45-46 лет от роду.

Был у Янковского еще один план: дать по радио, а также напеть на память с хором

бывших семинаристов (бывший мужской хор «Перконс»). Этот хор просуществовал более⁵⁰ лет и в свое время пользовался некоторой известностью и за пределами Латвии. За время его существования регентами были знакомые мне лица, как И. П. Михельсон, П. Грузна⁴², Милгравис. Управлял им одно время А. Ф. Янковский. Последнее время этот мужской хор уже с концертами не выступал, а находился в стадии своего распада.

Янковский задумал его вновь собрать, подготовиться и дать концерт, как бы прощальный, и кое-что из исполненных произведений на память записать на патефонные пластинки. Я, хотя и не был постоянным участником хора, но многих певцов знал лично. Когда Петр Иванович Берзинь как-то ездил в Ригу и встретился с Янковским, последний предлагал ему, а через него и мне принять участие в этом концерте, обещал прислать нам ноты и сообщить заранее, когда будут репетиции и самый концерт, чтобы мы могли приехать в Ригу. Но преждевременная смерть Янковского не дала возможности осуществиться его плану. Умер он в самом расцвете своего таланта – прекрасный регент, хороший певец и организатор. Такова судьба человека! Не знаешь, что тебя ждет в ближайшем будущем!

В Двинске я продолжал петь в хоре у Котовского, а также в хоре Латышского певческого общества, но в последнем стал реже бывать, так как стало как-то «скучно» и ничего выдающегося не предвиделось, а когда хором стал управлять преподаватель народной консерватории Фейл⁴³, я совсем ушел из хора, т.к. Фейл оказался скучнейшим «метрономом», только отбивающим такт. Чем-либо заинтересовать певцов, а тем более увлечь их исполнением он совершенно был неспособен, и получилось наискучнейшее «казенное» пение.

Вскоре и само певческое общество ликвидировалось, а часть хора перешла к

Латышскому национальному обществу, где управлял хором тот же Фейл.

С Шурой Трубецкой я продолжал встречаться каждый день, если не на спевках или службах, то часто заходил к ней, и так к ней привязался, что не мог без нее уже обойтись и она стала мне необходима как воздух... Бывал я также несколько раз у них в Михалове. Все это, конечно, не могло ускользнуть от внимания моей жены, и потому дома были постоянные ссоры и всякие недоразумения, а когда жена получила от какого-то «услужливого друга» анонимное письмо, в котором описывались мои частые посещения Шуры Трубецкой, то жизнь дома для меня стала невыносимой. Но было ясно, что я крепко, крепко полюбил Шуру и она меня тоже любит. Далее такое положение продолжаться не могло, это стало очевидно для нас троих. Обсудив положение с женой, мы пришли к заключению, что нам надо расстаться и по обоюдному согласию просить суд о разводе нашего брака. В июне 1930 года состоялся развод, причем, я обязался платить бывшей жене и сыну алименты; и в том же 1930 г. 10 августа в Михалове состоялось наше с Шурой венчание. Таким образом, женой моей стала Шура Трубецкая, а бывшая жена еще до развода переселилась с сыном в Ригу. Я был счастлив, и во время венчания сам пел с хором «Отче наш» (пел состоявший из знакомых мужской хор под управлением И. К. Котовского). Другого такого случая, когда жених поет – я не знаю и не слышал. Вряд ли придется петь во время похорон! Тут уж будет крышка!!! После свадьбы уже ничего не мешало нам всегда быть вместе и принимать участие в хоровых начинаниях и совместных поездках.

В период с 1930 по 1940 гг. приезжали в Двинск и два рижских мужских хора – хор Рижского просветительного общества под управлением Михаила Гривского⁴⁴, приблизительно в 40 человек и хор под

Свадьба Владимира Михайловича Антипова и Марии Никаноровны Трубецкой. Первый ряд (слева направо): диакон Иоанн Трубецкой, диакон Василий Рушанов, неизвестный, протоиерей Феофан Борисович, протоиерей Иоанн Янсон, о. Никанор Трубецкой, о. Димитрий Захаров, неизвестный, Александра Грундуле (ур.Трубецкая). Второй ряд: матушка Милица Трубецкая, диакон Владимир Ефимов, Евфросиния Трубецкая, матушка Александра Ивановна Трубецкая, Михаил Михайлович Антипов (с усами), матушка Ольга Михайловна Янсон с сыном, матушка Мария (жена Феофана Борисовича), Михаил Трубецкой, Феодосия Ивановна Кусочек (сестра А. И. Трубецкой) Б. Грундулис. Третий ряд: первый слева – Павел Трубецкой (в белой рубашке с поясом), по центру – новобрачные, справа у крайнего столба – Екатерина Трубецкая (в замужестве – Целмс; в кофточке в цветочек), за нею ее муж – Жан Целмс. Село Михалово. Июнь 1934 г.

управлением Германа Родионова⁴⁵, поменьше, человек 20-25. Какой из них был лучше, теперь сказать трудно, у каждого из них были свои достоинства и недостатки: хор Гривского был больше, но в хоре Родионова, пожалуй, были голоса получше, как, например, пел в хоре А. Вилюманис⁴⁶ (теперь народный артист ЛССР), Р. Вейде (теперь солист Латвийской филармонии), хороший бас Вояржинский⁴⁷, тенор Буцен и другие. Но, с другой стороны, хор Гривского, пожалуй, звучал полнее по числу голосов и участию в хоре октависта [А. А.] Амосова (из архиерейского хора). Как Гривский, так и Родионов, оба хорошие регенты, оба хорошо понимающие хоровое пение, а

Родионов к тому же окончил Московское Синодальное училище. Октавист Амосов был неплохой бас, но с очень большим самомнением, а на нижних нотах у него заметны были горловые звуки. Оба пели хорошо, но конечно, далеко и далеко им было до спетости и мощности и исполнения такого хора, как хор Сергея Жарова.

Приезжал в Двинск из Риги и латышский смешанный хор под управлением Озолина, но этот хор с преобладанием женских голосов ничего из себя не представлял в хоровом отношении, а потому о нем мне нечего писать. Бывал у нас в Двинске и рижский мужской квартет в составе: 1-ый тенор – В. Неплюев⁴⁸, 2-ой тенор – А. Гривский⁴⁹,

1-ый бас – П. Торский и 2-ой бас Разуваев⁵⁰ (теперь Заслуженный артист в хоре филармонии). Пели они очень прилично, всегда пользовались большим успехом у публики, но далеко, конечно, их исполнение от всемирно известного квартета Кедровых, хотя и они побывали с концертами кое-где за границей. Но зато и пьянствовали они слишком немилосердно, так что баритон П. П. Торский, не выдержав такой жизни, через некоторое время из квартета выступил, и его заменил некто [Петр] Воронков, которого я совсем не знал. Помню, как однажды, когда я устраивал в Двинске музыкально-вокальный благотворительный концерт, в котором по уговору должен был принять участие и квартет под управлением А. Гривского, перед самым концертом приехал из Риги профессор-тенор П. Сакс и привез мне письмо от Гривского, в котором он извинялся и сообщал, что по случаю болезни баса Разуваева квартет приехать не может. Понимать это письмо, конечно, мне пришлось иначе, причина, очевидно, была не болезнь Разуваева или кого-либо из участников квартета, а просто пьянство, которое впоследствии и загубило В. Неплюева и А. Гривского, которые окончательно запили и в скором времени, будучи еще молодыми, умерли. На концерте пришлось мне спешно, что называется, на ходу, изменить программу и заменить квартет выступлением пианиста и духового оркестра, который оказался тут же, т.к. был приглашен для следующих за концертом танцами. Больше я квартет Гривского, конечно, никогда не приглашал. В настоящее время из участников квартета жив только Разуваев, так как сравнительно недавно умер и П. П. Торский.

Вспоминается мне еще один концерт, на который я пригласил теперешнего народного артиста – баритона Александра Вилюманиса и колоратурное сопрано, теперь тоже народную артистку Эльфриду Пакуль⁵¹,

которая в то время имела еще хороший голос. Но каково было мое удивление, когда Пакуль на мое письмо, в котором я просил ее программу спеть, ввиду смешанного состава публики, наполовину по-латышски, наполовину по-русски, письмом же ответила мне, что на русском языке она отказывается что-либо петь. Конечно, и мне пришлось отказаться от ее участия в концерте, и пригласил я тогда сопрано (теперь народную артистку) – Веру Ивановну Крампе⁵², которая охотно согласилась принять участие в концерте, а также артиста Русской драмы, хорошего рассказчика Всеволода Орлова⁵³. Но какова эта Пакуль! Тогда не могла петь по-русски, а теперь вдруг поет по-русски и даже по радио, хотя голос ее по-моему, совсем пропал и ей давно пора прекратить свои выступления. Слышал я несколько лет назад ее выступление на концерте здесь, в Кулдиге, и должен признать, что кроме легких народных латышских песенок, она ничего петь не может.

Довольно часто ездил я в Ригу и всегда посещал и пел в соборе в архиерейском хоре, которым после смерти регента Михельсона одно время управляла одна из его дочерей, а затем Герман Родионов. Как он, так и певцы хора всегда меня дружески встречали и просили их не забывать.

Однажды летом, когда мы с Шурой направлялись в отпуск в Салацгриву и на несколько дней остановились в Риге, меня пригласил Филимон Ратниекс⁵⁴ принять участие в составленном им мужском хоре человек 18-20 для поездки с концертами тоже в Салацгриву и Айнажи. Меня это вполне устраивало, и после 2-3 репетиций мы на грузовой машине отправились в Салацгриву. Поездка была очень веселая и даже интересная. В один день успели в двух местах дать 3 концерта. В Салацгриве дали днем духовный концерт, а вечером светский на латышском языке, в котором я не участвовал, а в промежутке съездили

на машине в Айнажи (14 км.) и там дали духовный концерт. Состав хора был хороший, и концерты прошли очень прилично, после чего хор вернулся в Ригу, а мы с Шурой остались проводить мой отпуск в Салацгриве.

Вернувшись с окончанием отпуска в Двинск, мы с Шурой продолжали петь в хоре Котовского, а иногда участвовали и в других хорах с регентами Клемешовым⁵⁵ и Яковлевым. Оба они были регенты очень слабые и малоразвитые, в особенности, первый из них – ни знания, ни опыта дирижирования, ни даже музыкального слуха не имели. Так, как-то раз вздумал Клемешов петь «Херувимскую» из заупокойной обедни композитора А. А. Архангельского и испортил ее до неузнаваемости. «Херувимская» эта написана с большим чувством, проникнута глубокой скорбью, печалью и требует очень тонкого и серьезного исполнения, начинаясь с «pp» и нигде не переходя на «ff». У Клемешова же она получилась сплошным грубым и резким криком, так что я не выдержал и в местной газете поместил небольшую критическую статью вообще об исполнении хора Клемешова и об исполнении этой «Херувимской», в частности, указав на эти грубые недостатки исполнения и, между прочим, выразился, что хор Клемешова, совершенно

искажив замысел автора, не спел «Херувимскую», а просто прокричал ее. В ответ на мою статью Клемешов тоже написал совершенно необоснованное и необидительное «опровержение», в котором главным образом оправдывался различными вкусами у разных людей. Такое грубое и совершенно произвольное толкование замысла автора лишней раз показало только, что Клемешов не понимал характера исполненной им композиции, что доказывало его некультурность и малограмотность в хоровом пении. После этого мы долгое время с Клемешовым даже не разговаривали, и я больше не показывался в его хоре. А до этого случая мне много приходилось с ним беседовать и указывать на многие недостатки его хорового пения, на его грубые ошибки и неправильное толкование того или иного песнопения, но на него почти ничто не действовало или, вернее, он просто многого, по своей музыкальной некультурности, просто не понимал. Так, например, у него в пении никогда не получалось пиано, все почти пелось полным голосом или же получался сплошной крик, а о каких-нибудь нюансах, конечно, и говорить не приходилось.

Немногим лучше был и другой регент – Николай Яковлев, с которым мне тоже приходилось иногда петь. Этот, пожалуй, понимал в пении больше и как-то на него больше можно было воздействовать.

Совершенно иного характера был Николай Гаубштейн – простой рабочий Двинских железнодорожных мастерских. Пел он партию баса в хоре И. Котовского и ничем особенным не выделялся. Но зато он часто прислушивался к разговорам моим с И. Котовским, часто я ему тоже рассказывал о московских хорах, о знаменитых дирижерах, певцах, и ему самому захотелось попробовать управлять хором. Музыкального образования у него, конечно, никакого не было, да и вообще образование было небольшое, но он зорко следил

за управлением Котовского, немного поучился у него, как нужно управлять хором. Видимо было, что хоровое пение его очень заинтересовало. Через некоторое время он собрал мужской светский хор человек 25 и вскоре стал выступать с концертами. Всегда он приглашал меня посетить его концерты и всегда очень ждал, когда я выскажу ему свое мнение, с которым он, видимо, очень считался. И, действительно, приходится признаться, что действительность превзошла все мои ожидания. Ведь действительно, чего можно было ждать от такого малоразвитого в музыкальном отношении человека, как Гаубштейн. Но к моему удивлению, он сравнительно многого достиг, видно было, что много труда и энергии он вложил в дело. Между прочим, у него в хоре чисто и довольно хорошо звучало иногда «пиано-пианиссимо», а те вещи, где хор поет с закрытым ртом, звучали очень прилично. В исполнении чувствовалось, что у него имеются некоторые способности управлять хором, а, главное, сильная любовь и горячее желание к хоровому пению, но нет еще необходимых знаний и опыта. В своих суждениях об его исполнении я всегда был очень сдержан, так как знаю, что большие похвалы часто приносят не пользу дела, а развивают так называемое зазнайство и большое самомнение. Похвалив его, я все же каждый раз указывал ему на недостатки исполнения и всегда советовал ему работать и работать. Это было довольно светлое явление в нашей провинциальной жизни. Хор Гаубштейна пользовался некоторым успехом и у местной публики, но все же у него нашлись, главным образом из зависти, а скорее, по своей глупости, и некоторые недоброжелатели, главным образом, среди местных русских регентов и певцов, которые очень скептически относились ко всему его делу, всячески его критиковали и подсмеивались над ним. Еще бы, как это такой выскочка, тщедушный невзрачный

человек с косым глазом, малообразованный рабочий, мог создать мужской хор, а они этого сделать не могли?! Никогда, ни на одном концерте этого хора никто из них, кроме регента Котовского, не бывал, что объясняется, по-моему, тем, что они и не интересовались никогда хорошим пением, но брались судить и рядить других с заранее предвзятым мнением: что, мол, может показать им такой регент, как Николай Гаубштейн! Отчасти благодаря всему этому, а может быть, и сам Гаубштейн был виноват в том, что не сумел заинтересовать своих певцов и внушить им любовь к пению как человек малоопытный в этих делах, но, действительно, хор просуществовал года два и распался. Да, это, можно сказать, общее явление провинции – ничто долго не держится.

В хоре Котовского мы с Шурой продолжали петь по-прежнему. Чтобы поддерживать дух хорового коллектива и немного разнообразить жизнь его, иногда удавалось, кроме концертов в городе, устраивать поездки в провинцию, чему певцы всегда были

Кульнево (Илзескалнс). На заднем плане – участники Дней русской культуры. 1930 г.

весьма довольны, так как, по-видимому, это доставляло им удовольствие. Так мы ездили с духовными и светскими концертами в Краславу, Корсовку и Михалово. Нельзя сказать, что мы хорошо пели, но концерты в провинции всегда проходили с успехом, и публика оставалась довольна

ими. Вспоминается мне еще одна поездка летом в Кульнево (Илзескалнс, где находится храм-усыпальница генерал-майора Я. П. Кульнева), бывш<ее> Абрэнского уезда.

Ездили мы с семьей Трубецких из Михалово на какой-то праздник, кажется, на Ильин день. Задумали там пропеть обедню своими силами. Кроме нас с Шурой, пели Шурины три сестры и два брата. Кроме того, пел какой-то казак-тенор из кубанских казаков. Подошла к нам петь и бывшая артистка Мариинской оперы – Тихонова, но она вскоре отстала от нашего хора, наверное, решила, что ее голос не подходит к нашему «ансамблю» или не знала того, что мы пели. Она все стояла около нас, присматривалась и прислушивалась. А у нас получалось довольно хорошо и стройно. Управлял этим хором из 8 человек старший брат Шуры – Николай. После обедни, при выходе из церкви, Тихонова подошла сама ко мне и стала говорить о том, что мы очень хорошо пели, что у меня великолепный голос и выразила удивление моему дыханию и даже сказала: «Как Вы славно своим дыханием и голосом держали весь хор, и как это было красиво и солидно». Мы с Шурой куда-то спешили, а потому скоро попрощались с ней, поблагодарив ее за приглашение посетить ее в ее усадьбе, и пошли по своим делам.

Дома у себя мы купили хороший большой радиоприемник и часто слушали передаваемые из Москвы оперы из Большого театра и разные концерты.

Слушали часто из болгарского Софийского собора обедни, которые пел очень большой хороший мужской хор. Пел он прекрасно, голоса были великолепные, и всегда было приятно послушать такое прекрасное исполнение. Слушали мы передачи из других стран, как, например, из Финляндии, Эстонии, Германии, Югославии, Румынии и других. Слышали и из Парижа

митрополичий хор под управлением Афонского⁵⁶, но должно признать, что особого впечатления он на нас не производил.

Сами мы продолжали петь в хоре Котовского, а я, кроме того, иногда принимал участие, как и раньше, в Латышском мужском двойном квартете, выступая на некоторых благотворительных концертах, но эти квартеты меня совершенно не удов-

Протоиерей Иаков Карп. Ноябрь 1936 г. Рига

летворяли, так как хороших голосов среди участников квартета не было, и пели, скажу откровенно, очень неважно и как-нибудь, лишь бы что-нибудь спеть и тем заполнить программу.

Ездили мы с Шурой как-то в Кокнесе на похороны архиепископа Якова⁵⁷, где пели обедню в составе местного латышского хора, а затем мне пришлось в составе рижского соборного квартета петь и отпевание. Пение самое простое – без всякого подъема и воодушевления!

Помню, что раз мы из Двинска выезжали в составе 6 человек во главе с И. Котовским в г. Якобпилс на пополнение местного

небольшого хора, где пели архиерейские службы. Но все это было уже не то, к чему я привык и что когда-то переживал! Три лета по месяцу проводили мы с Шурой в Кемери, где всегда пели в местной церкви. Там часто мы слушали симфонические концерты. Вспоминаются мне гастролы Варшавского дирижера, профессора Бердяева. Какой прекрасный дирижер! Попал я раз к нему на репетицию оркестра и так увлекся его дирижированием, что просидел, слушая его, до самого конца репетиции, и даже уходить не хотелось. Репетировал он, между прочим, «Шехерезаду» и делал оркестру удивительно тонкие и целесообразные указания, многие места заставлял оркестр повторять по несколько раз по его указаниям, добиваясь такого исполнения и звучания, какие находил нужным. Очень зорко следил он за каждым инструментом и часто указывал на сделанные ошибки и допущенные неточности в исполнении. Приятно было видеть его мастерство и чувствовалось его большое дарование. Видно было, что он работает с увлечением и оркестр его понимает и вполне подчиняется всем его указаниям.

На одном симфоническом концерте, на который Шура почему-то не пошла, выступал солист Чикагской оперы бас-баритон Серж Беннони (который все же оказался белорусом Сергеем, но фамилии теперь не помню). Это был великолепный, приятного тембра, с большим диапазоном и прекрасной дикцией большой голос. Пел он очень хорошо, и так он выступал и во 2-м отделении программы, то в антракте мне пришлось бежать домой за Шурой, ибо мне хотелось, чтобы и она послушала выдающегося певца. Она сейчас же пришла со мной и была довольна, что ей удалось услышать такого певца.

В то же время я, не прерывая связи с рижским архиерейским хором, часто посещал хор, бывая в Риге, и всегда в такие

поездки в Ригу пел в соборе, а иногда и в Покровской церкви, а один раз устроил поездку архиерейского хора в Двинск, где хор дал духовный концерт из произведений Чайковского, Чеснокова, Архангельского и других композиторов. После концерта, по подписке среди знакомых и любителей пения, среди двинчан, был устроен хор в городском клубе ужин, за которым, между прочим, много пели и по-русски, и по-латышски. Певцы хора были очень довольны этой поездкой в отдельном вагоне. На концерте пели хорошо, и все остались очень довольны концертом. Я тот раз в концерте в хоре участия не принимал, так как был занят по устройству самого концерта и, кроме того, мне самому со стороны хотелось послушать концерт. Хор был сравнительно небольшой – человек 20-25, и управлял им И. П. Михельсон, состав хора был хороший, так в его составе, между прочим, был хороший бас, впоследствии солист Лиепайской оперы – Латышев⁵⁸, было одно прекрасное сопрано с колоссальным диапазоном (фамилию теперь не помню) и другие очень хорошие хоровые голоса, а октавист был Амосов. Публика была довольна концертом, и многие благодарили меня за устройство столь приятного концерта.

Приходилось мне петь и на взморье, в Дубултах и Дзинтари, а выезжая по делам службы в другие города Латгалии, как Балви, Абрене, Лудза, Резекне, я всегда заходил там в церкви, чтобы попеть. Все это, конечно, маленькие провинциальные хорки и особого интереса собой не представляли, но я ходил петь, потому что чувствовал какую-то потребность в пении и не мог обходиться без него. Из всех этих хориков наибольший (человек 20) был в Абрене и пел лучше других подобных хоров (управлял им некто Николаев). А вот в Балвах встретил своего старого знакомого еще по Александровской гимназии Альфонса Мишке⁵⁹, который там управлял православным церковным хором,

Хиротония притоерея Адама Витолса во епископа Александра Ерсикского. Слева направо в первом ряду: неизвестный, епископ Иаков (Карп), митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус), митрополит Августин (Петерсон), архиепископ Карельский и всея Финляндии Герман (Аав), епископ Александр (Витолс; в мантии, с посохом), протоиерей Иоанн Янсон, за ним справа – протодиакон Василий Мельников. Даугавпилс, Борисо-Глебский собор. 17 июля 1938 г.

хотя сам был лютеранином, и характер и особенности православного церковного пения, конечно, были ему малоизвестны. Но Мишке был очень музыкальным человеком – он, кроме Юридического факультета Московского университета, окончил и Московскую консерваторию по классу рояля и был прекрасным пианистом. Еще будучи в гимназии учеником он проявлял большие музыкальные способности и часто выступал на концертах, пользовался большим успехом у слушателей. Но беда его состояла в том, что очень рано, еще в гимназические годы стал сильно пьянствовать и в конце концов совсем спился. Что его влекло управлять церковным хором и много ли мог заработать – не знаю, наверно, какие-нибудь гроши, да и те, кажется, пропивал. А жаль, с его образованием и музыкальными способностями мог бы лучше устроиться. Одно время он занимал даже должность по судебному ведомству, но,

совершив служебное преступление, попал в тюрьму, а выйдя из нее, совсем спился. Во время немецкой оккупации, когда я работал в психиатрической больнице счетоводом, Мишке привезли в больницу в белой горячке, и на него была надета смирительная рубашка. Так много талантов погибает из-за ужасного пьянства!

Три раза мне приходилось участвовать в традиционных латышских так называемых Праздниках песни: два раза в Двинске и один раз в Риге. Первый раз в Двинске в Праздник песни, кроме общего латышского хора, отдельно выступали и хоры национальных меньшинств: русский объединенный (человек 60-65) под управлением Котовского, польский и еврейский. Из хоров меньшинств на первом месте по исполнению оказался русский хор. Латышский объединенный хор достигал 800-900 человек. Я участвовал и в латышском и русском хорах. Второй раз в Двинске я участвовал в

латышском хоре (русского не было), достигшем 1 500 человек, а третий раз в Риге в хоре до 8 000 человек. Управляли хорами лучшие латышские хоровые дирижеры – Рейтер, Теодор Калныньш и другие. Но я не люблю такие массовые хоровые выступления, так как нет никакого художественного исполнения. Поет масса, причем, большинство в национальных костюмах. Эта пестрота, может быть, и производит на некоторых слушателей известное впечатление, но музыкального художественного удовольствия тут, по-моему, нет никакого. Я сторонник серьезного художественного хорового исполнения, и потому такие массовые выступления меня мало интересуют.

Точно не помню, но, кажется, в 1938 году в Двинске происходила хиротония епископа Александра⁶⁰, к которой готовился объединенный хор под управлением Котовского. Хор образовался приблизительно человек в 60. Хор усиленно готовился к этому выступлению, так как на хиротонию ожидалось много народа и среди него много инославных, а также были гости из Эстонии и Финляндии. Первая половина обедни передавалась по радио. Хор подготовился довольно хорошо, и больших недостатков в исполнении хора не было. Наиболее удачно были исполнены «Херувимская» Музыка. Кое-что во время службы исполнял детский хор Закревского⁶¹. Ребята пели очень стройно и с большим воодушевлением. Видно было, что они положили много трудов в подготовке к этому выступлению.

В 1940 году в Двинске организовался при Городском клубе так называемый «рабочий хор». Я и Петр Иванович Берзинь тоже стали петь в этом хоре. Хор был смешанный, и были в хоре некоторые очень хорошие голоса. На репетициях хором управляли два регента – Свенне⁶² и вторым, как будто, был Скудра, а на концерт, который давали в большом зале «Виенибас нама», приехал из Риги дирижер Абрамис,

который, проведя с нами 2-3 репетиции, сразу поставил хор на должную высоту. Всегда я был такого мнения, что очень много может сделать хороший опытный и любящий хоровое пение дирижер, а Абрамис в этом отношении был прямо прекрасен и с ним было приятно и легко петь. Концерт прошел очень хорошо. К сожалению, хор дал только один концерт, и с вступлением в город во время начавшейся войны немцев распался и перестал существовать.

Еще до немецкой оккупации, как будто весной 1941 года, гастролировал у нас в Двинске Краснознаменный Ансамбль имени Александра⁶³. По правде сказать, большого художественного впечатления он на меня не произвел – я ожидал гораздо большего. В хоре есть прекрасные голоса как солистов, так и певцов хора, но... сопровождение оркестра не дает возможности почувствовать всей тонкости хорового исполнения. Получается нередко впечатление, что не хор поет, а оркестр только аккомпанирует, а наоборот – хор подпекает оркестру. Не знаю, может быть, у меня получается такое впечатление, потому что я привык больше иметь дело с чисто хоровым исполнением без сопровождения, но мне всегда кажется, когда хор поет в сопровождении оркестра или рояля, что хор теряет свое действительное лицо, свою настоящую звучность, и в таком ансамбле играет роль второстепенную. Когда хор поет в сопровождении оркестра, трудно уловить все тонкости исполнения хора, так как оркестр часто заглушает хор, в особенности, духовые инструменты. Правда, несколько номеров программы, как например, «Бандуру», хор спел без сопровождения оркестра и, по-моему, получилось совсем иное впечатление о хоре, как о вокальном коллективе, но все же, в общем, я ожидал от этого ансамбля гораздо большего.

Вообще, по-моему, в последнее время почему-то все меньше и меньше слышатся хоры без сопровождения; почти каждый

Борисо-Глебский собор в Даугавпилсе. Второй ряд справа налево 6 в ряду – Борис Грундулис, иерей Николай Жунда, епископ Александр Витолс, настоятель собора протоиерей Иоанн Крампис, диакон Симеон Варфоломеев, перед ним его дочь София. 1938-1939? гг.

хор выступает в сопровождении оркестра, либо рояля. Мне лично кажется, что и певцы таких хоров поют с меньшим интересом, чем в чистом хоровом коллективе, так как, когда хор сопровождает оркестр, то все недостатки и ошибки заглушаются оркестром и от певцов не требуется такого внимания и той точности исполнения, как в хоре «а капелла». Образцами такого чистого хорового исполнения являются Ленинградская Академическая капелла и Русский Государственный хор под управлением профессора Свешникова, да, пожалуй, еще украинская «Думка», хотя последнее время тоже стала слабее, чем была несколько лет тому назад.

Теперь мне не приходится слышать на эстраде хорошего вокального хорового исполнения; сюда, к нам в Куддигу, такие не являются, за исключением Латвийского Академического хора филармонии, а потому приходится довольствоваться только радио, которое, конечно, никогда в точности не передает все тонкости хорового исполнения.

Только один раз в 1950 году мы с Шурой, будучи в то время в Риге, попали на концерт Ленинградской Государственной капеллы. Ставили они тогда «Реквием» Верди. Хор прекрасный, до 100 человек, но пели, конечно, с оркестром, которым управлял дирижер Леонид Вигнер⁶⁴, а хотелось бы послушать этот знаменитый хор без сопровождения оркестра. Правда, на другой день они давали концерт «а капелла», но мы не могли остаться в Риге, и на другой день я слушал хор только по радио, а это уже не то, что на эстраде. Хор все же прекрасный и по своему составу и по исполнению. Сравнительно недавно как-то по радио удалось слышать исполнение Русским Государственным хором под управлением проф. Свешникова хоровые произведения композитора Танеева. Тоже великолепное и тонкое художественное исполнение, но, к сожалению, очень редко и редко можно по радио услышать подобные концерты. В большинстве своем все эти хоры выступают

почти всегда в сопровождении либо оркестра, либо рояля, а это, по-моему, очень часто умаляет значение и достоинство хора. Это то же самое, когда аккомпаниатор по своему недомыслию или из каких-либо других побуждений глушит солиста-вокалиста, которому он только аккомпанирует. Это случается довольно часто. Но однажды мне в Двинске пришлось слышать замечательного аккомпаниатора. Был какой-то концерт в крепости, на котором выступала певица – солистка Латвийской оперы. Певица довольно заурядная, но благодаря аккомпаниатору, певица, в общем, выигрывала. А аккомпанировал ей великолепный опытный пианист профессор Миклашевский⁶⁵. Так нежно, так тонко и чутко он аккомпанировал, что можно было заслушаться и удивляться его музыкальности. Лучшего аккомпаниатора я никогда не слышал. После концерта, встретившись с Миклашевским, в разговоре с ним я и прямо ему сказал, что аплодировал не певице, а ему – аккомпаниатору, на что он мне ответил: «Надо же было помочь певице». А ведь часто бывает так, что аккомпаниатор забывает свою роль и всю старается барабанить по клавишам, чем заглушает только солиста!

Ну вот, и мои воспоминания приходят к концу, как и сама жизнь моя! Было еще много разных незначительных случаев в жизни моей, но об этом не стоит и писать. Скажу только, что в драматическом искусстве много я видел (уже после Москвы) различных замечательных артистов, как например: Качалова, Павлова, Греч, Михаила Чехова и многих других. Слышал также все латышские хоры и лучших вокальных артистов того времени, как Кактыня⁶⁶, Приеднека-Каварро⁶⁷ и других. Но все это в прошлом, а теперь уже не приходится почти никого ни видеть, ни слышать!

После посвящения в Двинске епископа, мы с Шурой из хора Котовского перешли в архиерейский хор, хотя он ничего

70-летие Б. Грундулиса.
Сидят (слева направо): матушка Тихомирова, протоиерей Алексей Тихомиров, Борис и Александра Грундулисы, протоиерей Владимир Антипов, матушка Мария Антипова (ур. Трубецкая). Кулдига. 1959 г.

выдающегося собою не представлял, но мы перешли потому, что надо было поддержать престиж хора архиерейского, а мы были все же неплохими певцами. Управлял хором молодой регент Иванов⁶⁸, но одно время, хотя и довольно короткое, регентом был из Риги Алексей Федорович Попов. Хор тогда был в совершенном распаде из-за отсутствия певцов. Во время немецкой оккупации все замерло и никаких выдающихся событий, достойных записи, в хоровой жизни уже не было.

Наконец, в мае 1944 г. мое учреждение, где я тогда работал, со всеми служащими и имуществом, было эвакуировано в Кулдигу, где мы и теперь еще живем. Но тут еще меньше было возможностей услышать что-либо интересное в искусстве или самим принимать участие в каких-либо начинаниях. Правда, мы оба и тут продолжали путь в духовном хоре, но, по правде сказать, никакого настоящего хора здесь не было, а были отдельные любители пения, если можно назвать таковыми несколько человек, которые приходили петь, когда кому вздумается – в большинстве люди уже старые и к тому же безголовые, бесслухие и без всяких знаний пения.

В довершение всего не было даже ни одного тенора, спевков почти не устраивали

В гостях у Иоанна Трубецкого. Слева направо: протоиерей Владимир Антипов, братья Трубецкие: Николай, Иоанн, Михаил, Павел, Борис Грундулис. Огре, 1959 г.

и пели все самое простое, обиходное. Регента настоящего тоже не было, а управляя этим, с позволения сказать хором, местный псаломщик Арсений Лелнор – человек старый, ничего хорошего не видевший и не слышавший, а потому ничем не интересующийся и ко всему безразличный. Хором, в настоящем смысле этого слова, назвать этих любителей пения, конечно, нельзя, и, если бы мы втроем, т.е. Шура, ее сестра Домника и я не ходили петь, то совсем получился бы настоящий «хор братьев Зайцевых». Конечно, говорить о каком-либо художественном пении было бы даже смешно. А ходили мы петь потому, что привыкли к пению – ведь я, например, всю жизнь участвовал в каких-либо хорах. Но вот уже несколько лет Домника, по некоторым причинам, перестала ходить петь, а я в последнее время, в связи со своими болезнями, совершенно потерял голос и с октября прошлого года тоже больше не пою. Только Шура изредка еще заходила попеть, но тоже уже потеряла голос. Как все это печально! Ничего больше не оставалось в жизни! Пришла старость со всеми своими болезнями и недомоганиями. Даже и работать стало очень трудно! Ведь мне уже 67 лет! Большая часть моей жизни связана с хоровым пением. Пропел в хоре больше 60 лет!

А что сейчас осталось у меня? Разве что радиопередачи, чтение книг да мои

собственные воспоминания о былом времени, давно прошедшем и невозвратном! Читаю я, правда, очень много, в особенности люблю книги об искусстве, о театре и о жизни великих артистов, талантливых композиторов и художников. Читаю большей частью вслух для Шуры, которая бывает занята много шитьем и поэтому самой читать у нее нет времени. Хочется, чтобы и Шура поднялась до понимания великого и благородного значения искусства в жизни человека. И как будто в этом отношении мне много удалось сделать. Ведь когда мы с ней познакомились, Шура была еще провинциальной барышней, почти ничего в этой области не ведавшей и не слышавшей, а теперь уже во многом разбирается, как в музыке, так и пении много знает и понимает и ее, как говорят, голыми руками не возьмешь! Много я ей прочитал различных книг о жизни великих и замечательных людей искусства: о Фед. Ив. Шаляпине, об Ан. Вас. Неждановой, О. О. Садовской, К. С. Станиславском («Моя жизнь в искусстве»), о мастерах Московского Малого театра и его основателе – великом артисте Щепкине, книгу Локшина: «Выдающиеся русские хоры и их дирижеры», а также о великих ученых: Павлове, Менделееве, дневник композитора М. И. Глинки, о композиторах П. И. Чайковском, Рахманинове, Танееве, Скрябине, о жизни и творчестве художников Левитана, Айвазовского и очень много-много других книг, как по вопросам искусства, так и литературы. Все это, конечно, должно способствовать развитию художественных чувств у человека. В этом отношении совесть моя удовлетворена, делал все возможное, хотелось бы еще большего, но что поделать, когда возможности наши в Кулдиге были очень ограничены. Разве я когда-либо думал, что жизнь моя будет кончаться в таком захолустье, как наше. Конечно, нет и еще раз нет!

Борис и Александра
Грундулисы.
Кулдига. 1970-е гг.

Заканчивая свои воспоминания, я спрашиваю себя, не жалею ли я, что в молодости не последовал тем предложениям, которые мне в свое время делались в Москве? Должен, конечно, сознаться, что иногда кажется, что при моих задатках, может быть, и было бы лучше, и из меня получился бы какой певец, во всяком случае, не сидел бы в такой труппе, как теперь, но, с другой стороны, нельзя и знать, где бы вообще пришлось обретаться и как бы сложилась моя жизнь. Но как бы там ни было, на судьбу я не буду жаловаться – все же я в жизни много видел, много слышал, много поездил по России и побывал в различных городах. Так, например, никогда нельзя забыть 40-дневную поездку на пароходе по Москве-реке, Оке и Волге, затем поездку в Финляндию и т.д. Но обо всем этом писать не буду. Хватит и того, что уже написал, а это было главное для меня! Как мне хотелось бы и Шуре показать все то, что я в свое время видел и слышал, но теперь... к сожалению, все это невозможно... Остались только мои личные впечатления и воспоминания.

Мне бы хотелось еще раз мысленно пережить и вспомнить, а также записать то чарующее впечатление, какое на меня в то далекое время произвела Пасхальная ночь в Москве. Попробую это сделать, так как в памяти это сохранилось так отчетливо, как будто происходило совсем недавно.

Как я уже упоминал в своих записках, я впервые приехал в Москву в сентябре месяце 1909 года, когда поступил студентом в Московский университет. Так как мне надо

было подрабатывать, чтобы жить в Москве и учиться в университете, то я вскоре по приезде в Москву поступил также в церковный хор братьев Котовых, хор которых обслуживал две церкви. Я пел в хоре церкви Иоанна Предтечи, что на Новинском бульваре. Хор этот ничего интересного в художественном отношении не представлял, был небольшим, человек 18-20, состав часто менялся, одни певцы уходили, другие вновь поступали. Сами братья Котовы тоже были в музыкальном отношении почти профаны, но зато певцов хора эксплуатировали ужасно, платили им гроши, а некоторым и совсем не платили. На этой почве в хоре были постоянные недоразумения и скандалы. Мне вначале тоже что-то очень мало платили, а потом стали платить по 1 рублю за службу. Я в то время был очень скромным стеснительным молодым человеком, но каковы порядки в московских хорах [не знал], не знал ни певцов, ни регентов, но все же меня сильно возмущали действия наших «хозяев», и я постоянно ворчал и грозил, что уйду из хора. Котов меня постоянно успокаивал, обещая в скором времени прибавить мне зарплату. Но всему бывает предел, так и моему терпению пришел конец. Произошло это так. Когда Котов в Великий Четверг принял в хор какого-то своего родственника из провинции, как он его представил певцам, и поставил его на хорах рядом со мной, то я окончательно убедился, что петь в этом хоре я никак не могу. Когда этот, с позволения сказать, певец запел, то я сразу понял, что это человек без голоса и без слуха, и Котов его устроил в своем хоре исключительно для того, чтобы дать ему «заработок». Он изображал собою 2-го баса, с искусственно чисто горловой, резкой и крайне неприятной октавой – получался крайне отвратительный звук. Мы пели на хорах, и когда этот субъект старался изображать октаву, да еще с затяжкой на концах, то народ внизу

оглядывался, поднимая голову кверху. Получалось что-то отвратительное и противное. Я несколько раз указывал регенту Котову, но он не обращал внимание на это. После службы я окончательно разругался с Котовым, заявив ему, что я больше не пою в его хоре, и ушел от него. Несмотря на то, что после этого Котов три раза приходил ко мне на квартиру и сильно меня упрашивал не покидать его хор, обещал мне прибавку, я категорически отказывался вернуться к нему и, таким образом, это были первые Пасхальные службы, когда мне не пришлось петь в хоре. И только уже после Пасхи я поступил в хор А. П. Архангельского. Но свободные от пения дни я использовал на посещение московских церквей и имел возможность наблюдать, как Москва встречала Великий праздник Христова Воскресенья. Так, на другой же день, т.е. в Великую Пятницу, я отправился на вынос Плащаницы в церковь св. Пимена, что в Пименовском переулке, недалеко от того места, где я жил в то время. Там меня поразило прекрасное исполнение хором «Тебе Одеющагося» Турчанинова. Может быть, оно и не так уж прекрасно было исполнено, как мне тогда показалось, т.к. хор был небольшой, человек 18-20, но лучшего исполнения я до того времени еще не слышал, а потому оно мне показалось прекрасным. Был я и в других церквях, но подробностей сейчас уже не помню, да и нет надобности об этом писать, хочу перейти к главному, что я пережил.

Уже всю Страстную неделю было в городе заметно, что приближается Великий Праздник: кроме Великопостного звона в различных частях города заметно увеличилось и движение населения по городу как пешеходное, так и различного вида транспорта, все спешат, идут с покупками, магазины переполнены покупателями. А в Великую Субботу движение на улицах и в магазинах достигло своего апогея, в особенности на Тверской улице, на Петровке,

Кузнецком мосту и на других улицах. Перейти улицы даже было трудно. Весь день продолжалось это невероятное движение пешеходов, экипажей, машин и трамваев, в городе от гудков, звонков и покрякивания лихачей стоит невероятный шум, но к вечеру, после 6-7 часов вечера движение и шум постепенно начинает утихать, а после 9-ти часов, и в особенности после закрытия магазинов, и совсем прекращается всякое движение как пешеходов, так и всякого рода транспорта в городе. Устанавливается небывалая тишина, не слышно ни трамвайных звонков, ни гудков машин, и весь город погружается в полумрак. Получилось такое впечатление, что настала глухая ночь, и весь город безмятежно спит. Но на деле оказалось совсем иное. Выйдя на Садовую-Триумфальную улицу, где я тогда жил, недалеко от Тверской, я направился к Тверской, которая ведет на Красную площадь и дальше в Кремль. В том же направлении к Тверской тоже шли и отдельные пешеходы, и группы людей по тротуарам. И что же я увидел на Тверской улице? Оказывается, вся улица сплошь заполнена народом, не только тротуары, а и вся мостовая, причем, вся эта сплошная масса народу движется вниз по Тверской, по направлению к Кремлю. Я был поражен невиданным зрелищем, этой безмолвной массой народа. Никто не ведет, никто не командует этими толпами народа, не распоряжается, а в тишине и полумраке народ сам идет и идет. Попал и я в гущу народа и сразу почувствовал, что назад уже не выбраться, если бы и захотел, хочешь не хочешь, а надо идти, куда идет весь народ. Так меня общим течением принесло на площадь перед колокольней Ивана Великого, но все же мне удалось перебраться поближе к железной ограде, за которой находились Кремлевские соборы. Тут на площади все молча стояли сплошной стеной в ожидании. А на колокольне Ивана Великого в это

время четыре звонаря толстыми канатами полчаса раскачивали язык большого колокола в 4000 пудов. Говорят, что московские купцы – любители колокольного звона состязались друг с другом, суля звонарям за первый удар колокола деньги, причем, за то, чтобы первый удар колокола считался за тем или за другим каким-то купцом, давали начиная от 100 руб. до 1000. Это я слышал в Москве, а так ли было в действительности, не знаю. Вся площадь в безмолвной тишине застыла, нигде не слышно ни единого удара в колокол, ни гудка, ни звонка. Был тогда такой обычай, что до первого удара в колокол Ивана Великого никто не смел ударить раньше. Но вот и первый удар – земля задрожала под ногами, и над Москвой полился густой, бархатный, очень низкий звук (ведь колокол 4000 пудов). За ним последовали отдельные удары колоколов разной высоты и в различных направлениях Москвы – это, очевидно, везде началась «Полунощница». Как красиво перекликаются различные по звуку колокола! Толпы народа стоят безмолвно. Но так продолжалось сравнительно недолго, видимо, до окончания «Полунощницы». Но вот и 12 часов ночи. Тут я был совершенно поражен, когда услышал впервые московский «малиновый перезвон» всех «сорока сороков»; начиная с Ивана Великого, затрезвонили все московские церкви, стало очень светло от ракет, бенгальских огней, а из Успенского собора показался крестный ход. Впереди Синодальный большой хор в малиновых бархатных контушах, за ними духовенство в светлых парчовых облачениях и молящиеся сплошной массой. Пение хора за трезвонем всех колоколов не было даже слышно. Трудно описать все то, что я пережил в эту ночь. Помню, как сегодня, что сердце сильно билось, на глазах были слезы радости... земля дрожала

под ногами... Какой звон, какая музыка, какая непередаваемая красота. Нет слов для выражения переживаемого момента!..

Ведь сколько колоколов по всей Москве одновременно пело хвалебную песнь Воскресению Христову – трудно себе представить! Говорят, что в Москве было тогда «сорок сороков» церквей, а ведь в каждой церкви не один только колокол. Так, я знал, что на колокольне Сретенского монастыря имелось 47 колоколов, а если взять все монастыри, все соборы и приходские церкви, то какое количество получается – это тысячи и тысячи получается. Одновременным трезвонем и заполняется вся Москва и ее окрестности – получается что-то поразительное! Так как я находился сравнительно недалеко от ограды, то мне был довольно хорошо виден и Крестный ход. Туда, конечно, пробраться было невозможно, так как в Кремлевские соборы вход был доступен только для придворной знати и по билетам. После этого я почти всю ночь бродил по Москве и слушал звоны церковных колоколов. Где, в какой другой стране было возможно услышать такой величественный, такой мощный и незабываемый перезвон колоколов, какой мне удалось слышать в Москве в Пасхальную ночь? Конечно, никогда и нигде! Забыть этот Пасхальный звон Москвы невозможно, и до сих пор он слышится мне! Всю Пасхальную неделю, почти целые дни, с раннего утра и до позднего вечера раздавался перезвон колоколов, так как любителей потрезвонить всегда было много. Но одновременный трезвон всех церквей в Пасхальную ночь мне удалось слышать, вернее, переживать только раз в жизни, в 1910 году, так как остальные Пасхи в студенческие годы я уже пел в хоре А. П. Архангельского.

На этом я заканчиваю свои воспоминания!

Примечания

- 1 Основатель квартета – Кедров Николай Николаевич (1871-1940, Франция) – оперный и камерный певец, церковный композитор, педагог.
- 2 Архангельский А. П. – регент церкви Пимена Великого (Москва).
- 3 Фатеев Василий Александрович (1868-1942) – выпускник Санкт-Петербургской консерватории, композитор, регент Казанского собора.
- 4 Матвеев Александр Матвеевич (псевдоним – Васильев; 1876-1961) – оперный певец.
- 5 Богословский Сергей Александрович (1882-1929) – учитель пения, автор церковных песнопений, помощник регента в хоре А. П. Архангельского, регент московского храма св. Троицы Живоначальной на Грязех.
- 6 Степанова Елена Андреевна (1891-1978) – оперная и камерная певица.
- 7 Нежданова Антонина Васильевна (1873-1950) – оперная певица, педагог.
- 8 Тихон, Патриарх Московский и всяя Руси (1865-1925).
- 9 Чесноков Павел Григорьевич (1877-1944) – композитор, хоровой дирижер, педагог.
- 10 Петров Василий Родионович (1875-1937) – выдающийся русский певец-бас.
- 11 Попов Алексей Федорович – в начале 1920-х гг. регент рижского Христорождественского собора.
- 12 Микельсон Иван Андреевич (Miķelsons Jānis; 1871-1939) – выпускник Рижской Духовной семинарии, певец, композитор, руководитель хора б. рижских семинаристов «Перконс», долгие годы – регент архиерейского хора Латвийской Православной Церкви. О хоре «Перконс», созданном воспитанниками семинарии в основном для популяризации латышских народных песен, см.: Ш<алфеев> Б<орис>. 50-летний юбилей «Перконс-хора» // Сегодня. 1924. № 250. 02.11. С.8.
- 13 Розовский Соломон (1878, Рига-1962, США) – еврейский композитор, педагог, музыковед.
- 14 Глаголев Владимир Григорьевич (1898, Калужская губ.-1970, Рига) – церковный композитор, регент. В начале 1920 гг. – регент Борисо-Глебского и Александро-Невского соборов (Даугавпилс). В 1925-1951 гг. – регент Всесвятской церкви, в 1959–1961 гг. – Христорождественского собора, в 1961-1970 гг. – Свято-Троицкого собора (все – Рига).
- 15 Луговской Михаил Карпович (1873-1936). См. о нем: Кончина заслуженного педагога // Сегодня в Латгалии. 1936. № 25.
- 16 Сакс Паулс (Saks Pauls; 1878-1966, Рига) – оперный и камерный певец, проф. Рижской консерватории.
- 17 Витолс Язепс (Vītols Jāzeps; 1863-1948, Германия) – проф. Петербургской консерватории, композитор, критик, основатель, долголетний проф. и ректор Латвийской консерватории.
- 18 Иоанн, архиепископ Рижский и всяя Латвии (в миру Янис Поммер, Janis Pomers; 1876-1934).
- 19 Грундулис Михаил Карпович (Grundulis Mihails; 1890-1961, США) – выпускник рижской Николаевской гимназии и С.-Петербургского ун-та (юридический ф-т), судебный следователь в Валмиере и Риге; эмигрант.
- 20 Грундулис Виктор Михайлович (Grundulis Viktors) – певец, выпускник Латвийской консерватории (1955 г.), солист Рижской филармонии, диктор Латвийского радио и телевидения.
- 21 Антипов Гурий Владимирович (1935-1999) – певец, выпускник Латвийской консерватории (1967 г.), солист Латвийского театра оперы и балета (Латвийской Национальной оперы).
- 22 Котовский Иван Федорович – долголетний регент даугавпилсского Александро-Невского собора.
- 23 Карсавина Тамара Платоновна (1885-1978, Великобритания) – балерина Мариинского театра, в послереволюционные годы – в эмиграции.
- 24 Собинов Леонид Витальевич (1872-14 октября 1934, Рига) – оперный певец.
- 25 Барсова Валерия Васильевна (1892-1967) – оперная певица, педагог.
- 26 Плевницкая Надежда Васильевна (1884-1940, Франция) – певица, исполнительница русских народных песен и романсов.
- 27 Кошиц Нина Павловна (1892-1965, США) – оперная певица.
- 28 Кубелик Ян (1880-1940, Прага) – чешский скрипач, композитор.
- 29 Абрамис Абрам (1871-1941) – синагогальный кантор, основатель и дирижер еврейского ораториального хора с широким репертуаром.
- 30 Рейтер Теодор (Reiter Teodor; 1884-1956, Швеция) – хоровой дирижер, главный дирижер Латвийской Национальной оперы.
- 31 Янковский Александр Федорович (1894-1937, Рига) – выпускник Рижской Духовной семинарии, студент Московской консерватории, выпускник Латвийской консерватории, певец, дирижер.

- 32 Семья Трубецких: Никанор Михайлович Трубецкой (1876-1959), протоиерей; Александра Ивановна Трубецкая (ур. Ерошкина; 1876-1946); Александра (1904-1975) учительница; Домника (1906-1985), учительница; Николай (1907-1978), протоиерей; Мария (1909-1997), регент; Иван (1911-1991), протоиерей; Екатерина (1912-1975), регент; Ефросиния (1914-1980), регент; Михаил (1917-1974), протодиакон; Павел (1919-1983), протодиакон.
- 33 На осень 1928 г. Б. Грундулис в обществе (создано в конце 1927 г.) – заместитель председателя ревизионной комиссии, П. Берзиньш – секретарь той же комиссии. См. об этом: Daugavpils latvju dziedāšanas biedrība pēc vasaras brīvlaika atjaunojusi savu darbību // Latgales Ziņas. 1928. № 19. 19. okt. 3. lpp.
- 34 Калниньш Теодорс (Kalniņš Teodors; 1890-1962) – хормейстер, хоровой дирижер.
- 35 Климов Михаил Георгиевич (1881-1937) – хоровой дирижер, педагог.
- 36 Жаров Сергей Алексеевич (1897-1985, США) – создатель и многолетний дирижер созданного в эмиграции хора донских казаков.
- 37 Васильев Николай Иванович (1891-1961) – оперный певец, выпускник Петроградской консерватории, солист Латвийской Национальной оперы, режиссер, педагог.
- 38 Телегина-Васильева Валентина Евгеньевна (1894-1963) – оперная певица, педагог.
- 39 Иоанн, епископ Печерский (в миру Николай Александрович Булин; 1893- 1941) – выпускник Рижской Духовной семинарии; арестован НКВД в 1940 г., расстрелян.
- 40 Лишина (Бочагова) Олимпиада Николаевна (1879-1961) – основательница и долголетний директор русской гимназии в Риге.
- 41 Данилин Николай Михайлович (1878-1945) – хоровой дирижер, регент, в 1910-1918 – главный регент Синодального хора, педагог.
- 42 Грузна Павел (Gruzna Pāvils (1878-1950, Германия) – выпускник Рижской Духовной семинарии, писатель, певец, дирижер.
- 43 Фейл Альфред (Feils Alfreds; род. 1902-1942) – композитор, дирижер, органист.
- 44 Гривский Михаил Григорьевич (1878-1945) – выпускник Псковской Духовной семинарии, священник, регент, хоровой дирижер.
- 45 Родионов Герман Ефимович (1896-1959) – регент, хоровой дирижер (в т.ч. рижского мужского хора о-ва «Баян»), учитель пения.
- 46 Вилуманис Александр (Viļumanis Aleksandrs; 1910-1980) – певец, солист Латвийской Национальной оперы, педагог.
- 47 Вояржинский Б. (?-1940) – хорист митрополичьего хора и др. хоров.
- 48 Неплюев Владимир Владимирович (1908–1944 или 1945, Германия) – певец, участник квартета Л. Гривского.
- 49 Гривский Лев Михайлович (1909-1945, Германия) – певец, регент, дирижер и композитор, основатель квартета.
- 50 Разуваев, Игнатий Фёдорович (1893–1958) – певец, заслуженный артист Латвийской ССР.
- 51 Пакуль Эльфрида (Pakule Elfrīda; 1912-1991) – певица, народная артистка Латвийской ССР (1947).
- 52 Крампе Вера (Krampe Vera, 1907-1977) – дочь протоиерея Иоанна Крамписа (1872-1945); певица, солистка Лиепайского оперного и драматического театра, Латвийского театра оперы и балета.
- 53 Орлов Всеволод Андреевич (? – Чехословакия? 1944? 1945?) – чтец-декламатор.
- 54 Ратниекс Филимон (Ratnieks Filimons; 1903-1963) – выпускник Рижской Духовной семинарии (1928 г.), протоиерей.
- 55 Клемешов Владимир – регент даугавпилсских храмов: Александро-Невского и Борисо-Глебского .
- 56 Афонский Николай Петрович (1892-1971, Франция) – регент хоров православных кафедральных соборов Парижа и Нью-Йорка, основатель парижского митрополичьего хора, хоровой дирижер.
- 57 Иаков (в миру Карп Яков, Karps Jēkabs; 1865-1943, Кокнесе) – протоиерей, учитель Закона Божьего; в 1936 был возведен в сан епископа Елгавского, в 1943 – архиепископа.
- 58 Латышев Петр (Петерис) – солист Латвийской Национальной оперы и Лиепайского оперного и драматического театра, участник православных духовных концертов.
- 59 Мишке Альфонс – выпускник Петербургской консерватории, музыкальный критик, дирижер.
- 60 Александр, епископ (в миру Витолс Адамс, Vitols Ādams; 1876-1942) – в 1906-1935 гг. – протоиерей, 16-17 июля 1938 г. в Даугавпилсе состоялось возведение его в сан епископа.
- 61 Закревский Николай (1881-?) – псаломщик в карсавском (г. Карсава) и даугавпилсских храмах, диакон даугавпилсской Успенской церкви, при которой им был создан большой детский хор.

- 62 Свенне Янис (Svenne Jānis, 1910-1943) – педагог, дирижер, легионер; погиб в боях на Восточном фронте.
- 63 Александров Александр Васильевич (1884-1946) – композитор, хоровой дирижёр, педагог; в 1918-1922 гг. – регент храма Христа Спасителя (Москва), позднее – один из организаторов, начальник, художественный руководитель и главный дирижёр Ансамбля красноармейской песни Центрального дома Красной Армии им. М. Фрунзе (Ансамбль песни и пляски Российской армии имени А. В. Александрова).
- 64 Вигнер Леонид (Vigners Leonīds) (1906-2001) – дирижер и композитор.
- 65 Миклашевский Николай Андреевич (1879-1933) – пианист, концертмейстер, педагог; с 1926 г. жил в Латвии.
- 66 Кактынь Адольф (Kaktiņš Ādolfs; 1885-1965, США) – оперный и драматический артист, солист Латвийской Национальной оперы, камерный певец.
- 67 Приедниекс-Каварпа (Priednieks Artūrs Vilhelms; 1901-1979, США) – оперный и камерный певец, киноартист
- 68 Иванов Евгений (1910-?) – выпускник Рижской Духовной семинарии (1932), регент Борисо-Глебского собора (Даугавпилс), в послевоенные годы – священник в ФРГ (Федеративная республика Германия).

Публикация Димитрия Трубецкого,
подготовка текста и примечания Бориса Равдина и Димитрия Трубецкого

Публикация документов

Последнее описание Рижской епархии: отчет о состоянии Рижской епархии за 1917 год

Предлагаемый читателю «Отчет о состоянии Рижской епархии за 1917-ый год» является единственным отчетом, написанным Духовной консисторией епископа Ревельского Платона (Кульбуша, 1869-1919, прославлен РПЦ в лике святых в 2000 г.).

С июля 1915 года управляющий Рижской епархией архиепископ Иоанн (Смирнов, 1844-1919) находился в эвакуации. Несмотря на это Владыка Иоанн несколько раз приезжал в епархию, однако эти приезды, в силу обстоятельств военного времени, были редкими, краткосрочными, в результате чего епархия фактически существовала без архиерейского управления. Пытаясь восстановить постоянное управление епархией, 8 августа 1917 года Рижское Епархиальное предсоборное собрание единогласно избрало благочинного эстонских приходов С.-Петербургской епархии, протоиерея Павла Кульбуша викарным епископом Ревельским. 20 ноября 1917 года архиепископ Иоанн (Смирнов) был назначен архиепископом Рязанским и Зарайским, т.е. Рижская епархия уже и фактически осталась без архиерейского управления. Пытаясь спасти ситуацию, депутаты Поместного Собора РПЦ от Рижской епархии 22 ноября

1917 года обратились к Патриарху Тихону с просьбой «назначить временноуправляющим Рижской епархией или вновь избранного общепархиальным съездом на кафедру Ревельского викарного епископа о. Павла Петровича Кульбуша или же Преосвященного Иоанна (Поммера), викарного епископа Тверской епархии, кои оба прекрасно знают местные условия жизни и владеют местными языками».¹ Патриарх благословил этот выбор. 24 декабря 1917 года о. Павел Кульбуш был пострижен в монашество с именем Платон и возведен в сан архимандрита. 31 декабря 1917 года Платон был хиротонисан в викарного епископа Ревельского.

Тем временем германские войска продолжали наступать в Прибалтике, а на не оккупированной немцами территории разворачивалась гражданская война. В этой связи было принято решение передать в руки викарного

Епископ Платон
(Кульбуш)

епископа Ревельского управление всей Рижской епархией. После этого Платон сразу же выехал в Ревель (Таллинн), а оттуда в Тарту. 14 января 1919 года в Тарту большевики зверски замучили епископа Платона (Кульбуша). Отчет о состоянии Рижской епархии за 1918 год не был написан, в свою очередь, уже в марте 1919 года собрание представителей эстонских приходов подняло вопрос об отделении приходов на территории Эстонии от Рижской епархии и образовании Эстонской Апостольской Православной Церкви. Представители латвийских приходов в феврале 1920 года приняли решение о создании Латвийской Православной Церкви. В результате перестала существовать такая административно-территориальная единица РПЦ как Рижская епархия. Таким образом, «Отчет о состоянии Рижской епархии за 1917 год» оказался последним епархиальным отчетом.

Документ написан на пишущей машинке. Судя по нечеткости оттиска, в руки публикатора попала копия оригинала. В тексте сравнительно много правок, сделанных чернилами. Кроме того, во многих местах вместо цифр стоят пробелы. Это и понятно. В 1918 году, когда составлялся данный отчет, территория Рижской епархии была перерезана линиями фронтов, контролировалась армиями нескольких стран, которые, как правило, ограничивали свободу передвижения. В результате благочинные не располагали точной информацией о приходах, а Духовная консистория могла месяцами не получать никаких сведений об отдельных благочиниях. Судя по всему, публикуемый документ является одним из черновиков отчета.

Авторы документа взяли за образец отчет за 1914 год. Это неудивительно, ведь никто из членов консистории епископа Платона не работал в консистории под руководством

архиепископа Иоанна, поэтому практики составления подобных отчетов у них не было. Кроме того, нужно учитывать и то обстоятельство, что епископу Платону пришлось отчитываться за период, когда он сам не находился на территории епархии. Вероятно, все эти вышеперечисленные факторы повлияли на содержание отчета. Так, его авторы пишут о борьбе православного духовенства с влиянием лютеранских пасторов, католических ксендзов, баптистских и адвентистских проповедников, однако даже не упоминают о распространении среди местного населения марксистских идей. В антивоенной пропаганде обвиняются лишь неопротестанты, в свою очередь, самым «печальным явлением» современности авторы отчета считают падение нравственности среди женского населения как следствие постоянной дислокации на этой территории войск. В то время, когда в стране проходят шумные митинги и демонстрации, когда солдаты не слушаются приказов своих командиров и изгоняют из армии священников, авторы отчета пишут о якобы росте благочестия народа, о подъеме в нем религиозных чувств, о росте авторитета православного духовенства среди местного населения, совершенно не замечая при этом падения в стране царского режима, Февральскую революцию и большевистский переворот². Возможно, что такую наивность или близорукость духовенства можно объяснить его отчуждением от реальной действительности, недооценкой значимости происходящих в то время событий...

В целом, «Отчет о состоянии Рижской епархии за 1917 год» – уникальный исторический источник, характеризующий настроения, господствовавшие среди православного духовенства в переломный период истории России, Эстонии и Латвии.

ОТЧЕТ о состоянии Рижской епархии за 1917 год

I. УСТРОЙСТВО И СОСТОЯНИЕ УПРАВЛЕНИЯ

Рижская епархия, учрежденная в 1851 году,³ состоит из трех губерний: Лифляндской, Курляндской и Эстляндской. Отчетный год был шестьдесят шестым годом ее существования. В отчетном году произошли следующие перемены в епархиальном Управлении. За перемещением Рижского Архиепископа Иоанна,⁴ по указу Св. Синода от 20 ноября прошлого года за №9741 на Рязанскую Архиерейскую кафедру, временное управление Рижской епархией поручено было бывшему Орловскому Епископу Макарию⁵, а указом от 2 декабря за №9978 Св. Синод, освободив его от сего управления, поручил временное управление Рижской епархией викарию Ярославской епархии епископу Угличскому Иосифу⁶. Но в начале текущего 1918 года Св.Синод, в виду поданного членами Священного Собора депутатами от Рижской епархии прошения о незаемщении Рижской кафедры до окончания войны и о временном поручении управления Рижской епархии викарию, Епископу Ревельскому, а также в виду имевшихся в Св.Синоде сведений, что Епископ Угличский Иосиф по причинам военного времени не мог прибыть в пределы Рижской епархии, освободив последнего от порученного ему временного управления Рижской епархией, возложил таковое на меня (указ Св.Синода от 22 января 1918 года за №147).

Вспомогательными учреждениями по управлению епархией являлись: духовная Консистория, Епархиальное Попечительство и благочинные. Сверх сего в прошедшем году существовал при Рижском

Архиепископе, имевшем пребывание в г. Юрьеве, временный Епархиальный Совет для ближайшего разрешения дел и вопросов, касающихся преобразования церковно-приходской жизни и миссионерской деятельности в епархии.

Личный состав Консистории. В отчетном году по ходатайству бывшего Архиепископа Иоанна и согласно просьбам Св.Синодом уволены были от занимаемых ими должностей – сверхштатный член Рижской Консистории священник Александр Климентовский⁷ и штатный член протоиерей Василий Березский⁸ (указ Св. Синода от 18 мая 1917 г. №4825 и определение Св. Синода от 2-4 сентября за №5148). К концу отчетного года состояло три штатных члена и один временно присутствующий, секретарь, четыре столоначальника, казначей, архивариус и регистратор (исп. обяз.).

Делопроизводство. Духовная Консистория со времени эвакуации в 1915 году из Риги имеет пребывание в Новгороде. Делопроизводство, в связи с военными событиями, уменьшилось вообще против прежних лет. Менее важные дела и бумаги разрешались Консисторией, ввиду затруднительности почтовых сношений, самостоятельно. Но постановления по служебным и бракоразводным делам посылались на утверждение Архиепископа. В течение отчетного года было представлено протоколов 57 и журналов 210. Входящих бумаг в Консистирию было 6 134 и исходящих – 7 329. Занятия Консистории происходили в помещении Новгородской духовной Консистории в послеобеденное время.

Хозяйственное состояние Консистории и архив. В Риге Консистория помещается в собственном каменном трехэтажном доме, купленном в 1850 году при открытии

Рижской кафедры. Но здание это представляется тесным и неудобным. Посему у Епархиального Начальства уже давно имеется забота о продаже старого дома и о покупке более удобного и поместительного нового или о постройке на том месте нового.

Архив Консистории в Риге помещается в двух отделениях нижнего этажа консисторского флигеля, с окнами частью на улицу, частью на консисторский двор. Помещение это достаточно светло, но чрезвычайно тесно; для осушки его имеются печи и форточки в окнах. При эвакуации Консистории из Риги большая часть консисторского архива оставлена там, причём, для надзора за консисторским домом и архивом оставлен был один из сторожей консистории; меньшая же часть архива (важнейшие документы, дела за позднейшие годы и метрические книги за последние 50 лет) и дела, находящиеся в производстве, Консисторией взяты с собой и ныне хранятся частью в помещении архива Новгородской Духовной Консистории, а частью в предоставленной для сего комнате в помещении означенной Консистории. С занятием в августе месяце г. Риги неприятелем, по имеющимся сведениям, архив и вообще здание Консистории охраняются поставленными для этого лицами.

Местный орган. С 1 января 1888 года издавались с разрешения Святейшего Синода «Рижские Епархиальные Ведомости» с официальным и неофициальным отделами. «Епархиальные Ведомости» выходили дважды в месяц – 1 и 15 числа, с платою по 5 рублей в год за экземпляр. Редактором официальной части состоял секретарь Рижской Духовной Консистории Петр Соколов, обязанности же редактора неофициальной части исполнял священник Василий Шукин. С осени 1915 года «Епархиальные Ведомости» печатались в г. Нижнем Новгороде, где с того времени пребывает редактор неофициальной части

священник Шукин⁹, состоящий преподавателем эвакуированной в означенный город Рижской Духовной Семинарии. Цензором «Епархиальных Ведомостей» состоял настоятель Рижского кафедрального собора протоиерей Владимир Плисс¹⁰, проживавший в качестве преподавателя Семинарии также в Нижнем Новгороде. С сентября прошедшего года издание «Рижских Епархиальных Ведомостей» прекратилось ввиду полной невозможности при возросшей чрезвычайной дороговизне на все печатные материалы и высокой оплаты труда рабочих.

Об Епархиальном Попечительстве и Эмеритальной кассе см. на особом листе.

Число благочинных. В отчетном году в Рижской епархии состоял 21 благочинный, в том числе 2 соборных. Ввиду поступивших от многих благочинных заявлений об освобождении их от должности и требований обновленного строя церковной жизни, бывший Рижский Архиепископ Иоанн сделал чрез Консисторию распоряжение о составлении в неэвакуированных округах благочинных собраний и избрании на них кандидатов для благочиннических должностей, а также и об избрании духовных следователей.

Благочиннические советы. Вследствие постановления Рижского Епархиального съезда в Рижской епархии, по примеру других епархий, существовали благочиннические Советы, состоявшие из благочинного, одного из священников благочиния и одного из псаломщиков духовного звания или окончившего полный курс Духовной Семинарии. Последние два избираются на благочиннических съездах на три года. Круг деятельности Советов определяется особыми правилами, составленными Духовной Консисторией и утвержденными Епархиальным Преосвященным. Рассмотрению Совета подлежат дела незначительной важности, причём, одни решаются

окончательно, а по другим предоставляется недовольным право перенести дело на рассмотрение Епархиального начальства в известный срок. Кроме того, к обязанностям Совета относится доставление по предписанию Епархиального начальства разных сведений по делам.

II. ОБОЗРЕНИЕ ЕПАРХИИ

Вынужденный вследствие последовавшего 18 июля 1915 года со стороны военных властей распоряжения об эвакуации из г. Риги жить временно вдали от своего кафедрального города Преосвященный Иоанн не переставал быть с ним в духовном единении. В течение отчетного года он совершил несколько поездок в г. Ригу. В первый раз он посетил Ригу 27 марта – 5 апреля, желая провести со своей паствой страстные и пасхальные дни. Во время своего пребывания в Риге он ежедневно совершал богослужения утром и вечером в Алексеевском мужском монастыре или в кафедральном соборе, произнося везде соответствующие воспоминаемым евангельским событиям поучения. Торжественные богослужения в соединении с трогательно-умилительными церковными песнопениями привлекали множество молящихся в храмы. Во второй раз он приезжал в Ригу 19-20 мая, на день св. Троицы и св. Духа, совершив накануне праздника св. Троицы всенощное бдение и на другой день литургию в кафедральном соборе, а в Духов день – литургию в Алексеевском монастыре.

Засим он выезжал в Ригу 22 – 26 июня и 27 июля – 2 августа. 1 августа из Алексеевского монастыря по окончании литургии совершен был крестный ход на р. Двину для освящения воды. В крестном ходе участвовало многочисленное собрание священнослужителей и богомольцев. Для полноты торжества недоставало только колокольного

звона, отсутствие которого в г. Риге вообще наводит на православного человека уныние и скорбь. Колокола при эвакуации правительственных учреждений из г. Риги по распоряжению военных властей были сняты с церквей и вывезены внутрь России.

Других поездок по епархии, ввиду обстоятельств военного времени и приближения фронта, невозможно было совершить. А 11 августа Преосвященный Иоанн отбыл в гор. Москву для участия на Поместном Всероссийском Церковном Соборе¹¹.

III. МОНАСТЫРИ

В Рижской епархии состоит монастырей: один мужской штатный второклассный Алексеевский – в Риге и три женских – Иллукстский Рождество-Богородицкий третьеклассный (в м. Иллуксте, Курляндской губ.), Пюхтицкий Успенский – штатный (в Везенбергском уезде, Эстляндской губ.) и Свято-Троице-Сергиев общежительный – в г. Риге с приписанною к нему Спасо-Преображенскою пустынею (близ г. Митава).

Число монашествующих. Рижский Алексеевский монастырь указом Святейшего Синода от 28 октября 1910 года, согласно ходатайству Архиепископа Иоанна, предоставлен в управление Епархиального Преосвященного на правах настоятеля с назначением, по усмотрению Епископа, для ближайшего заведования монастырем, особого наместника. В монастыре к концу отчетного года состояло: 7 иеромонахов, из которых один исполнял (временно) обязанности наместника монастыря, другой – благочинного, третий – казначей, и иеродиакон. В Иллукстском женском монастыре – игумения, 10 монахинь и 23 послушницы; в Рижском Свято-Троице-Сергиевом – игумения, 25 монахинь и 53 послушницы.

Состояние благочиннического надзора за монастырями. До 1910 года благочинным монастырей состоял настоятель Алексеевского монастыря – архимандрит. С того времени должность благочинного монастырей остается незамещенной, за неимением соответствующего тому лица. Монастыри же находятся в непосредственном подчинении Епархиального Начальства, а причты женских монастырей подчиняются надзору приходских благочинных.

Алексеевский монастырь. Алексеевский мужской монастырь, находясь в г.Риге в центре так называемого старого города, где нет православных церквей, кроме одной эстонской,¹² является особенно нужным для ближайших жителей города. Богослужения в монастыре всегда совершаются по чину монастырскому, при стройном пении монастырского хора, и привлекают много молящихся. В отчетном году, несмотря на эвакуацию в 1915 году большей части духовенства из Риги, богослужение в монастырском храме совершалось неопустительно, ибо в монастыре до настоящего времени пребывают три иеромонаха и иеродиакон. Так как при Рижском Архиерейском Доме не имеется крестовой церкви, то монастырский храм, находящийся в непосредственном сообщении с Архиерейским домом, заменяет для Рижских Епископов крестовую церковь¹³.

Свято-Троице-Сергиев монастырь. В июле 1915 года, по объявлению эвакуации всех правительственных учреждений, выехали из Риги и сестры Троице-Сергиева монастыря и приписанной к нему Спасо-Преображенской пустыни (близ Митавы), поместившись на время в земской школе при станции Северо-Западной железной дороги «Плюсса», а настоятельница и некоторые старшие сестры – в женской обители при названной станции. В конце августа месяца настоятельница вместе с сестрами монастыря и пустыни поселились в Савво-Вишерском монастыре, близ

Новгорода, отведенном для них новгородским Епархиальным Начальством в качестве временного пристанища.

Заведывание же Рижским Свято-Троице-Сергиевым монастырем поручено было одной из опытных монахинь. Богослужения там по обстоятельствам военного времени совершались в отчетном году только по воскресным и праздничным дням, по причине нахождения только одного монастырского священника и диакона. При богослужении пел хор солдат ближайших казарм. Оставшиеся в Риге шесть монахинь обслуживали храм и заготавливали свечи и просфоры.

В Савво-Вишерском монастыре, куда эвакуированы сестры обители, поддерживался должный церковный строй, также не изменился весь строй общежительного устава. Богослужение для них совершал один из священников монастыря с диаконом и священником пустыни. В течении, летних и осенних месяцев сестры занимались полевыми работами, и за отсутствием рабочих на их долю выпало много непривычного труда. Дома оставалось лишь небольшое количество для чтения и пения на ежедневных церковных службах.

По обстоятельствам военного времени и крайней затруднительности содержания учреждений благотворительная деятельность обители сильно сократилась. Женское трудовое общежитие, учрежденное в 1915 году и эвакуированное в том же году в г. Тверь, пришлось закрыть, так же и устроенную там столовую для беженцев, и питомцы общежития в количестве 12-ти человек с двумя монахинями переведены были [...] под Москву до 1 сентября. В течение этого времени предполагалось найти подходящее помещение и заработок питомцам общежития, но переполненная беженцами Москва не дала желаемого.

Деятельность столовой для бедных в ограде монастыря непрерывно продолжалась до взятия Риги неприятелем и

ежедневно там получали горячий суп и хлеб от 50 до 80 бедных и приблизительно 45 семьям выдавалась пища на день, среди них было много беженцев. Монастырь обслуживает столовую и старушек «Дома Призрения», принятых в ограду обители на время войны за неимением средств платить за наем квартиры.

Книжный и иконный склад, вывезенный из Риги при эвакуации обители, был отчасти возвращен обратно; иконы и книжки большей частью продавались в часовне монастыря против Двинского вокзала,¹⁴ покупателями являлись преимущественно воины.

Миссионерская деятельность в течение отчетного года сосредоточилась исключительно на тюрьмах: монахиня Елизавета получила доступ ко всем рижским заключенным, разбросанным по разным тюрьмам, и с неослабной энергией посещала их и вела с ними беседы.

Приют и школа обители пользовались помещением при Петропавловской церкви в г.Новгороде, но с 5 июля приют был переведен частью в Савво-Вишерский монастырь, частью в Мало-Кирилов, вследствие затруднения в ведении хозяйства в трех местах, при скудости дров и продовольствия. Но когда стал ощущаться недостаток продовольствия в самом Новгороде, то по предложению Софии Васильевны Мансуровой¹⁵ приют переведен был в имение ее отца В. Г. Безобразова, в Тамбовскую губернию, где имеется достаточно продовольствия. Там им предоставлен один двухэтажный флигель. Близость храма позволяет детям продолжать пение во время церковных служб, что и привлекло им расположение и внимание народонаселения, как и то, что несмотря на попытки разгромить имение и ограбить барский дом, громилы объявили, что приюту нечего бояться, что они в безопасности. В отчетном году было воспитанниц 57. [...]

В Спасо-Преображенской пустыни в отчетном году было 163 чел., в том числе монашеских 25, рясофорных 114 и послушниц 24. Расходы по содержанию монастыря в отчетном году были чрезвычайно большие вследствие громадного повышения цен на все жизненные продукты. Обитель всецело существовала на пособие, выдаваемое ежемесячно из бывшего Татьянинского комитета. Несмотря на усиленный труд сестер приходилось нанимать рабочих для обработки полей. К 1 января 1918 года оставалось наличными 30 руб. и билетами 27 550 руб.

Святейший Синод, заслушав представление Новгородского Преосвященного от 6 сентября 1917 года за №3756, по ходатайству настоятельницы Рижского Свято-Троице-Сергиева монастыря, эвакуированного в Новгородский Савво-Вишерский монастырь, о предоставлении убежища для 40 сестер названного монастыря в одной из обители более плодородной местности, обеспеченной продовольствием, разрешил направить сих сестер для временного помещения в Оренбургский Успенский монастырь, о чем и дал знать Преосвященным – Рижскому, Новгородскому и Оренбургскому для зависящих распоряжений (указ Святейшего Синода от 18 сентября 1917 за №8935). В текущем году, по ходатайству Новгородского и Старорусского митрополита Арсения¹⁶, настоятельница Рижского Троице-Сергиева монастыря игумения Сергия, согласно прошению, вместе с сестрами, Священным Синодом (указ от 10/23 мая за №1210) перемещена была в Новгородский Савво-Вишерский монастырь.

Пюхтицкий монастырь. Пюхтицкий монастырь расположен на «Богородицкой» горе, в Илукской волости, Везенбергского уезда, Эстляндской губернии, в 28 верстах от ст.Иевве Северо-Западной железной дороги. Находящаяся в обители

святыня – чудотворная икона Успения Божией Матери – привлекает сюда для поклонения ей множество богомольцев, в особенности 15 и 16 августа – дни престольного праздника. Обитель имеет ныне четыре церкви (одна устроена в монастырской трапезной). В соборном храме ежедневно утром и вечером совершаются богослужения по уставу. На всех Литургиях возносятся моления как и о живых, так и об умерших благодетелях св. обители. Точно также в трапезной монастыря происходит поочередно сестрами обители непрерывное чтение молитв.[...] В обители находится источник, над которым устроена часовня. На источник совершаются крестные ходы с чудотворной иконой, здесь служатся водосвятные молебны.

Жизнь в монастыре проходит в постоянном труде. В свободное от полевых работ время сестры трудятся в самом монастыре, занимаясь живописью, рукоделием и ремеслами – шитьем обуви и платья. Монастырь приносит много пользы и окрестному, преимущественно эстонскому иноверческому, населению своими просветительными и благотворительными учреждениями, которыми заведует особая комиссия, учрежденная в 1898 году общим собранием братчиков Иеввенского отделения Прибалтийского Православного братства¹⁷ с целью помочь настоятельнице монастыря, обремененной многочисленными заботами о монастырском устройении, в управлении означенными учреждениями. При монастыре имеются следующие благотворительные и религиозно-просветительные учреждения: 1) лечебница с амбулаторией, аптекой и приемным покоем, при которых, кроме женщины-врача, работают сестры обители и где за самую незначительную плату больные свидетельствуются врачом и получают необходимое лекарство, а бедные пользуются бесплатным лечением; 2) приют для девочек; 3) двухклассная приходская школа,

где наравне с православными обучаются и воспитываются и дети-лютеране; 4) богадельня для престарелых монашествующих.

Благодаря соседству монастыря в Пюхтице существуют: бесплатная народная русско-эстонская библиотека-читальня, вольная пожарная дружина и производятся по воскресным дням народные чтения с туманными картинами.

В 25 верстах от монастыря, близ сел Сыренца и Ям, находится Гефсиманский скит. Это монастырская богадельня. Здесь находят покой больные, слабые старицы из монашествующих. Число обитательниц скита простирается до 20 человек, считая в том числе и сестер, прислуживающих старикам. В ските имеется домовая церковь во имя Успения Божией Матери. Священники из монастыря ежемесячно выезжают сюда для совершения богослужений и приобщения больных стариц. По праздникам сюда выезжает и священник ближайшей к скиту церкви.

У монастыря имеются 2 подворья: в г. Ревеле и в Петрограде. Дом для Ревельского подворья пожертвован (ныне умершей) купеческою вдовою Пелагеею Басаргиной в 1895 году. На этом подворье выстроен каменный храм на пожертвования разных лиц, в том числе о.Иоанна Сергиева Кронштадского (одна тыс. руб.). При церкви подворья имеется штатный священник, получавший жалованье от казны. Другое подворье находится в Петрограде, на участке земли (по Карташихиной улице, в Галерной гавани), пожертвованном в 1901 году монастырю мещанином Александром Ивановым. При подворье этом в 1906 году устроен каменный храм. Для совершения богослужений содержится особый причт, состоящий из двух священников и диакона.

Ввиду угрожаемой Пюхтицкому Успенскому монастырю опасности от неприятеля Св. Синод, согласно ходатайству Рижского Преосвященного, распорядился поместить

этот монастырь в Ростовском мужском Петровском монастыре Ярославской епархии, на что было предварительно испрошено согласие архиепископа Ярославского.

Иллукстский женский монастырь. Единственную в своем роде задачу выполнял Иллукстский женский монастырь, хотя и сравнительно малочисленный по числу монашествующих сестер. Благодаря, главным образом, этому монастырю обеспечено существование Иллукстского женского епархиального училища. Обителью предоставлено училищу помещение. Игуменья монастыря является в то же время начальницей училища; на средства монастыря содержится 20 девиц-сирот духовенства епархии; обязанность прислуги исполняют послушницы монастыря. Учащиеся, находясь в тесном общении с монастырём и руководимые настоятельницей монастыря, получают более строгое религиозно-нравственное воспитание и добрые навыки, столь важные для дальнейшей их жизни. Кроме помощи училищу, монастырь этот до своей эвакуации служил до некоторой степени к удовлетворению и религиозных потребностей местного довольно многочисленного православного населения. В м. Иллуксте проживало немало прихожан Альт-Гринвальдского прихода, которые, по отдаленности своей приходской церкви, посещали богослужения в Иллукстском женском монастыре и совершали здесь и требы. Альт-Гринвальдский священник проживал тут же, в Иллуксте.

При приближении неприятеля, в июле месяце 1915 года к местечку Иллуксте, сестры обители вместе с оставшимися на лето воспитанницами и воспитательницами епархиального женского училища выехали в Москву, где им были временно предоставлены помещения в Вознесенском, Скорбященском и Зачатьевском монастырях. Затем в сентябре месяце сестры монастыря переехали в Выксунский Иверский

монастырь Нижегородской епархии, предоставленный Нижегородским Епархиальным Начальством для нужд Иллукстской женской обители и состоящего при ней епархиального женского училища. Там последнее и функционировало в истекшем учебном году. До занятия неприятелем м.Иллуксты оттуда заблаговременно было вывезено все наиболее ценное церковное и монастырское имущество, а из училищного – наиболее ценные учебные пособия, значительное количество книг фундаментальной и ученической библиотек, некоторые приборы физического кабинета и часть музыкальных инструментов. Так как, судя по официальным известиям штаба Верховного Главнокомандующего, м.Иллуксты подолгу находилось в сфере артиллерийского огня как неприятельского, так и нашего, то можно предполагать, что находящиеся там монастырские и училищные строения подвергались более или менее значительному разрушению.¹⁸

Хозяйственное состояние монастырей. На содержание Алексеевского монастыря в г.Риге положено было отпускать из Государственного Казначейства по 2 840 руб. в год. Из женских монастырей Иллукстский получал содержание от казны по 1 840 руб. в год. Рижский Свято-Троице-Сергиев монастырь, начиная с 1910 года и до 1916 года включительно, получает из средств Государственного Казначейства по 10 000 руб. в год на покрытие неотложных нужд. Ассигновано было подобное пособие монастырю и в отчетном 1917 году условным кредитом, но департаментом Главного Казначейства не было выслано в Юрьевское Казначейство, по поводу чего производилась и производится переписка Консистории упомянутым Департаментом. Крайнюю недостаточность материальных средств испытывает и Пюхтицкий монастырь. Ввиду сего последовало ходатайство о выделении монастырю пособия в размере 10 000 рублей или в ином

размере по усмотрению Святейшего Синода, но доселе удовлетворения ходатайства еще не последовало.

Во владении монастырей находится следующее количество земли: Иллукстского – 429 дес., Пюхтицкого – 356 дес. и Рижского Троице-Сергиева монастыря – 697 дес. (из этого числа 386 дес. отведено правительством в декабре 1902 года для нужд приписанной к Сергиеву монастырю Спасо-Преображенской пустыни и для той же пустыни приобретено покупкою в 1913 году 23 дес.). Иллукстский монастырь, кроме того, владеет озером «Саукен», отдававшимся до 1915 года в арендное содержание по 370 руб. в год, а Пюхтицкий монастырь имеет три рыбные ловли, приносящие доход 875 руб. в год.

Единственный в епархии мужской Алексеевский монастырь, учрежденный в г.Риге в 1896 году при церкви упраздненного Алексеевского прихода, до 1908 года не наделен был землею или другими какими-либо угодиями, и только в упомянутом году по ходатайству Епархиального Начальства было отведено названному монастырю 4 Митавских сенокосных участка общей площадью 21,24 дес. с годовым доходом в 620 руб., а также Клейн-Фридрихсгофская казенная водяная мельница (в Курляндской губернии) с землею в количестве 34,62 дес. (удобное и неудобное), приносящей аренды более 600 руб. в год. В настоящее время принадлежащие Рижским Алексеевскому и Троице-Сергиеву и Иллукстскому монастырям земельные угодия находятся в руках неприятеля и, разумеется, монастырям никакого дохода не приносят.

IV. ЦЕРКВИ

В Рижской епархии всего 268 церквей, кроме того имеется 71 часовня и молитвенных дома. Соборных церквей 4, приходских

198, бесприходских: при дачах архиерейского дома 2, при монастырях: мужском 1, женских 8, при казенных и богоугодных заведениях 27, при судостроительных заводах 3, кладбищенских 7, приписных 18. Одноклирных 186, двухклирных 14, трехклирных 2 и четырехклирных 1 (кафедральный собор).

В июне 1915 года было возбуждено вновь ходатайство пред Святейшим Синодом о возобновлении с 1916 года отпуска в течение 10 лет кредита в размере 70 000 руб. в год на постройку новых церквей и причтовых зданий и по 30 000 руб. в год на ремонт старых. Вследствие сего Святейшим Синодом отпущено было в распоряжение Епархиального Начальства на сооружение и обновление православных храмов по параграфу 12 ст. финансовой сметы Святейшего Синода 1916 года 70 000 руб., причем, указом от 11 августа дано было знать Епархиальному Начальству, что будут отпускаемы на ремонт и постройку церквей в епархии из означенного кредита потребные суммы по мере надобности по особым каждый раз ходатайствам Рижского епархиального Начальства, с представлением утвержденных в надлежащем порядке проектов и смет и в зависимости от состояния церковно-строительного кредита, но не свыше 70 000 руб. в год, впредь до удовлетворения неотложных церковно-строительных нужд епархии. Ввиду военных обстоятельств и чрезвычайно возросшей дороговизны на все материалы и рабочие руки церковно-строительная деятельность в епархии приостановилась в отчетном году.

В отчетном году производится постройка церквей: 1) каменной в г. Риге, на Иоанновском кладбище, 2) каменной же в Риге, на фабрике товарищества М. С. Кузнецова и 3) деревянной во вновь открытом в 1911 году Карьяламском приходе.

Во многих приходах еще есть настоятельная нужда в постройке церквей, как-то в

Виндавском Всехсвятском, Палангенском, Сурриском, Тиммоском, Кангроском, Каббальском, Камсовском, Левальском, Лайксарском, Сайкенском, Веровском, Куймецком, Гапсальском и Валкском Николаевском (сгоревшей в 1913 г.). В Виндавском Всехсвятском приходе церковь помещается в тюремном замке. Помещение это крайне неприглядно: там мрачно и сыро. Церковь в г.Гапсале пришла в крайнюю ветхость, просела и дала трещины, богослужение приходом совершается в частных домах или в школьных помещениях, непригодных для общественной молитвы.

Избыток церквей или недостаток в них. Избытка церквей в епархии нет, а, напротив, ощущается недостаток в них ввиду увеличившегося православного населения в некоторых местах, отдаленности жительства православных от своей приходской церкви или неудобства путей сообщения с последними. Так, нужно построить вновь церкви: 1) на станции Эльва, близ г. Юрьева, 2) в м.Стакельне, близ станции того же имени, Северо-Западной жел. дор., 3) в посаде Нустаго, Кастолацкого прихода, 4) на станции Боккенгоф, Зонтагского прихода, 5) на ст.Мойзекуль, Галлистского прихода, 6) на станции Кегель, Балтийско-Портского прихода, и 7) в дачном поселке Немме, близ г. Ревеля.

Состояние ризницы и утвари церковной. Церкви Рижской епархии, за исключением городских, вследствие весьма скудных средств своих ризницей и церковной утвари весьма бедны. Посему местные приходские священники нередко обращаются за пожертвованием необходимых утварных и ризничных предметов к разным благотворителям. В отчетном году поступило лишь пожертвование в Кангроскую (?) церковь (образ св. Николая Чудотворца с лампадою стоимостью в 75 руб.).

Материальное положение церквей епархии, никогда не бывшее особенно

блестящим, за отчетный год, под влиянием военных обстоятельств и возникшей в связи с ними чрезвычайной дороговизны, значительно ухудшилось. В особенности нужно сказать о сельских церквях. Должно признаться, что прибалтийские православные крестьяне – латыши и эсты, в сравнении с коренным русским сельским населением, весьма мало жертвуют на нужды своих приходских храмов. Происходит это не только от бедности местного населения крестьянского, большей частью безземельного, но и от коренившегося среди новоприсоединенных латышей и эстов крайне эгоистического взгляда на дело обеспечения церквей и духовенства. Материальное обеспечение лютеранской церкви и духовенства в Прибалтийском крае нормируется особыми, утвержденными правительством правилами, так называемыми регулятивами, определяющими виды и размеры несомых в пользу протестантских духовенства и кирхи повинностей и поборов и возлагающими их на всех, владеющих в районе данного прихода земельной недвижимостью помещиков и крестьян. В случае отказа добровольного исполнения определенных регулятивами повинностей и поборов, таковые взыскиваются в принудительном порядке. Присоединяясь к православию и тем самым выходя из сферы действия регулятивов, православные эсты и латыши, не принуждаемые более никаким законом к несению материальных жертв в пользу нового вероисповедания, мало-помалу привыкли считать себя совершенно свободными от всяких обязательств, как юридических, так и моральных в вопросе о материальной поддержке церкви и обслуживающего духовные нужды духовенства, а все заботы по сооружению и содержанию храмов и по обеспечению духовенства стали возлагать на казну. Вследствие сего добровольные пожертвования прихожан в пользу своих храмов никогда не были особенно

значительны. Главнейшим источником, из которого покрывались текущие расходы по содержанию церквей, являлся доход от продажи церковных свечей, но и этот источник в последнее время начинает иссыхать... До июля месяца 1915 года церкви епархии снабжались восковыми свечами из имевшегося при Рижском Свято-Троице – Сергиевом женском монастыре свечного завода. После последовавшей в означенном месяце эвакуации монастыря из г. Риги монастырь вынужден был прекратить выработку церковных свечей. Для упорядочения дела дальнейшего снабжения церковью епархии восковыми свечами Епархиальным Начальством в 1915 году был открыт при Успенском соборе г. Юрьева временный свечной склад. Вместе с тем духовная Консистория обратилась к правлениям епархиальных свечных заводов ближайших к Прибалтийскому краю епархий с просьбой об отпуске этому складу потребного количества восковых свечей. Но, как усматривается из поступающих донесений некоторых приходских священников к Епархиальному Начальству, не все церкви епархии получают свечи из означенного склада за трудностью для самого склада приобретения свечей, и нужда в церковных свечах ощущается крайняя.

Хранение церковных сумм. Церковные суммы (в дозволенном количестве) хранятся при церквях в кладовых или ризницах за ключом церковного старосты и церковной печатью, процентные же бумаги хранятся частью в конторах и отделениях Государственного Банка, частью в местных Казначействах. В некоторых церквях, не имеющих возможности, по скудости средств, нанимать сторожей и не снабженных прочными дверными запорами и оконными решетками, допускалось хранение как денежных сумм, так и ценных богослужебных сосудов в квартирах местных священников под ответственностью всего причта с церковным старостой, в особых

ящиках за ключами церковного старосты и за церковной печатью. В отчетном году было четыре случая похищения из церквей. К розыску виновных и похищенного имущества, по донесениям благочинных, приняты полицией и судебными властями законные меры.

Состояние церковного письмоводства. Церковные документы ведутся священнослужителями более или менее исправно и двукратно свидетельствуются благочинными, а по окончании года некоторые из документов представляются в Консисторию для свидетельствования и хранения в архиве. При ревизии и при каждом замеченном недостатке в ведении документов строго внушается духовенству епархии о точном и правильном ведении сих документов.

Церковные библиотеки. За исключением церковей недавно открытых приходов при всех церквях Рижской епархии имеются библиотеки, время от времени пополняемые за счет церковных средств. В некоторых благочиниях имеются особые благочиннические библиотеки, составляющиеся и пополняемые на собственные средства причтов. Кроме того, состоят бесплатные народные библиотеки при приходских церквях: Тугаланской, Тенасильмской и Каркуской (Феллинского уезда), Цинтенгофской и Велисской (Перновского уезда) и при церкви Кренгольмской мануфактуры (Везенбергского уезда, Эстляндской губернии). Библиотеки состоят под наблюдением приходских священников.

Устройство при церквях книжных складов. В Рижской епархии склады книг духовного содержания на славянско-русском, латышском и эстонском языках, а также крестиков и священных изображений существуют с 1889 года. До времени войны таких складов было в Рижской епархии 32, но с занятием неприятелем части Рижской епархии число складов уменьшилось. В отчетном году существовали склады – в Риге при

кафедральном соборе и при церквях: Благовещенской, Александро-Невской, Троице-Задвинской, Покровской, Всехсвятской и Иоанновской; при Петропавловской церкви г.Риги имеется склад эстонских книг; при Ревельской Преображенской церкви (славяно-русских и эстонских); при Юрьевском Успенском соборе (славяно-русских); при Юрьевской Георгиевской церкви (эстских); при Верроской (эстских); при Фелинской (эстских); при Перновской Екатерининской (эстских и славяно-русских); при Арнсбургской (эстских и славяно-русских); при Валкской (эстских и латышских); при Гапсальской (эстских и славяно-русских); при Вольмарской (латышских); при Венденской (славяно-русских и латышских); при Эйхенангернской (латышских); при Леальской (эстских); при Гривской (русских); при Гелламской (эстских); при Каркусской (эстских) и при Кренгольмской (эстских).

Богадельни при церквях и другие благотворительные заведения. При Алексеевской приходской церкви в г. Риге существовала богадельня для вдов и сирот духовного звания, которая содержалась на пожертвования некоторых церквей и духовенства Рижской епархии. С обращением этой церкви в 1896 году в монастырь дом, в котором помещалась богадельня, приспособлен для монастыря, а для богадельни выстроен новый дом на месте, принадлежащем Рижской Покровской церкви. Дом этот каменный, трехэтажный, состоит из 24 квартир, приспособленный именно для вдов и снабженный всеми хозяйственными удобствами. Выстроен он на капитал, принадлежащий духовенству Рижской епархии.

При Перновской Екатерининской церкви имеются две богадельни, учрежденные для призрения бедных беспомощных лиц мужского и женского пола православного вероисповедания Перновского прихода. Имеется богадельня и в

Священномученик Платон (Кульбуш)

Иллуксто-Гринвальдском приходе, но за занятием прихода неприятелем сведений о ней не имеется.

Вследствие ходатайства Епархиального Начальства в г. Риге учрежден церковно-археологический музей с целью сохранения от истребления памятников церковной старины и для собрания их в одно древлехранилище, где могли бы пользоваться ими лица, занимающиеся церковной археологией. В настоящее время имеется в музее более тысячи предметов, между которыми есть немало ценных и важных в археологическом отношении. Имеется также при музее небольшая специальная библиотека, необходимая для научных работ. Делами музея до эвакуации из г. Риги заведовал особый комитет из шести лиц – четырех духовных и двух светских. Некоторая часть более ценных предметов была вывезена при эвакуации в Нижний Новгород Председателем Комитета кафедральным протоиереем Владимиром Плиссом.

V.

ЦЕРКОВНЫЕ ПРИХОДЫ

Приходов в Рижской епархии к 1917 году имеется 210, в том числе латышских 49 и

эстонских 99, смешанных: русско-латышских и русско-эстонских 32, русских 29 и один шведский приход (на остр. Вормс). По ходатайству бывшего Рижского Архиепископа Иоанна, указом Св. Синода от 16 февраля 1917 г. за №1628 открыта вторая штатная священническая вакансия при Кренгольмской Воскресенской церкви с отнесением содержания по сей вакансии на средства правления товарищества Кренгольмской мануфактуры.

VI. ДУХОВЕНСТВО

Всех лиц, состоящих на епархиальной службе, считается в Рижской епархии 642, в том числе протоиереев 29, из них штатных 7, священников 212, диаконов 34, из них на вакансии псаломщика 6, и псаломщиков 367.

Состояние просвещения священно-церковнослужителей. Из общего числа священно-церковнослужителей Рижской епархии окончили курс Духовной академии 15 протоиереев и 6 священников; Духовной семинарии 14 протоиереев и 165 священников, 2 диакона и 45 псаломщиков, так что из состоящих в Рижской епархии 29 протоиереев и 215 священников только 39 человек не получили богословского образования в духовных заведениях.

Полученные в школах научные сведения священнослужители стараются пополнять и преумножать чрез чтение общепользных книг и духовных журналов. Многие, кроме прямого исполнения пастырского своего долга, несут еще и другие обязанности, состоя законочителями в различных учебных заведениях как епархиального ведомства, так и гражданского. Некоторые участвуют литературными трудами в местных Епархиальных ведомостях и в духовных журналах, издаваемых Рижским Петропавловским Братством на эстонском и латышском языках. Священник Александр-Невской

церкви Константин Кокла²⁰ уже шестой год издает при содействии местных православных деятелей «Календарь для православных эстонцев» на эстонском языке.

Состояние исправности в отношении к богослужению и назиданию паствы. Богослужение во всех церквях неэвакуированных приходов совершалось исправно во все воскресные и праздничные дни; торжественные вечерни по воскресным и праздничным дням вследствие неблагоприятных местных условий совершались в редких храмах. Накануне воскресных и праздничных дней совершались всенощные бдения, а в самые дни – утреня, часы и Божественная литургия; во время Великого поста по средам и пятницам совершались утреня, часы и литургия преждеосвященных Даров. Богослужение совершается с должным благоговением, уставно и неторопливо. При многих церквях имеется более или менее благоустроенные певческие любительские хоры, кои значительно способствуют благолепию богослужения. Общего пения в полном смысле этого слова не существует в церквях, тем не менее более употребительные церковные песнопения, как-то «Святой Боже..., Верую..., Отче наш..., Достойно есть...» и некоторые псалмы поются всем народом. Много было попыток ввести общее пение при православном богослужении, много положено было трудов на это православными священниками, но полного успеха в этом деле не достигалось. Отсутствие стихотворного размера в православных песнопениях больше всего препятствовало укоренению общего пения. Эстонцы и латыши, привыкшие в лютеранстве к стихотворному пению, никак не могут усвоить и запомнить православного речитативного пения. По отзывам одного из священников, общенародное пение в православной церкви не может привиться и укорениться, пока песнопения не будут переложены в стихотворный размер. Точно

так же один из благочинных пишет: «Стихи легче запоминаются, стихи сильнее действуют на чувство, в них больше красоты, больше поэзии, стихи своей музыкальной ритмичностью, своей красотой возвышают душу, поднимают религиозное настроение, стихи [...] на собеседованиях в Юрьеве, в школьных помещениях, на вечерних молитвенных собраниях в Эльве, Боккенгофе и Нустаго (?) привлекают туда много народа». Слово Божие проповедывалось священниками весьма усердно; поучения произносились ими неопустительно в каждое воскресенье и праздничные дни. По своему содержанию проповеди были очень разнообразны и вполне соответствовали духу и обстоятельствам времени. Часто проповеди носили обличительный характер: бичевались современные пороки, распущенность нравов, страсть к наживе и зло тайного винокурения. Кроме того, священники произносили поучения также при совершении треб, как в церкви, так и в домах прихожан. Поучения говорились частью собственного сочинения, частью переводные и при этом по преимуществу наизусть, и всегда они слушались с большим вниманием и охотой. Религиозно-нравственные беседы велись не везде, вследствие трудности собрать слушающих при разбросанности на далеком друг от друга расстоянии местожительства прихожан.

Деятельность духовенства в борьбе с пьянством в настоящее время, когда продажа алкогольных напитков запрещена, выразилась лишь в укреплении прихожан на началах трезвости, но тем не менее работу духовенства в этом направлении нельзя считать законченной: в последнее время все чаще и чаще повторяются случаи приготовления домашним способом самодельной водки и тайной продажи ее народу и, таким образом, для духовенства является новая работа – как предохранить народ от сего пагубного соблазна.

Особенное усердие духовенства проявилось по удовлетворению религиозно-нравственных потребностей расквартированных по приходам тыловых воинских частей. Причты часто выезжали в места стоянок и там совершали богослужения и молебствия, причем, всегда при таких посещениях войска священники произносили поучения и речи и тем поддерживали в войсках бодрость духа и патриотическое настроение. Не оставалось духовенство безучастным также и к общественным делам и интересам. Во главе почти всех общественных начинаний стояли православные священники, избравшиеся председателями благотворительных или просветительных обществ или кооперативных товариществ.

Нравственное состояние духовенства. Нравственное состояние духовенства, за весьма малым исключением, вполне удовлетворительно. Своим поведением и исполнением своих служебных обязанностей старшие члены причтов служили добрым примером для младших; последние же, в свою очередь, за редким исключением, относились к ним с уважением и почтительностью. Резких поступков против нравственности и благоповедения среди священно-церковнослужителей не замечалось. Взаимные отношения священников были братские и товарищеские.

Взаимные отношения духовенства и паствы. В настоящее время авторитет православного духовенства в крае среди подавляющего большинства иноверного населения стоит достаточно высоко и доверие к нему народных масс значительное. К слову пастыря прислушиваются и в разных обществах, и в частной беседе. Благотворительность и доступность священников содействует тому, что во всех своих горестях и радостях не только православные, но часто и лютеране обращаются за советом к ним.

Священники благословляют воинов на брань, даруют им нательные крестики;

ходатайствуют и помогают семьям военно-служащих в получении пособий и пенсий. Располагают прихожан к покупке бумаг Государственных займов, посещают лазареты, собирают среди прихожан и учащихся подарки для отправления защитникам родины на фронты военных действий, собирают деньги для составления фонда обучения сирот военнослужащих.

Взаимные отношения православного и инославного духовенства. Отношение православного духовенства к духовенству инославному вообще миролюбиво. Что касается лютеранских пасторов, то они, опираясь на местное сплошь немецкое дворянство и гордое своей материальной обеспеченностью и независимостью своего материального положения от казны, в большинстве случаев относятся к православным священникам с высокомерием, а иногда и с презрением. Многие пасторы в своих проповедях и частных беседах намеками, разными кривотолками стараются посеять в своих слушателях-лютеранах, а через них и в своих бывших духовных чадах, ставших православными, сомнения в истинности догматов и обрядов православной церкви. Такие приемы (?) пасторов мало того, что отвращают от православия их собственных прихожан, они влияют и на православных, потому что лютеране, опираясь на речи своих духовных руководителей, в частных духовных беседах, при деловых сношениях задают своим знакомым и родственникам, принявшим православие, разные вопросы о православном вероучении, опровергают некоторые его положения, выставляя на вид правоту и преимущества лютеранского вероучения. Такое совопросничество опасно в особенности потому, что все сельские приходы в Прибалтийском крае весьма разбросаны так, что прихожане живут на большом расстоянии от своей церкви и священника. Вследствие этой особенности они не имеют

возможности в нужном случае обратиться за руководственной помощью к своему духовному отцу, и брошенное в их души зерно сомнения и недоверия иногда пускает корни и дает плод в виде отпадения от православной церкви. Но, главным образом, пасторы пользуются для своей враждебной пропаганды смешанными браками, направляя на православное лицо нафанатизированную половину – супруга или супругу лютеранского вероисповедания, делая нравственной пыткой жизнь для православного лица. Эта пытка еще более усиливается в жизни разнoverных супругов тогда, когда возникает вопрос о крещении и воспитании детей; православный супруг часто не смеет крестить дитя в православие; при настойчивости же, какую желало бы проявить в этом случае лицо православное, супружеская жизнь под влиянием пасторов обыкновенно становится невыносимой. В своих стремлениях к подавлению православия лютеранские пасторы проявляют большое единодушие и энергию. Они ежегодно устраивают так называемые синоды, на которых обсуждают меры противодействия православию и средства соращения из него в лютеранство. Ту же цель преследуют пасторы, устраивая торжественные богослужения и так называемые библейские праздники. На эти богослужения съезжаются многие соседние пасторы, произносятся проповеди тенденциозного содержания, раздаются брошюры, трактующие о превосходстве и евангельской чистоте лютеранского учения.

Пасторы из эстов и латышей, пользуясь сильным развитием национального чувства у этих народностей, при всяком удобном случае стараются внушать своим прихожанам, что лютеранская вера есть национальная вера эстов и латышей и что уклонение из лютеранства в православие равносильно измене своей народности. Такие же взгляды высказывались нередко и в инородческой печати.

Католические ксендзы проявляли до недавнего времени еще большую враждебность к православию и большую смелость и бесцеремонность, чем лютеранские пасторы. С наибольшим успехом ксендзы действовали через смешанные браки, где во главе семейства – католик отец или ярая католичка. Духовное влияние католических ксендзов-патеров на народ весьма сильное. Для этого ими применяются все средства непосредственного наибольшего воздействия на народ: частая исповедь, говенье, исправительные духовные наказания, запрещение и воздержание в пище, временное лишение причастия, поклоны, публичное покаяние, лежание «крыжем»,²¹ беседы наедине, публичные наставления в костеле, торжественные службы «фесты»²² – с общим народным пением и т.п. Из побочных средств народного воспитания в духе католической религии имеются конфессиональные школы при костелах. В них с восьми лет и ранее мальчики и девочки обучаются чтению молитв по-польски и по-латыни; обучаются хоровому пению молитв – костельных, погребальных, свадебных, при встрече св. Причастия, у постели больного и пр. В этих училищах преподавательницами состоят пожилые женщины, сильные верой и фанатической приверженностью к католической религии; каждое утро из этих школ дети ходят в костел на молитву под орган вместе с воспитательницами. Приучая с малолетства к чтению польской книжки, в которой молитвы изложены под рифму, стихами, католики, подобно лютеранам, давно опередили православных в грамотности, в знании молитв, в умении самостоятельно прочесть и петь их в одиночку и хором при всяких случаях жизни. С особенной торжественностью католиками справляются празднества весенние – «майское набоженство»; продолжающиеся весь май месяц по вечерам праздники Тела Иисуса, Сердца Божией Матери и пр.

Ксендзы, всегда ведшие польско-католическую пропаганду, особенно стали сильны и деятельны в преследовании своих религиозных и скрытых политических целей с дарованием свободы совести. Закон 17 апреля 1905 года о веротерпимости дал широкий простор проявлениям фанатизма ксендзов, которые, обходя все ограждающие православную веру постановления, хитростью и насилием увлекали в католичество православных. Впрочем, необходимо заметить, что враждебность к православию со стороны католической массы и ее духовных руководителей проявлялась лишь в приходах Зельбургского благочиния, где среди населения преобладает католическое большинство, и лишь до середины 1915 года, когда половина этого благочиния была занята неприятелем, в другой же половине общее горе и общий страх перед неприятелем заставили замолкнуть враждебные голоса.

Материальное состояние духовенства. Духовенство получает с 1862 года жалованье от казны, а именно: священники по 1 300 р., диаконы по 550 руб., старшие псаломщики в селах по 300 руб. и младшие по 250 руб. в год, а в городах – старшие по 350 руб. и младшие по 300 руб. в год. В последние мирные годы жизнь вздорожала в несколько раз и прожить на получаемое от казны содержание по местным условиям являлось довольно трудным. С открытием же военных действий, когда вследствие близости края к фронту, совместно с общими причинами, цены на самые необходимые жизненные припасы возросли от 3 до 8 раз, жить на прежние средства стало решительно невозможно. В городских приходах некоторым подспорьем для духовенства являются братские доходы, правда, незначительные, за весьма малыми исключениями; городские священники, кроме того, пополняют свои доходы посторонними занятиями, состоя законноучителями в местных учебных заведениях. В сельских же приходах никаких

братских доходов в виде добротных приношений от прихожан за требоисправление нет; нет и других каких-либо посторонних заработков. Руги²³ причты также ниоткуда не получают. Прежде надель (а таковыми пользуется меньшая часть церквей) давали некоторый доход от земельного хозяйства, теперь же, после повторных реквизиций, эта доходная статья разорена и надолго²⁴. Духовенство, следовательно, лишилось и того подспорья, которое давала земля.

Коли тяжело положение священников, то еще более печально положение псаломщиков, обеспеченных в пять раз меньше. Материальная нужда пастырей, нищета низших членов клира лишает их душевной бодрости, энергии и трудоспособности. Особенно остро ощущается материальная нужда теми священнослужителями, которые ввиду военных обстоятельств вынуждены были покинуть постоянные места своей службы и выселиться со своими семьями вглубь края, а иногда и далеко во внутренние губернии, а также и теми, которые, хотя и остаются на местах службы, но по близости мест их службы к фронту эвакуировали, по предложению военных властей, свои семейства в более отдаленные местности. Первые, покинув на местах своей службы казенные квартиры и все свое домашнее хозяйство, вынуждены ютиться на чужой стороне, дорогой ценой оплачивая занимаемые ими помещения, причём, семейные в целях обучения своих детей вынуждены жить в городах, где и квартиры и съестные припасы дороже, чем в сельских местностях. Вторые, проживая в разлуке со своими семействами, вынуждены жить на два хозяйства, что, естественно, требует и двойных расходов.

Крайне недостаточное обеспечение причтов церквей служит причиной того, что многие, особенно псаломщики, получившие образование в духовных и учительских семинариях, оставляют епархиальную

службу и переходят в другие ведомства, главным образом в министерские школы или же на частную службу. Ввиду крайне малого обеспечения псаломщиков на псаломнические места, в особенности в приходах безземельных, поступают лишь такие лица, которые по своей малообразованности или нерасположенности своей к физическому труду не находят себе нигде более выгодного заработка. Вследствие сего образовательный уровень состава псаломщиков постепенно понижается, что не может не отразиться крайне вредно как на церковном, так и на школьном деле.

В настоящее время, когда во всех отраслях труда цены на рабочие силы поднялись весьма высоко, вопрос об обеспечении церковью епархии псаломщиками приобретает особую остроту. Во многих приходах псаломщики или призваны на войну по набору или из запаса, или поступили в армию добровольцами, или же перешли на более высокие должности. Есть церкви, при которых нет ни старшего, ни младшего псаломщика, и где священник, помимо совершения богослужений и треб, вынужден единолично вести все дело преподавания в приходской школе. Желающих занять вакантные должности правоспособных кандидатов весьма трудно подыскать, в особенности для тех церквей, где положенное казенное жалование сохраняется за призванными на войну и где заместителю может быть предложено лишь скудное вознаграждение из местных средств.

Вследствие ходатайства Архиепископа Иоанна пред бывшим Обер-Прокурором Святейшего Синода А. Раевым²⁵ было отпущено из казны 135 000 рублей для удовлетворения нужд духовенства Рижской епархии до конца 1916 года, ассигнованных из казны на нужды духовенства всей Российской империи 10 000 000 рублей, а засим в феврале месяце 1917 года было дополнительно выслано Хозяйственным

Управлением при Святейшем Синоде, с утверждения Обер-Прокурора, на выдачу пособий духовенству епархии 40 000 рублей. Ввиду невозможности по обстоятельствам военного времени созвать Епархиальный съезд для распределения отпущенной суммы между нуждающимися причтами, по распоряжению Архиепископа были собраны в ноябре 1916 года благочинные епархии, которые и распределили означенную сумму (135 000 руб.) в таких размерах: священникам по 280 руб., диаконам по 220 рублей, псаломщикам по 170 руб. и просфорням по 75 руб. Но выделив из числа духовенства священников, диаконов и псаломщиков, особенно нуждающихся, съезд благочинных назначил им дополнительное пособие по 47 рублей. В октябре отчетного 1917 года Рижским Архиепископом было возбуждено ходатайство об отпуске в пособие духовенству Рижской епархии 335 000 руб., на что ходатайство остается неудовлетворенным. Возбужденное Епархиальным Пресвященным в мае 1916 года ходатайство об отпуске 3 000 руб. на вознаграждение заместителей псаломщиков в тех приходах епархии, в коих один или два псаломщика призваны на действительную военную службу, оставлено было Св. Синодом за отсутствием средств без последствий (указ Св. Синода от 19 сентября 1917 г. за №619).

VII.

ПАСТВА И ДВИЖЕНИЕ ИНОРОДЦЕВ В ПРАВОСЛАВИЕ

Православной паствы в отчетном году по представленным епархиальному начальству документам числилось всего [...] ²⁶ человек обоюбого пола. Но эту цифру нельзя признать вполне верной, так как, с одной стороны, за эвакуацией причтов Курляндской губернии и некоторых приходов Лифляндской губернии не всеми благочинными епархии представлены требуемые отчетные сведения, а,

с другой стороны, с приближением неприятеля многие православные выселились из пределов Курляндской губернии и из прилегающих к фронту местностей Курляндской губернии, в том числе и из г.Риги.

Главную массу православного населения составляют инородцы – эсты и латыши. В отчетном году перешло в православие из лютеранства [...] ²⁷ человек, детей же вместе с родителями перешло [...], ²⁸ а всего [...] ²⁹ человек. В предшествовавшем 1915 году (?) перешло из православия в лютеранство взрослых и детей – [...] ³⁰ человек. Эти два последних года в отношении числа перешедших из православия в лютеранство почти не разнятся между собой, но по сравнению с предшествовавшими годами (1913-1914 гг.) представляют большую разницу. Так в 1913 году перешло из православия в лютеранство взрослых и детей [...] ³¹ человек и в 1914 году [...] ³² человек. В таком уменьшении цифры переходящих из православия в лютеранство нельзя не видеть успеха дела православия, хотя, с другой стороны, нельзя признать вышеуказанные цифры вполне точными и верными вследствие отсутствия сведений от эвакуированных причтов епархии. Причинами перехода в лютеранство, как и в прежние годы, в отчетный год являлись: 1. безземельность и бедность православного населения; 2. поступление в услужение к хозяину-лютеранину; 3. надежда в лютеранстве выйти выгоднее замуж или найти богатую невесту; 4. разбросанность отдельных православных среди лютеран; 5. влияние лютеранской массы; 6. отдаленность от православной церкви и школы; 7. ненависть и притеснения со стороны лютеран; 8. в особенности, вступление в смешанные браки. Последние, как показал многолетний опыт, являются громадным злом и служат сильным орудием к совращению православных. Тирания лютеранской половины в смешанном браке обыкновенно так сильна и упорна, и неприятности,

чинимые ею православной половине из-за веры так велики, что православная половина, нередко со слезами на глазах, вынуждена бывает в конце концов отказаться от своей веры и перейти в лютеранство. Раздоры, неприятности в смешанных браках, главным образом, возникают из-за детей, которые по закону должны быть крещены в православие. При отце-лютеранине православная супруга в семье часто оказывается совершенно одинокой и, при нетвердости в вере, легко может уклониться.

Гораздо хуже обстоят дела там, где у православного мужа жена лютеранка: дети, правда, крестятся православными, но мать их воспитывает по-лютерански и, с достижением зрелого возраста, они являются потерянными для церкви. Во внутренних губерниях, при окружающей православной среде и твердости православного быта, такие браки привлекают инославных в церковь, в Прибалтийском же крае замечается совершенно обратное явление. Немалую роль в деле уклонения православных в иноверие играет и печальное положение многих православных храмов, тесных и грозящих по местам разрушением, и крайне убогая обстановка православных школ. При сравнении убогих православных храмов, наемных молитвенных домов и школ с обширными и величественными лютеранскими кирхами, бросающимися в глаза своими высокими колокольнями на несколько верст, с благоустроенными и материально обеспеченными лютеранскими школами, местное православное население невольно приходит к убеждению, что лютеранство является в крае вероисповеданием привилегированным и что выгоднее быть лютеранином, чем православным.

Формально переходу в лютеранство в отчетном году, как и в прежние годы, предшествовало увещание уклоняющегося в лютеранство православным пастырем. Из донесений приходских священников видно

было, что некоторые из увещаемых совершенно отказывались входить в какие-либо рассуждения о вере и не хотели объяснять о своих побуждениях к переходу в лютеранство и сектантство, заявляя лишь о своем непреклонном намерении оставить православие. Многие совсем не являлись к священнику для увещания, а некоторые сообщали гражданской власти неверные адреса, чтобы лишить священников возможности розыскать их и, таким путем, избежать необходимости объяснить происшедший в них душевный перелом, искренний или мнимый, своему духовному отцу. Но при всем том из донесений священников можно было усмотреть, что, за весьма редкими исключениями, у уклонившихся не замечалось особенно враждебного и ненавистного отношения к православию. Напротив, многие при пастырских увещаниях заявляли, что православию они любят и скорбят об оставлении его, но не имеют силы переносить тяжелую семейную жизнь вследствие угнетений и придирок со стороны иноверного супруга и его родных, или что не имеют сил отказаться от избранного жениха или невесты. Несколько, однако, человек под влиянием пастырских увещаний совершенно оставили свое намерение перейти в лютеранство.

Были уклонения и в католичество, но единичные. Уклонения в католичество происходят обыкновенно в православных приходах Зельбургского благочиния. В то время, как приходы других благочиннических округов рассеяны в Прибалтийском крае в массе лютеранского населения, православные приходы Зельбургского благочиния находятся среди густого католического населения в Илукстском уезде Курляндской губернии. Экономические бытовые причины, так же, как и при переходе в лютеранство, имеют главное значение в деле измены православию и уклонения в католичество. Православные крестьяне

(белоруссы, латыши, литовцы) в Зельбургском округе составляют главный контингент мызных работников и кутников, т.е. живущих на «куту» – на небольшом участке у зажиточных католиков, а также «пацовиков», живущих на арендуемых земельных плацах (участках) от помещиков. На стороне католиков – масса, отличающаяся, в общем, материальным достатком, на стороне православных, в большинстве случаев, бедность, а потому и зависимость. Живя на чужой стороне или в качестве безответного работника на мызе или «на куту» и желая всегда сохранить благоволение своего помещика, чтобы не лишиться участка земли или заработка, крестьяне вынуждаются вступать в сделки со своей совестью и изменять православия. Бедностью православного населения особенно пользуются католики, поставляя православных в безвыходное положение и обещая радости по переходе в костел. Вторым средством к соращению православных являются смешанные браки. До закона о свободе вероисповедания рождавшиеся от смешанных браков дети беспрекословно крестились их родителями в православной церкви, и возрастать этим детям в недрах православия содействовал закон, ограждавший православных от незаконных посягательств инославных; с дарованием же свободы веры при самом уже совершении брачного обыска жених или невеста из католиков стали совершенно отказываться давать установленную законом предбрачную записку. А если и соглашались, к чему побуждением бывает недостижение гражданского совершеннолетия либо нежелание расстраивать подготовленную свадьбу, то намерение свое в отношении крещения детей по католическому обряду повенчанный католик часто осуществляет в ближайшем будущем, по требованию ксендза, даже не спрашивая на то согласия православной супруги.

Но если, к прискорбию, ежегодно находятя отступники от православия, то, однако же, православная паства каждый год приобретает и новых членов себе. В течение отчетного года было немало присоединений к православной церкви из других вероисповеданий, но точной цифры числа присоединившихся, за неполучением сведений от благочинных, указать не представляется возможным.

Утешительным является то обстоятельство, что и многие из лютеран относятся с уважением к Св. Православной церкви, ее вере, богослужениям и таинствам, и при разных трудных обстоятельствах жизни обращаются к молитвам Православной Церкви: служат молебны, ставят свечи, целуют Св. Крест и евангелие, поклоняются св. Плащанице в великий пяток; по примеру православных в праздник Богоявления берут освященную воду на дом для употребления в случаях заболевания и для окропления жилищ, воздерживаются от принятия пищи в то утро, когда приступают к Св. Причастию, отдают детей своих в православные школы, жертвуют иногда деньгами или материалом на нужды православных храмов; многие, особенно женщины, скорбят душой, что у них нет молитв за умерших. В последнее время под влиянием возникшей войны с Германией наблюдается тот отрадный факт, что за молитвенным утешением в православные храмы приходят многие лютеране.

Появлению среди лютеран некоторого охлаждения к лютеранской церкви, помимо давно признанных ненормальностей ее, в Прибалтийском крае немало содействовали и сами лютеранские пасторы, многие из них совершенно не желали молиться о даровании победы русскому народу, избегали такой молитвы или молились двусмысленно, не указывая, кого нужно подразумевать под врагами; молились, чтобы Господь покарал поднявшего меч, а в частных беседах с

прихожанами объясняли, что в нынешнем страшном кровопролитии виновны русские, что германцы не хотели войны; хвалили немцев и порицали русских. Вследствие сего лютеране потеряли доверие к своим духовным руководителям и во многих случаях переносят таковое на православное духовенство. Православных священников волости с преобладающим лютеранским населением нередко избирают председателями волостных попечительных комитетов о семьях запасных; к православным же священникам лютеране несут и свои денежные лепты и пожертвования вещами в пользу наших воинов; к ним же идут изливать свое горе, когда, напр., долгое время не получают вестей от находящихся на войне отцов, мужей и братьев; к ним же обращаются с просьбами об исходатайствовании казенного пособия и т.д. Весьма трогают лютеран и произносимые в православных церквях молитвы, каких нет в лютеранстве: о даровании победы русскому оружию, об избавлении пленных, о скорейшем выздоровлении раненых, о павших на поле битвы.

К сожалению, насколько православие пользуется симпатиями массы иноверческого сельского населения, настолько же антипатию к себе оно вызывает в сердцах отдельных представителей местной лютеранской интеллигенции, не только немецкой, но и инородческой националистической. В самое тяжелое переживаемое время они позволяют себе недостойные выходки против православной веры.

Благочестие народа не уменьшилось, но, наоборот, в связи с военными событиями еще более увеличилось. Нет почти семейств, где бы один или более членов которого не участвовали бы в отражении дерзкого врага. Оставшиеся в домах усерднее, чем было раньше, посещают храм Божий, служат молебны о здравии и спасении ушедших на войну и панихиды по положившим жиизнь свою на поле брани. Православные латыши

и эсты Прибалтийского края, зная по горькому 700-летнему опыту, чем грозит краю победа тевтонов, от всей души воссылают к Всевышнему молитвы о даровании победы русскому оружию, со вниманием слушают произносимые пастырем проповеди, любят церковное пение и охотно принимают в нем участие, выстаивают продолжительные церковные службы. Особенно полны бывают храмы в те дни, когда совершается заупокойное богослужение, причем молящиеся стоят в течение всей службы, держа в руках возженные свечи. Среди народа существует еще добрый обычай обставлять проводы умершего и самое погребение возможной торжественностью: впереди погребальной процессии всегда несут запрестольный крест и икону, могилу убирают цветами и, вследствие наплыва высоких грустных чувств, любят при закапывании покойника в могилу слушать умирительное пение – погребальных стихов, ирмосов великого канона и пр. Некоторые благочинные отмечают в своих отчетах, что более религиозно настроено коренное деревенское население, а люди, побывавшие в городах и на фабриках, уже относятся к религии холоднее и даже с враждебностью.

Наиболее живо и наглядно проявляется религиозное усердие и замечается большой подъем религиозного чувства по поводу различных духовных торжеств, как-то: освящения храмов, посещения чудотворных икон и пр. Так, Пюхтинская обитель с ее святыней – чудотворной иконой Божией Матери – глубоко почитается не только православными жителями ближайших к Пюхтице приходов, но и полуверцами-лютеранами, которые с такою же верою, как и православные, прибегают к чудотворной иконе с молитвами, служат молебны, ставят свечи. Икона эта в течение лета приносится и в другие местности, а именно: в город Ревель в конце апреля на 10 дней, в г. Нарву и в м. Усть-Нарву на 10 дней, в село

Сыренец, а также и в лежащие близ него селения Овсово и Яма, на один месяц – с 13 июля по 14 августа, и в село Олешницы к 8 сентября – дню храмового праздника, и здесь пребывает три дня. Всюду святая икона встречается и провожается с большой торжественностью, с крестными ходами, при многочисленном стечении богомольцев. В селениях Сыренце, Овсове, Ямах и Олешницах, населенных русскими, нет семейства, которое бы не приняло бы св. иконы у себя на дому с великой радостью, многие при этом не удовлетворяются обычным молебном, а просят еще прочесть акафист Успения Пресвятой Богородицы. Эту любовь к святыне местное русское население унаследовало от своих предков, которые в продолжение столетий ежегодно ко дню 15 августа носили Пюхтицкую чудотворную икону Успения Божией Матери на святую Пюхтицкую гору для совершения там молебна и водосвятия на св.источнике, презирая все лишения и препятствия, которые им приходилось встречать со стороны местных немецких помещиков.

В г. Митаву и Спасо-Преображенскую пустынь, с разрешения Святейшего Синода, до времени занятия этого города неприятелем в 1915 году, ежегодно накануне первого воскресного дня в мае месяце приносилась находящаяся в Якобштатдском Свято-Духовом храме местночтимая икона Божией Матери сроком на две недели. Кроме того, до эвакуации по случаю военных действий жителей из г. Риги, в г.Ригу с разрешения Святейшего Синода ежегодно 7 сентября приносилась из Псково-Печерского монастыря чудотворная икона Божией Матери «Умиление» и имела пребывание в церкви Свято-Троице-Сергиева женского монастыря до 5 октября. В течение этого времени икона приносилась в приходские храмы и в дома частных лиц по особо составленному расписанию. Торжественная встреча и пребывание почитаемой

святыни благотворно действовало на поднятие религиозного духа и чувства православных рижан.

Но наряду со светлыми явлениями и фактами религиозно-нравственной жизни края наблюдаются и печальные явления. Так, с постоем войск нравственность среди лиц женского пола сильно пала: развилось незаконное сожительство с военными чинами, стала распространяться среди женщин вследствие такого сожительства небывалая до того «ужасная болезнь», и последствием незаконного сожительства было рождение в отчетном году многих внебрачных детей.

Исполнение долга исповеди и св. Причастия. В отчетном году исполнивших долг исповеди и св.Причастия по представленным епархиальному начальству сведениям было по епархии всего до 150 000 человек обоего пола. Но так как не от всех благочинных, за эвакуацией многих причетов епархии, поступили требуемые отчетные сведения, то и вышепоказанное число бывших на исповеди нельзя признать вполне верным; можно думать, что число их в действительности больше. По отзывам некоторых благочинных число не исполняющих христианский долг по опущению с каждым годом уменьшается, что служит показателем подъема религиозного чувства среди населения. Причинами замечаемого в некоторых приходах уклонения от исполнения христианского долга исповеди и св.Причастия благочинные признают, кроме равнодушия к вере, еще 1) прихожане-латыши и эсты живут хуторами, часто на весьма большом расстоянии от церкви, и 2) то, что православное население в общем бедное: батраки и безземельные крестьяне. Работая у хозяев-лютеран, они часто принуждены бывают подолгу не посещать церкви и богослужений. Для семейных же людей, малолетних детей причиной опущения долга исповеди иногда можно считать и то, что почти все сельские церкви холодные:

проехать до церкви верст 10-15 ранним утром в зимний мороз, а потом простоять в холодной церкви утреню, исповедь, часы и Божественную литургию, притом еще с малыми детьми, – на это не всякий может решиться.

Состояние знания прихожанами истин веры, заповедей и молитв. Присоединившиеся к православию латыши и эсты знают начальные молитвы, заповеди, символ веры, а некоторые из них очень хорошо знакомы с библией, могут объяснить смысл и значение важнейших обрядов православной церкви. Также и в молодом подрастающем поколении степень знания начальных истин веры, заповедей и молитв, в общем, достаточна. Где матери, убежденные в православии, там дети выучивают под их руководством начальные, утренние молитвы и вечерние, а также заповеди и символ веры еще до поступления в школу. Знание молитв слабее в семьях, живущих батраками у хозяев-лютеран или баптистов, которые постоянными едкими насмешками и издевательствами над православием вредно действуют на религиозно-нравственное состояние своих служащих. Благодаря тому, что в многих приходах установилось при богослужении общее пение, православное народонаселение легко ознакомляется с церковными песнопениями и молитвами, а потому «Церковный песнослов» составляет необходимую принадлежность каждой семьи.

Многие из прихожан состоят членами различных благотворительных обществ и в сем звании трудятся в пользу меньшей братии, а иные бесплатно обучают детей. В некоторых приходах производится раздача при церквях более богатыми крестьянами бедным печеного хлеба и других съестных припасов, а также и денег по большим праздникам или по особым семейным событиям, радостным или печальным, как, напр., при крестинах, свадьбах и похоронах. Подается посильная помощь погорельцам

или пострадавшим от других несчастных случаев. Особых выдающихся пожертвований от прихожан на пользу церкви и духовенство не было в отчетном году.

Главнейшим же образом благотворительная деятельность местного православного населения, а также и духовенства в отчетном году, как и в предшествовавшем 1916 году, проявлялась заботой через попечительные советы о семьях лиц, призванных в войска.

Говоря о благотворительной деятельности местного православного населения в связи с переживаемым военным временем, нельзя не упомянуть и о тех материальных жертвах, которые принесены монастырями епархии и служащими по епархиальному и духовно-учебному ведомствам на нужды войны. Монастыри епархии, насколько позволяли им материальные средства и переменчивые обстоятельства военного времени, принимали участие как в деле вспомоществования семьям призванных на войну, так и в деле непосредственной помощи больным и раненым. При Рижском Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре в 1914 году, вскоре после открытия военных действий, был открыт лазарет на 25 кроватей, расширенный затем в следующем 1915 году до 55 кроватей. На содержание лазарета монастырь получал пособие от духовенства епархии, Епархиального Попечительства о бедных духовного звания, служащих Рижского духовного училища и духовной семинарии, от студенческих организаций Рижского Политехнического Института и некоторых других учреждений и частных лиц. Кроме того, монастырь со своей стороны бесплатно отпускал на содержание лазарета натурою молоко, хлеб, овощи, квас и пр. Лазарет действовал при монастыре до апреля месяца 1915 года, когда ради безопасности был переведен в г.Юрьев; просуществовав там еще два месяца, лазарет за последовавшей эвакуацией монастыря должен был закрыться.

При Пюхтицком Успенском женском монастыре был открыт в 1914 году и существовал до времени эвакуации лазарет на 20 кроватей, содержащийся на средства монастыря, а частью на процентные отчисления из жалованья духовенства Эстляндской губернии. Сверх того, монастырь жертвовал от себя и принимал от частных лиц готовое белье и другие необходимые нашим воинам вещи и отправлял их по назначению, а также оказывал посильную помощь семьям лиц, призванных на войну.

При Иллукстском женском монастыре в 1914 году был оборудован лазарет на 10 кроватей. На содержание его, кроме монастырских средств, употреблялись процентные отчисления от жалованья духовенства Зельбургского и Керстенбемского благочиний и педагогического персонала Иллукстского епархиального женского училища. С эвакуацией монастыря летом 1915 года лазарет этот также закрылся.

Монашествующие в Рижском Алексеевском монастыре, а также и послушники до эвакуации из города Риги ежемесячно отчисляли из получаемого ими из казны содержания в пользу больных и раненых воинов – первые 3%, последние 2%. Такие же отчисления из жалованья производились духовенством и служащими духовных учреждений епархии. Духовенство епархии, за исключением некоторых эвакуированных благочиний, отчисляло от 1% до 5% из получаемого казенного содержания в пользу больных и раненых воинов, отсылая таковые отчисления в женские монастыри епархии на содержание лазаретов и в другие местные лазареты. Педагогический персонал Рижской духовной семинарии и духовного училища отчисляли по 2% с получаемого содержания на лазарет духовно-учебных заведений преподобного Серафима Саровского в Петрограде. Педагогический персонал Иллукстского епархиального женского училища также

отчислял ежемесячно по 2% из получаемого жалованья на содержание лазарета при Иллукстском женском монастыре.

Учрежденное в 1914 году в Риге общество Святого Креста, цель которого – оказывать посильную помощь и духовно-нравственную поддержку бедным православным людям, прибывающим в г.Ригу на заработки или по другим каким-либо надобностям и часто бедствующим здесь из-за невозможности как иногородним получить помощь от города, по военным обстоятельствам со второй половины 1915 года вынуждено было прекратить свою деятельность.

VIII.

РАСКОЛ И СЕКТАНТСТВО

Нельзя с совершенной точностью определить число раскольников за отчетный год, так как от некоторых благочинных, вследствие эвакуации их, не поступило годичных отчетных сведений, а другие заявляют в своих донесениях, что сведения о численности раскольников не отличаются полной достоверностью. В предшествующие войне годы раскольников в епархии числилось до 21 000 человек. Почти все раскольники принадлежат к федосеевской и приморской³³ беспоповщины сектам, и только в г. Риге среди проживающих в районе фабрики Кузнецова есть значительное число последователей австрийского согласия³⁴, у которых постоянно проживает священник австрийской лжеиерархии. Раскол наиболее распространен в г. Риге и в приходах: Гривском, Хрщевском, Салонайском, Воронейском, Пирисаарском, Черносельском, Якобштадтском Покровском, Фридрихштадтском, Икскульском и Гензельсгофском. К православию и к православному духовенству старообрядцы, за некоторыми исключениями, вражды не проявляют; с православными прихожанами живут миролюбиво и вражды или

ненависти в их взаимоотношениях вообще не замечается. Старообрядцы при некоторых случаях (при браках и погребениях) посещают даже православный храм и отдают детей своих в православные школы. Пропаганды старообрядчества среди православных почти не ведется. В отчетном году уклонилось из православия в старообрядчество всего 3 человека.

Кроме раскольников-старообрядцев в Рижской епархии немало разного рода сектантов, вышедших из недр лютеранства. В приходах, расположенных на острове Эзеле (Лифляндской губ.), главным образом в г.Аренсбурге, встречаются разные секты – свободноверующих, баптистов, методистов и адвентистов. До настоящей войны секты эти вели довольно усиленную пропаганду среди народа и находили последователей, особенно среди лютеран. Впрочем, сектанты продолжали вести пропаганду и во время войны, по крайней мере, до весны 1915 года. Но с того времени, как главные руководители сектантства стали проповедывать, что убивать на войне грех, что нужно бросать оружие и сдаваться врагу, и когда православные священники, в свою очередь, стали разъяснять народу, откуда явилось это учение и для какой цели, что родина их Германия³⁵ и что проповедники этих учений являются просто агентами германского правительства, действующими в интересах Германии и в видах отчуждения русских инородцев от России, – народ охладил к новым учителям, и в отчетном году сектантская пропаганда совсем затихла. Молитвенные собрания у них бывают, но не замечалось уже стремления к соращению, по крайней мере, православных в эти секты. Для противодействия сектантству и к предохранению своих прихожан от увлечения сектантскими учениями священники со своей стороны принимают все меры: в проповедях раскрывают ложность учения сектантов, предупреждают от посещения

их собраний, распространяют брошюры и книжки религиозно-нравственного и противосектантского содержания; устраивают в школьных домах тех приходов, где особенно стало прививаться сектантство, молитвенные собрания с общим пением духовных песнопений с противосектантскими беседами и беседами. По донесениям священников, православные в сельских приходах также перестали интересоваться молитвенными собраниями и учениями сектантов. В г. Ревеле и в приходах Балтийско-Портском, Аррскольском, Тапском, Ангернском (Ревельского и Вейсенштейнского уездов) имеются сектанты-баптисты, младоштундисты, евангельские христиане, гернгутеры и ирвингиане.

Первой рационалистической сектой как вообще Прибалтийского края, так и, в частности, города Ревеля нужно считать гернгутерство; оно возникло в 40-х годах XVIII века. В 70-х годах XIX века появилось ирвингианство³⁶. За ним открыл свою деятельность баптизм; первая община этого вероучения зарегистрирована в 1896 году. От баптистов не отстали адвентисты; и они распространяют свое «благовестие» в Ревеле. Евангельские христиане появились в 1913 году. Хотя сектанты и утверждают, что они преследуют одни только религиозные цели и не имеют никакого соприкосновения с политикой, но на самом деле они весьма часто занимаются распространением противогосударственных и антиимпериалистических идей. Для этой цели они пользуются проповедями и молитвами на своих богослужебных собраниях. Проповедники нарушают допустимые пределы проповеди и широко пользуются ею для тенденциозного освещения вероисповедной политики государства, положения сектантства и общего состояния страны; позволяют себе разного рода выпады по отношению к господствующей Церкви и обращают проповеди в рассуждения на

темы политического характера. Нередко при этом, как в проповедях, так и в импровизированных публичных молитвах, они указывают на своих единоверцев, подвергшихся карам со стороны государства за совершение преступлений, как на мучеников за веру; преследования их выставляют, как козни сатаны, а органы правительственной власти, как орудие дьявола, и подстрекают слушателей оказывать помощь, – не боясь ни тюрьмы, ни ссылки, – распространению Царства Христова на земле, под каковым они разумеют рост сектантства. Помимо богослужбных собраний сектанты ведут свою пропаганду чрез функционирующие в России и не находящиеся в ведении Православного Исповедания³⁷ Библейские и Трататные общества. Состоящие на службе названных обществ лица – в интересах сектантства и усиления враждебных отечеству влияний, – прикрываясь законными намерениями раздачи книг и св.Писания, проникают в воинские части, в воинские лазареты и в самые глухие углы отечества для распространения сектантских идей, противогосударственных тенденций, антимилитаристических учений и даже для целей шпионажа. Далее, нельзя не отметить стремления сектантских организаций использовать в своих интересах места массового скопления населения, как-то: фабрики и заводы, работающие на нужды обороны, железные дороги, пароходы и пр. В таких местах названные организации весьма часто содержат своих агентов, преследующих цели пропаганды среди служебного персонала. В видах предупреждения и пресечения усилий сектантов использовать вероисповедные движения в интересах противоправительственной и антимилитаристической пропаганды, правительством были преподаны соответствующим учреждениям и лицам руководственные указания для наблюдения за деятельностью сектантов. Именно: 1) проповеди и импровизированные молитвы

с рассуждениями на политические темы необходимо рассматривать как публичные политические речи, произнесенные без соблюдения правил 4 марта 1906 года о собраниях, причем, виновные в том лица, если не подлежат судебному преследованию, должны быть подвергаемы административным взысканиям на основании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, 2) собрать сведения о книжных складах и агентствах Библейских и Трататных обществ, не находящихся в ведении Св. Синода, в частности, о составе их служащих, их национальности, вероисповедании и отношении к сектантскому движению, 3) при разрешении ходатайств о разрешении книгоношам продажи книг вразнос с особой осмотрительностью проверять политическую благонадежность и отношение к противогосударственным вероисповедным движениям книгонош, 4) установить бдительное наблюдение за сектантами, служащими в промышленных предприятиях, в особенности работающих на оборону.

Наблюдениями и надзором за сектантскими общинами установлено вредное направление деятельности во время настоящей отечественной войны. Сектантские проповедники работают над осуществлением идей, грозящих внести в души поданных России ослабление чувства любви к отечеству; они под видом религиозных истин внушают молодым людям призывного возраста находящимся на военной службе, идеи, разлагающие воинский дух и извращающие понятие о присяге. Результатом такой пропаганды были довольно частые случаи отказов нижних чинов из сектантов – в большинстве случаев, баптистов, евангелистических христиан и адвентистов – по религиозным убеждениям от употребления оружия против врагов и от участия в войне. Так, под влиянием этой сектантской пропаганды на одном военном

судне в Балтийском флоте нижние чины отказались от исполнения своих прямых обязанностей, оправдываясь своими религиозными убеждениями. Ввиду прекращения такого вредного влияния сектантов на воинских чинов комендантом морской крепости Императора Петра Великого³⁸ в августе месяце 1915 года безусловно воспрещены были собрания и проповеди евангельских христиан в пределах района крепости с предупреждением выселить из района крепости нарушителей запрещения. Относительно баптистов тоже выяснилось, что они ведут пропаганду антимилитаризма в среде нижних чинов гарнизона крепости Императора Петра Великого. Поэтому собрания их были в апреле месяце 1916 года воспрещены не только в районе крепости, но и по всей Эстляндской губернии. Запрещены также молитвенные собрания адвентистов. Гернгутеры же были изобличены в проповеди идей германизации эстонского населения. По произведенном жандармскими властями по поручению коменданта морской крепости Императора Петра Великого расследовании оказалось, что евангельское братское общество – так официально называется община гернгутеров – существует вопреки закону, состоит из местных жителей-эстонцев евангелическо-лютеранского исповедания, за исключением брата-попечителя – немца, действительного члена, назначенного обществом гернгутеров из Германии. Будучи отделением братства гернгутеров в Германии, это общество чрез своего брата-попечителя служило целям германизации эстонского народа. Признавая такую деятельность евангелического братского общества вредной для российских государственных начал, комендант морской крепости Императора Петра Великого приказом от 19 января 1916 года за №168 предписал: 1) закрыть в пределах крепостного района евангелическо-лютеранское братство на все время военного

положения, 2) прекратить издание журнала «Петения» (?) на все время военного положения, 3) наложить секвестр на недвижимое имущество братства, капиталы и доходы с них на все время военного положения.

В Гапсальском уезде существуют баптисты, так называемые члены свободной веры, братья евангельской общины Иисуса Христа, адвентисты и ирвингиане. Все эти секты относятся враждебно ко всем православным. Наибольшая деятельность сектантов замечается на островах Даго и Вормс и в районе Мазммаского (?) прихода.

В г. Юрьеве и уезде существуют секты баптистов, адвентистов, штундистов и евангелическая община или братство. Юрьевское евангелическое братское общество Аугсбургского исповедания существует в Юрьеве около 100 лет и владеет здесь молитвенным домом. Богослужения в молитвенном доме в Юрьеве происходят по воскресным дням и большим праздникам церковным в 8 часов утра и в 6 часов вечера, когда нет богослужения в лютеранских церквях. Обрядов никаких при этом не совершается, и доступ на собрания имеют все лица, без различия пола, возраста и вероисповедания. В национально-государственном отношении настроение членов братства не подавало повода к сомнению в преданности отечеству и вообще в деятельности их ничего предосудительного не замечено.

В Риге есть евангельское братское общество, насчитывающее 200 членов-латышей, и имеет каменный молитвенный дом. В Риге также есть сектанты-баптисты, имеющие здесь несколько молитвенных домов. Но особенного заметного влияния на православное и инородческое население г.Риги эти секты не оказывают.

В Феллине евангельское братство имеет молитвенный дом; членов братства насчитывается 127 человек обоого пола, все они эстонцы русского государственного

направления, и деятельность их сводится к укреплению среди них религиозного чувства.

В уездах Лифляндской губернии места-ми имеются молитвенные дома гернгу-теров; в Юрьевском уезде – три дома, в Перновском – три, в Верроском – десять, в Вольмарском – один, в Валкском – семь, в Эзельском нет их. Около этих молитвенных домов группируется незначительное количество лиц, называющих себя «братьями». В молитвенных домах время от времени совершается богослужение местными пасторами или «братьями» по указанию и с ведома пасторов.

При разнообразии существующих в Прибалтийском крае сект таковые находят себе более или менее благодарную почву для распространения лишь в среде лютеранской, в генетической связи с которой они находятся, на православное же население эти секты оказывают мало влияния.

Епархиальный Миссионерский Совет. Епархиальный Миссионерский Совет не имел возможности в отчетном году проявить особой деятельности, потому что члены его, вследствие эвакуации из Риги, рассеяны были по разным городам России. Всех отделений Миссионерского Совета имеется десять: Дагенское, Эзельское, Гапсальское, Ревельское, Виндавское, Либавское, Юрьевское, Иллукстское, Верровское и Феллинское. Наиболее оживленную деятельность в отчетном году проявило Юрьевское отделение. Последнее в отчетном году заменяло собою Епархиальный Миссионерский Совет, благодаря тому обстоятельству, что Преосвященный Иоанн до времени своего отъезда в августе месяце в Москву для участия на Поместном Всероссийском Соборе имел временное свое пребывание в Юрьеве, благодаря чему имел возможность руководить деятельностью отделения и лично наблюдать за осуществлением миссионерских задач.

Регулярно и систематически беседы поставлены в Юрьеве, где велись они на русском и эстонском языках. Русские беседы происходили в Успенском соборе от 1 октября до Пасхи по воскресным дням в 5 часов вечера. Беседа предварялась совершением вечерни и чтением, часто Преосвященным Иоанном, акафиста. Беседы, предлагаемые проживающими в городе Юрьеве священнослужителями, выслушивались внимательно слушателями, собирающимися в значительном количестве и с высоким духовным воодушевлением исполнявшими церковные песнопения. Эстонские беседы происходили в Александро-Невской церкви по воскресным дням в 6 часов вечера, а во время поста и по четвергам. Беседы эти привлекали много слушателей – не только православных, но и лютеран и сектантов; среднее число слушателей было 500-600 человек. Вниманием и большим успехом пользовались открытые в 1915 году миссионерские и религиозно-нравственные беседы, проходившие в отчетном году в помещении начальной школы при Учительской семинарии – по четвергам каждой недели в 7 часов вечера. В каждом собрании предлагались две беседы: одна миссионерского содержания, другая – религиозно-нравственного характера. С беседами выступали священники Юрьевского уезда, не только ближайšie к городу, но и проживавшие на дальнем расстоянии. Священники других благочиний, бывая по делам в Юрьеве, приходили на беседы и знакомились с постановкой их, чтобы в своих приходах по этому образцу устроить такие же беседы. Некоторые из них и сами предлагали назидательные поучения слушателям. Присутствуя лично до времени своего отъезда в Москву, Преосвященный Иоанн заканчивал их прилагаемыми со своей стороны наставлениями. Эти беседы привлекали значительное количество слушателей (до 400 человек),

даже в летнее время посетителей бывало до 150-170 человек. Слушатели внимательно выслушивали беседы, с воодушевлением пели церковные песнопения и духовные стихи. Они не только в беседах получали удовлетворение своим духовным запросам,

но, покидая собрание, приобретали для домашнего чтения книги и листки религиозного содержания и номера эстонского духовного журнала. Продажа книг при беседах организована была священником Н. Кокла.

Примечания

- 1 Исторический (Национальный) архив Эстонии (далее – ЕАА), ф.2267, оп.2, д.12, л.2.
- 2 Следует отметить, что во время всех этих событий будущий епископ Платон (Кульбуш) находился в Петрограде, т.е. в самом эпицентре событий.
- 3 Доклад Св.Синода о преобразовании Рижского викариатства Псковской епархии в самостоятельную Рижскую епархию Николай I утвердил 25 февраля 1850 года. Рижская епархия была открыта с 1 июля 1850 года. Непонятно, почему автор отчета называет годом основания епархии 1851 год. Видимо, при написании данного отчета использовался предыдущий отчет – за 1914 год, в котором была эта же опечатка.
- 4 Архиепископ Иоанн (в миру – Иван Ксенофонович Смирнов, 1844-1919), в 1902-1904 гг. – епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии; в 1904-1910 гг. – епископ Полтавский и Переяславский; в 1910-1917 гг. – архиепископ Рижский и Митавский; с 20 ноября 1917 года по 14 октября 1919 года – архиепископ Рязанский и Зарайский.
- 5 Епископ Орловский (с 12 августа 1918 года – епископ Вяземский) Макарий (в миру – Михаил Васильевич Гневушев, 1858-1918, священномученик, прославлен на архиерейском Соборе 2000 г.).
- 6 Митрополит Иосиф (в миру – Иван Семенович Петровых, 1972-1937, прославлен РПЦЗ в лике святых как священномученик), в 1908-1920 гг. – епископ Угличский, викарий Ярославской епархии; в 1920-1926 гг. – архиепископ Ростовский, викарий Ярославской епархии; в 1926-1927 гг. – митрополит Ленинградский, лидер течения «иосифляства»; 27 марта 1928 года запрещен в служении митрополитом Сергием (Страгородским), однако не признал запрещения; в 1929 году арестован ОГПУ, расстрелян 20 ноября 1937 года.
- 7 Протоиерей Александр Климентовский (1889-?), с 1909 г. – священник Рижской Иоанновской церкви; с 1911 г. служил в Рижском Свято-Троице-Сергиевом монастыре; с 1914 г. – и.о. ключаря Рижского кафедрального собора, протоиерей; в 1916 г. командирован в действующую армию; в 1925 году был арестован ОГПУ, отбывал наказание в Соловецком лагере.
- 8 Протоиерей Василий Березский (1860-?), с 1885 г. – законоучитель в Прибалтийской учительской семинарии; с 1891 г. – священник Рижской Александро-Невской церкви; с 1899 года – Рижско-градский благочинный, с 1902 г. – протоиерей; после Первой мировой войны служил в Таганроге настоятелем церкви Иоанна Предтечи.
- 9 Священник Василий Щукин, с 1908 г. – священник Рижского Христорождественского кафедрального собора; с декабря 1914 года редактировал «Рижские Епархиальные Ведомости».
- 10 Протоиерей Владимир Плисс (1862-1927), с 1893 г. – священник Рижского кафедрального собора, с 1896 г. – ключарь кафедрального собора, с 1900 г. – настоятель кафедрального собора, с 1900 г. – протоиерей и благочинный кафедрального собора; после Первой мировой войны служил в Нижегородской Вознесенской церкви; в 1926 г. был арестован и выслан в Казань. Скончался 28 февраля 1927 года в Казани.
- 11 Епископ Платон (Кульбуш) был назначен управляющим Рижской епархией 22 января 1918 года. Известно, что в мае 1918 года епископ посетил оккупированную немцами Ригу, где во всех церквях провел богослужения. Автор отчета не упоминает этого важного факта. Таким образом, отчет был написан в период с конца января по начало мая 1918 года.
- 12 Речь идет о Петропавловском соборе в Рижской Цитадели, который до постройки Христорождественского собора был кафедральным, а с утратой этого статуса был отдан эстонской православной общине Риги.
- 13 23 марта 1923 года Сейм Латвийской Республики принял закон, по которому комплекс Св.Алексеевского монастыря (храм, архиерейский дом и две жилые постройки) был передан Римско-католической Церкви. Св.Алексеевский храм был

- перестроен (автор перестройки – арх. А. Медлингер) и превращен в католическую церковь Св.Марии Магдалины.
- 14 Ныне – Центральный Рижский вокзал. Привокзальная часовня во имя Св. благ. кн. Александра Невского была снесена в июле 1925 года на основании решения Кабинета министров Латвийской Республики от 26 июня 1925 года.
 - 15 Сестры Екатерина (1861-1926) и Наталия (1868-1934) Мансуровы были основательницами Рижского Свято-Троице-Сергиева монастыря. Обе приняли постриг, Екатерина под именем Сергии стала первой игуменией обители. Видимо, именно сестры Мансуровы и обратились за помощью к С. В. Мансуровой.
 - 16 Митрополит Арсений (в миру – Авксентий Георгиевич Стадницкий, 1862-1936), с 1910 г. – архиепископ, с 1917 г. – митрополит Новгородский и Старорусский, в 1933-1936 гг. – митрополит Ташкентский и Туркестанский.
 - 17 Прибалтийское православное братство Христа Спасителя и Покрова Божьей Матери было образовано в 1882 году (указ Св.Синода от 30 апреля 1882 года был утвержден Устав братства) путем слияния Гольдингенского православного братства (основано в 1869 г.) и Петербургского православного братства (создано в 1871 году) с целью поддержки и распространения православия в Прибалтийском крае.
 - 18 Во время Первой мировой войны комплекс Илукстского женского монастыря и епархиального училища был полностью разрушен, из 12 построек уцелел лишь первый этаж монастырского корпуса. В 1921 году решением латвийского правительства руины Богородице-Рождественского храма и большая часть монастырской земли были переданы католической общине. У монастыря остались лишь около 60 га земли и одноэтажный корпус, в котором была устроена и 22 июня 1927 года освящена домовая церковь Рождества Богородицы.
 - 19 Так в оригинале.
 - 20 Протоиерей Константин Кокла (1878-1946), с 1912 г. – диакон Ревельской Преображенской церкви, с 1913 г. священник Кыргесаарской церкви, с 1915 г. священник Вендауской церкви, с 1916 г. священник Юрьевской Александро-Невской церкви, с 1928 г. протоиерей, в 1927-1944 гг. Тартуский благочинный.
 - 21 Т.е. в виде креста (буквы «X»).
 - 22 В праздник фест (по лат. festum) в католических церквях служитя Литургия, которая сопровождается общим пением.
 - 23 Руга – жалованье причта отсыпным хлебом или деньгами, размер которого назначался произвольно. В данном случае, автор, видимо, имел в виду жалованье, выплачиваемое причту землевладельцами. Ругой также называлась земля, выделенная на содержание причта.
 - 24 Видимо, реквизициями авторы отчета называют национализацию земли большевиками
 - 25 В тексте допущена опечатка. Инициалы обер-прокурора Св. Синода не «А», а «Н. П.». Николай Павлович Раев занимал эту должность с 30 августа 1916 года по 3 марта 1917 года.
 - 26 В документе стоит пробел.
 - 27 В документе стоит пробел.
 - 28 В документе стоит пробел.
 - 29 В документе стоит пробел.
 - 30 В документе стоит пробел.
 - 31 В документе стоит пробел.
 - 32 В документе стоит пробел.
 - 33 Видимо, автор имел в виду поморское согласие староверов-беспоповцев.
 - 34 Австрийское или белокриницкое согласие староверов-поповцев.
 - 35 Интересно отметить, что родоначальниками баптизма были английские пуритане, методисты отделились от англиканской Церкви в Англии, родиной адвентизма считается США, т.е. ни одно из этих течений не зародилось в Германии, как считал автор Отчета.
 - 36 Ирвингиане – религиозное течение, основанное в 30-х годах XIX века в Лондоне пресвитерианским проповедником Эдвардом Ирвингом. Самоназвание – апостолы последних дней, Католическая апостольская Церковь, Староапостольская Церковь.
 - 37 В синодальный период совокупность органов церковного управления в юрисдикции русского Святейшего Правительствующего Синода часто именовалась ведомством православного исповедания или просто Православным Исповеданием.
 - 38 Около Таллинна. Другое название крепости – Ревель-Поркалаудская.

Публикация, предисловие к публикации и примечания Александра Гаврилина

Письмо Преосвященного Доната, Епископа Рижского и Митавского о переходе шведов острова Вормси в православие

Происходивший в середине и во второй половине XIX в. переход крестьян Лифляндской и Эстляндской губерний в православие затронул не только латышей и эстонцев, но и прибрежных шведов¹.

Шведское население восточного побережья Балтийского моря и прилегающих к нему островов упоминается в источниках с XIII века. Численность его возрастала постепенно на протяжении средних веков и особенно активно в период, когда эти территории входили в состав Шведского государства; в XVII в. она составила около 12 тысяч человек. Прибрежные шведы – рыбаки и крестьяне – пользовались т. н. «шведским правом» – *ius svecium*, – оградившим их от крепостного права. Они сохранили личную свободу и некоторые привилегии.

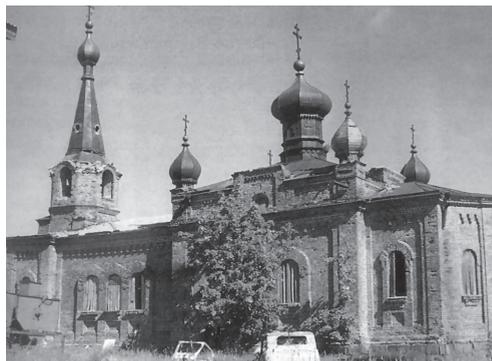
Одним из мест компактного проживания шведов был и остров Вормси, четвертый по величине после островов Сааремаа, Хийумаа и Мухумаа остров Моонзундского архипелага. Население его, как и остальные прибрежные шведы, исповедовало лютеранство. Однако активизация деятельности баптистов во второй половине XIX в. не обошла стороной

и о. Вормси: в 1873 г. на остров прибыл шведский миссионер Ларс-Юхан Эстерблом². Его деятельность вызвала обеспокоенность лютеранской консистории Эстляндии, обратившейся за помощью к губернатору Эстляндии князю С. В. Шаховскому³. В 1887 г. был выслан сначала сам Эстерблом, а затем и другие шведские миссионеры-баптисты, действовавшие в других местах Эстляндии.

«Вот среди этого населения, – пишет историк церкви в XX в. – в 1886 г. началось движение в православие к немалому удивлению людей, знающих жизнь этих мест. Лютеранская вера отцов не стала удовлетворять духовные нужды островитян, и люди стали искать истины. Стали возникать секты – частью под влиянием сектантов иноземных, частью по почину наиболее влиятельных людей из среды самих крестьян. Сначала движение было малозаметно, но быстро разрослось и охватило весь остров. Наиболее распространились здесь скакуны, как секта, соответствующая характеру местного населения. Но и секты не удовлетворяли жаждавших истины. Они быстро меняли их, переходя из одной в другую, покидая одного «учителя» и увлекаясь

Церковь на о. Vormси. 2007 г.

Недействующая церковь на о. Vormси. 1960-е гг.

доводами другого. Вот в это время сюда дошли вести о православии.

С осени 1886 г. к Гапсальскому⁴ благочинному о. Николаю Полетаеву⁵ стали приходить делегации от Vormских крестьян с просьбой принять их в лоно православной церкви. О. Полетаев уговаривал островитян повременить с переходом в «русскую веру» и зрело обдумать этот шаг, пока не убедятся, что стремление к принятию православия не есть исход моментального увлечения. Но делегаций становилось все больше, а их требования настойчивее. В том же году о. Полетаев приехал на Vormси, где крестил 560 человек.

Это религиозное движение среди Vormских крестьян застало врасплох церковь: не было священника, знавшего шведский язык, богослужебных книг, средств на построение храма и школ.

Указом Святейшего Синода в 1886 г. открыт самостоятельный приход.⁶

Эта ситуация и отражена в письме Преосвященного Доната⁷ Епископа Рижского и Митавского от 7 июля 1886 г., в котором описана чрезвычайно напряженная религиозная обстановка, сложившаяся к тому моменту на острове Vormси.

В дальнейшем построенный в 1890 г. деревне Гулло (Hullo) на острове Vormси каменный храм «был освящен во имя Воскресения

Христово 29 июля 1890 г. Преосвященным Арсением⁸, епископом Рижским и Митавским»⁹. Приходская школа, открытая еще в 1886 г., с 1890 г. помещалась рядом с церковью в собственном деревянном доме. В деревне Свибю работала и вспомогательная школа, открытая также в 1886 г. Работа школ сталкивалась с затруднениями также и потому, что местный шведский язык отличался от современного шведского литературного, и учителей для этих школ было найти нелегко. В отчетах нередки сетования подобного рода: «Особенно трудно подыскать подходящих учителей для училищ на островах Vormс¹⁰, Даго, Нукке и в волостях на севере Гапсальского уезда Рикгольцской и Сутлепской, где главную массу населения составляют шведы, для которых преподавание закона Божия должно вестись на шведском языке, притом, туземном-старошведском, совершенно отличном от нынешнего шведского литературного языка. Вследствие такой особенности приходится ограничиваться для этих местностей паллиативными мерами из опасения, что школа может оказаться недействующею, как это и случилось с Пагиленскою волостною школою на острове Нукке, которая была закрыта в течение двух лет с 1898 по 1900 год, за неимением учителя, знающего местный шведский язык».¹¹

Количество прихожан на острове Вормси в конце XIX – начале XX веков постоянно росло: в 1891 г. их было 565 человек, в 1900 г. – 667 и в 1916 г. – 688¹². В дальнейшем их число сокращалось. Приход на острове Вормси был закрыт в 1951 г.

Большинство прибрежных шведов уехало во время Второй мировой войны. В настоящее время делаются попытки предотвратить дальнейшее разрушение православного храма на о. Вормси¹³.

Публикуемое письмо Преосвященного Доната, Епископа Рижского и Митавского, от 7 июля 1886 г. из фондов Латвийского государственного исторического архива (далее

ЛГИА) дает представление об особенностях ситуации, сложившейся на острове Вормси в момент обращения его жителей в православие. Документ сохранился среди бумаг канцелярии епископа Рижского и Митавского и представляет собой канцелярскую копию. Текст документа воспроизводится по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника. При публикации сохранено написание прописной и строчной букв, так как это дополнительно характеризует отношение авторов документов в том числе и к проблемам вероисповедания.

Письмо Преосвященного Доната Епископа Рижского и Митавского от 7 июля 1886 г.

ЛГИА. 4754.1.472. Л. 83-85

Копия¹⁴

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец.

Третья часть жителей острова Вормса в числе 813 лиц чрез представителей волостного управления своего заявили письменно Гапсальскому священнику Полежаеву¹⁵ о своем желании принять православную веру. Побуждением к принятию православия, по заявлению их, служит то, что они под влиянием учения баптистов и скакунов потеряли уверенность в какой-нибудь прежней вере своей и решились принять самую старую и неизменную веру православную, которую исповедает Государь¹⁶ и русский народ. Их знакомство с этою верою убеждает, что она согласна с Библиею. Жители этого острова Шведы, мужчины их понимают несколько

эстонский язык, а женщины и дети не понимают никакого языка, кроме шведского.

Один из священников острова Эзеля¹⁷ Орлов¹⁸, знакомый с книжным языком, сделал переводы литургии, часов, чина присоединения лютеран к православной церкви и некоторые молитвы, но Орлов не свободно владеет разговорным языком. Поэтому он вместе с Дерптским¹⁹ Протоиереем Образцовым²⁰, изучавшим шведский язык во время службы при миссии в Стокгольме, может послужить при присоединении жителей Вормса к православной церкви, но не может быть у них священником.

Озабочиваясь приисканием такового, я всепочтительнейше прошу Ваше Высокопреосвященство указать мне такое лицо между служившими в Финляндии или при посольстве в Швеции, которое я мог бы

назначить священником на о[стров] Вормс в случае открытия там прихода для шведов.

По поводу жалобы, поданной Вашему Высокопреосвященству от имени Якобштатских²¹ прихожан на священника Лебедева и диакона Дунаева. На следствии она оказалась ложною и измышлена 7 неблагонадежными лицами, находящимися в близких сношениях с младшим священником Пайшен²².

Испрашивая Ваших Архипастырских молитв, с глубочайшим высокопочитанием и сыновнею преданностью имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря
всепокорнейший послушник
Донат Епископ Рижский и Митавский

7 июля 1886 г.
Рига

Примечания

- 1 Встречаются также варианты этнонима: балтийские шведы, эстонские шведы, береговые шведы.
- 2 Sonn M. Vormsi. Tallinn: Maalehe Raamat, 1999. Lk 51-52.
- 3 Берг А. Ревнитель православия в Прибалтике. ЖМП № 10 октябрь 2014 / 20 октября 2014 г. http://www.e-vestnik.ru/analytics/revnittel_pравoslaviya_v_pribaltike_8374/?m=print (2015-12-27)
- 4 Гапсаль – уездный город в составе Эстляндской губернии, совр. г. Хаапсалу.
- 5 Полетаев Николай Александрович (5.07/5.11.1846-21.09.1888). Окончил Рижскую Духовную семинарию (1867), Санкт-Петербургскую Духовную Академию (1871). Преподавал в Рижской Духовной семинарии (1871-1879). Служил иереем в Хаапсалу (1880-1888). Открыл приходы в Вайке-Лахтре (1884), Мьямыйза (1886), Мьярьмаа (1886), Вормси (1886), Ристи (1887). – Православие в Эстонии в X-XXI столетиях. Имена личные и храмы. Энциклопедический справочник. Сост. В. Илляшевич. Таллинн, 2014. С. 277. Среди документов канцелярии епископа Рижского и Митавского сохранилось свидетельство о знании эстонского языка священником Николаем Полетаевым – «эстонский язык знает хорошо» (Латвийский государственный исторический архив, далее ЛГИА.4754.1.472. Л. 148).
- 6 Исторический архив Эстонии, далее ИАЭ. 5466. т. 29. Л. 47. – Рукопись: Vladimir von Berens. Эстонская епархия. Тп., 1974.
- 7 Епископ Донат (1829-1900) занимал Рижскую кафедру в 1882-1887 гг. (Сахаров С. П. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836-1936). Популярно-исторический очерк. Краслава, б. г. С. 34-36.)
- 8 Архиепископ Арсений (1839-1914) занимал Рижскую кафедру в 1887-1897 гг. (Сахаров С. П., с. 36-40.)
- 9 ИАЭ. 5466. т. 29. Л. 47 об.
- 10 Вормс (эст. Vormsi, швед. Ormsö, нем. Worms) – совр. о. Вормси, один из островов Моонзундского архипелага. Входил в состав Эстляндской губернии.
- 11 ИАЭ.384.1.1352. Л. 237об.-238.
- 12 ИАЭ. 5466. т. 29. Л. 47 об.
- 13 <https://www.facebook.com/Vormsi-%C3%95igeusukiriku-Taastamise-MT%C3%9C-795868073832886/notes> (2015-12-27)
- 14 В левом верхнем углу листа наискосок синим карандашом написано слово «Рига».
- 15 Фамилия священника при копировании, видимо, была вычитана неверно (строчное «т» прочитано как строчное «ж») и искажена: вместо «Полетаев» написано «Полежаев». О Полетаеве смотри ссылку 5.
- 16 Александр III (1845-1894), император Всероссийский в 1881-1894 гг.
- 17 Эзель – совр. о. Сааремаа (эст. Saaremaa, нем. Ösel), крупнейший из островов Моонзундского архипелага.
- 18 Орлов Николай Федорович (1834-3.08.1890), протоиерей. Священник на островах Эзель и Вормс, также в Гапсале, переводчик богослужебных книг на эстонский и шведский языки. Член и соучредитель «Эзельского Свято-Николаевского эсто-русского Православного Братства». – Православие в Эстонии в X-XXI столетиях. С. 250.
- 19 Дерпт – уездный город в составе Лифляндской губернии, совр. г. Тарту.

- 20 Образцов Павел Ефимович (1840-23.11.1895), профессор православного богословия в Дерптском университете (1885-1892), протоиерей. Настоятель Успенского храма в Дерпте (1.03.1885-1.09.1891). – Православие в Эстонии в X-XXI столетиях. С. 246.
- 21 Якобштадт – город в составе Курляндской губернии, совр. г. Екабпилс.
- 22 Пайшен – о слухах и недоразумениях, связанных с этим священником в Якобштадте, см. также в письме епископа Рижского и Митавского Доната К. П. Победоносцеву от 1 февраля 1885 г. (ЛГИА. 4754.1.472. Л. 183.)

Публикация, предисловие и комментарии Людмилы Дубьевой

Summary

Like all the previous issues of the scientific periodical “Orthodoxy in the Baltic States”, the fifth issue also consists of three sections: 1. Scientific articles; 2. Memoirs; 3. Publication of documents.

An article of Polish historian, Professor Anthony Mironovich “Liquidation of the Commonwealth on the territories of the Polish Kingdom” traces the process of the destruction of the last stronghold of the Uniate Church in the Russian Empire – Greek-Catholic parishes on the territory of the former Kingdom of Poland. The author concludes that this process was based on close cooperation between tsarist authorities and hierarchy of the Uniate Church as well as the repression of public authorities against the Uniate clergy and laity. Meanwhile, the use of methods of administrative coercion in the conversion of Uniates to Orthodoxy negatively affected the reputation of the Orthodox Church.

An article of the architectural historian, Archpriest Alexander Bertash is devoted to the work of Vladimir Lunskiy – the provincial architect of Livonia and the diocesan architect of Riga at the end of XIX – beginning of the XX century. Until now the churches built by Lunskiy, did not attract the attention of researchers.

Anatoly Kinstler in the article “Good Samaritan f. Alexander Kiselev: Experience of work with Russian youth” analyzes the wealthy experience of the missionary activity of the native Estonian, f. Alexander Kiselev.

An article of the son of the artist Yevgeny Klimov – professor of Russian literature Alexei Klimov – is devoted to a little-known page of the artist's creative work, that is, of his attitude to religion, his attempts to paint icons and to work on mosaics on religious subjects.

The material of the St. Petersburg historian Ivan Petrov analyzes the situation of the Orthodox clergy in the former Estonian lands, included after the Second World War in the Russian Federation.

Finally, the Estonian researcher Sergey Männik introduces the reader to one of the Orthodox bishops – Estonians – Roman (Tang).

In the second section of the periodical, the memoirs of lawyer Boris Grunduls (1889-1969) “On stage and in the choir. Memories of a chorister” are published. As the son of an Orthodox priest, author of memoirs already in his childhood began singing in church choirs. Over the years, B. Grunduls accumulated a wealth of experience in choral singing and learned to deal with it professionally. It

should be noted that this is the first attempt in the history of the publication of memoirs of a chorister, who sang in the Latvian Orthodox churches. The text of memoirs is prepared for publication by Dm. I. Troubetzkoy.

In the third section of the periodical, the last report on the state of the diocese of Riga for 1917 is published – the only report compiled by consistory of the martyr Platon (Kulbush), Bishop of Revel. This unique document

is prepared for publication by Alexander Gavrilin. In the same section, “A Letter to the Right Reverend Donat, Bishop of Riga and Mitau, about the conversion of Swedish Vormsi to Orthodoxy”, prepared for publication by Lyudmila Dubieva, is also published.

All historical sources, published in the third section, are introduced into the scientific discourse for the first time.

Православие в Балтии
№ 5 (14)
Научно-аналитический журнал

Pareizticība Baltijā
Nr. 5 (14)
Zinātniski analītisks žurnāls

The Orthodoxy in the Baltics
№ 5 (14)
Scientific-Analytical Journal

Izdevējs: LU Filozofijas un socioloģijas institūts

Kalpaka bulvāri 4, Rīga, LV-1050
tālr. – 67034520 e-pasts – fsi@lza.lv www.fsi.lu.lv

Iespiests SIA «Latgales druka», Rēzeknē, Baznīcas ielā 28